

Новосибирское областное историко-просветительское
правозащитное общество «Мемориал»

Новосибирская городская общественная организация
реабилитированных граждан «Колокол»

РЕПРЕССИРОВАННАЯ СИБИРСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

*Посвящается светлой памяти
почетного председателя
НО ИППО «Мемориал»
Леонида Соломоновича Труса*

Новосибирск, 2013

УДК 94(571.1/.5)"
193/195"(082) ББК
63.3(2)61/63-361я431 Р41

Ответственные редакторы: д-
р ист. наук С.А. Красильников
канд.ф.-м. наук А.Л. Рудницкий

Издание подготовлено при содействии Правительства Новосибирской
области и Общественной палаты Новосибирской области

Р41 **Репрессированная сибирская провинция:** материалы регионального научно-
практического семинара. Новосибирск, 28-29 октября 2013 г. — Новосибирск:
Сибпринт, 2013. — 134 с.
978-5-94301-520-5

В издании, подготовленном по итогам работы регионального научно-практического
семинара «Репрессированная сибирская провинция», отражено современное состояние
научных исследований в области изучения истории государственных политических
репрессий советской эпохи в Сибирском регионе. Наряду с изучением форм, методов и
масштабов репрессивной политики анализируются групповые и индивидуальные
практики сопротивления и протеста советскому политическому режиму. В отдельном
разделе представлены свидетельства репрессированных и публицистика по проблематике
исторической памяти о репрессиях в СССР. Предназначается научным работникам,
преподавателям вузов, учителям, а также аспирантам и студентам.

ББК 63.3(2)61/63-361я431
УДК 94(571.1/.5)" 193/195" (082)

Фотография на обложке — памятник жертвам политических репрессий «Прощание» в
городе Барнауле, выполненный по проекту скульпторов Прокопия и Анатолия
Щетининых архитекторами Елена и Алексей Крыловы. Фото Виктора Юкечева.

Фотографии на обороте обложки предоставлены Искитимской епархией РПЦ.

ISBN 978-5-94301-520-5

© Красильников С.А., Рудницкий А.Л., 2013
© Сибпринт, 2013

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

101000, Москва. Мясницкая ул., дом 47

тел. 607-18-54, факс 607-39-77.

№ ВЛ-23786-ВЛ

25 ОКТ 2013

201 г.

Уважаемые организаторы, участники и гости регионального научно-практического семинара «Репрессированная сибирская провинция»!

Позвольте нам приветствовать и поддержать Вас в Вашем стремлении подвергнуть научному обсуждению судьбоносные, трагические и памятные события советской эпохи. Два последних десятилетия дали колоссально много для нашего осознания того, что произошло со страной, ее социумом, поколениями и отдельными семьями в условиях несвободы, насилия и принуждения, возведенных в ранг государственной политики. Сегодня мы знаем многие ответы на вопросы «как это было?» и «почему это было?» Но чем больше растет наше информационное знание о природе, формах и масштабах государственного насилия, тем более отчетливо встает проблема не столько научно-познавательного, сколько нравственного и этического характера — о ЦЕНЕ, заплаченной за десятилетия несвободы и подавления личности, ЦЕНЕ за участие или содействие охранительным и репрессивным практикам советского режима, ЦЕНЕ сопротивления этому режиму.

Мы приветствуем Вас в желании рассмотреть в возможной полноте и разнообразии стержневую для проблематики изучения сталинизма триаду: репрессии — сопротивление — историческая память. Сибирь в сталинскую эпоху была не только территорией, куда направлялось и где проявлялось в «чистом» виде концентрированное государственное насилие, но она же и накопила немалый и еще до конца научно не осмысленный протестный потенциал.

Успешной и дискуссионной работы!

***В.П. Лукин, Уполномоченный по
правам человека в Российской
Федерации***

***А.Б. Рогинский, Член
экспертного совета
при Уполномоченном по правам
человека в Российской Федерации,
Председатель правления
международного общества «Мемориал»***

Раздел I ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Красильников (НГУ)

ДОКТРИНА И ТЕХНОЛОГИЯ СТАЛИНСКОГО НАСИЛИЯ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ДИСКРИМИНАЦИЯ, РЕПРЕССИИ

1. Доктрина перманентного насилия. Большевистский режим, выросший из эпохи войн и революций (1914–1922 гг.), в последующие три десятилетия, вплоть до смерти И. Сталина (за исключением краткого периода 1923–1927 гг., названного условно нэповским), во взаимоотношении с различными группами российского / советского социума базировался на применении технологий социальной мобилизации, сочетавших меры поощрения и принуждения, вплоть до прямого насилия. Доктринально это выражалось в воспроизводстве стереотипов и установок непрерывной «классовой борьбы», состояния «осажденной крепости», угрозы «интервенции и буржуазно-монархической реставрации». Возникло системное противоречие между взаимоисключающими целями — позитивной консолидацией основной части социума вокруг цели «построения социализма» и конфликтной мобилизацией на борьбу и уничтожение «врагов народа». В создании информационно-мировоззренческой картины мира большевики исходили из черно-белой модели («мы — они», «свои — чужие»), где объектами контроля, принуждения и насилия выступали самые разнообразные социальные слои и группы, как реально существовавшие, так и искусственно сконструированные в образах «врагов народа». Режимное насилие требовало в своем практическом воплощении опоры на маркеры, идентификаторы.

2. Роль и функции социально-политической идентификации. Проблема идентификации заняла особое место в социальной политике сталинского режима. Режим предпринял и частично реализовал грандиозную программу переструктурирования традиционного в своей основе российского социума в новое «социалистическое» общество. Очевидно, что речь шла не просто о радикально осуществлявшейся принудительной идентификации, но о достижении с помощью данного средства целей массовой социальной инженерии. Место базовых идентификаторов (сословных, этнических и конфессиональных) заняли социально-классовые и идеолого-политические признаки. Социально-политическая идентификация выступала инструментом конструирования политическим режимом новой «советской общности». Провозглашенный в 1917 г. как цель трансформационный переход от иерархизированного общества к «неантагонистическому» (Конституция 1936 г.) сопровождался колоссальными по масштабам и последствиям социальными сдвигами (мобильность, миграции, маргинальность), где стихийные процессы противоречиво сочетались с политическими целями и программами большевиков.

Государственная политика в социальной сфере проводилась с применением широкого арсенала средств, где поощрение и поддержка одних слоев и страт сочетались с принуждением и насилием в отношении других массовых групп. Следует отметить, что возникало практически непреодолимое противоречие между провозглашенной целью (достижение состояния «бесклассового» общества в СССР уже к концу второй «сталинской пятилетки») и практикой того, что в обществе вводились и действовали идентификаторы, которые не консолидировали, а стратифицировали социум.

В новой стратификационной системе, казалось бы, укрупненной и упрощенной, где действовало «приписывание» либо к «трудящимся», либо к «эксплуататорам», чаще всего «бывшим», куда зачислялись представители и выходцы из привилегированных сословий имперской России, идентификация стала делом социально-стратегическим. Установленные и

санкционированные государством процедуры по реформатированию на новую, «классовую» модель социально-сословной мозаики, усугубленной ломкой общественных структур в эпоху войн и революций, столкнулись с массовой адаптацией групп социума к новым правилам. Подобная адаптация не могла не вызвать к жизни поведенческие практики, справиться с которыми политическая система в разумных формах не могла¹.

Так, привилегированный статус рабочего пролетария оказался крайне привлекательным, равно как и приравненный к нему статус крестьянина-бедняка. Известный послереволюционный писатель Пантелеймон Романов в рассказе «Право на жизнь, или Проблема беспартийности» блестяще ухватил тенденцию социальной мимикрии. Главный герой рассказа, литератор, вынужден скрывать не только свой род деятельности, но и происхождение, когда в анкетах о статусе отца, в прошлом инспектора народных училищ, писал, что тот был народным учителем. В уста своего героя писатель вложил следующие рассуждения в свое оправдание: «Всякий знает, что количество рабочего и крестьянского населения в первые же недели Октябрьской революции бешено возросло. Почему? Да просто потому, что каждому хочется жить. Просто жить. Дело обыкновенное».

Уточнение идентификационных процедур, чтобы они работали в нужном направлении, приводило на деле только к их усложнению, отягощенному бюрократическими практиками. И если с этническими и конфессиональными идентификаторами картина представлялась относительно простой, то ситуация с социально-политической принадлежностью «уводила» в сторону от намеченной цели. По какой социальной шкале переводить сословную принадлежность в классовую? Как быть с установлением принадлежности по признаку происхождения в семьях с разсословным состоянием родителей? Как оценивать собственный социальный состав, который несколько раз мог меняться? К какой социальной группе отнести рабочего «от станка» и крестьянина «от сохи», ставшего «выдвиженцем», т. е. управленцем низшего или среднего звена? Эти и десятки подобных вопросов лишь усложняли, делали громоздкой технологию социальной инженерии. Установленные правила влекли за собой создание многочисленных проверочных процедур, что в свою очередь способствовало вовлечению в «идентификационное строительство» значительной массы структур и лиц, профессионально или на «общественных началах» занимавшихся сбором, уточнением и перепроверкой идентификационных параметров.

Среди последних важное место стали занимать понятия, рассчитанные на «глубину», или ретроспективный подход в идентификации («потомственный пролетарий», «потомственный батрак», «бывший потомственный гражданин», «бывший белый офицер» и т. д.). В стратификационной шкале начали формироваться промежуточные, переходные звенья из групп, которые могли сменить свой статус на более значимый или снизить его. Так,

в политической шкале помимо кандидатов в члены большевистской партии появилась номинация «сочувствующие», для групп творческой интеллигенции существовала категория «попутчиков» и не только в отрицательной коннотации, но и как перспектива стать пролетарским или крестьянским писателем, художником и т. д. Следует, однако, отметить, что нахождение в промежуточной идентификационной категории не могло быть продолжительным: уже с конца 1920-х гг. нейтральность или аполитичность, распространенные как политические маркеры применительно к основной массе интеллигенции в нэповские годы, стали предметом осуждения и императивных требований для специалистов определиться в степени своей лояльности, или «советскости».

Исследователями отмечено, что идентификационные признаки, внедрявшиеся структурами власти в массовое сознание и вызывавшие адаптационные реакции приспособления к ним, имели под собой не столько социологические, сколько идеологические основания. В условиях крайне расширительного толкования и соответствующего, шедшего «сверху», нормативного «приписывания» значительных слоев социума к той или иной стратификационной категории происходило неизбежное размывание

¹ См. об этом: Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России в XX в. М., 2011. — 375 с.

границ не только «полезных» социальных общностей («трудящиеся»), но и «не полезных» общностей («эксплуататоры»). Еще более картина осложнялась введением в этот ряд не менее расплывчатых категорий, таких как «социально близкие» или «социально чуждые / опасные / вредные» элементы. Однажды зафиксированная в чекистских учетно-нормативных документах с середины 1920-х гг. категория «социально опасные лица» стала в дальнейшем «разбухать», вбирая в себя те группы, которые помимо действительно опасных для социума элементов (преступники-рецидивисты, контрабандисты и др.), т. е. носителей преступности и девиантного поведения, стали с начала 1930-х гг. пополняться за счет деревенских слоев и групп, беженцев, гонимых голодом и властью. Возникла и множилась громадная масса маргинального населения, которую пытались не просто нейтрализовать, но и подвергнуть «перековке» трудом. Так в результате массивной «чистки» крупных городов и приграничных территорий в первой половине 1933 г. была сделана попытка переместить в восточные районы страны несколько сотен тысяч «деклассированных элементов», направив их в места крестьянских спецпоселений. Однако опыт и итоги принудительного реформирования статусов с «вредных» на «полезные» оказались весьма негативными. Это было признано в приказе ОГПУ от 16 апреля 1934 г., отмечавшем, что «освоение одиночек из числа городского деклассированного элемента в условиях спецпоселков не дает должных результатов»². Свидетельством номенклатурного бессилия в попытках решить проблему «соцвредов» перманентными массовыми «чистками» городов по ускоренной процедуре, пропуская арестованных через милицейские «тройки», был рост численности этой категории (в 1935 г. через указанные квазисудебные структуры прошло 120 тыс., в 1936 г. — 140 тыс. чел.): в 1939 г. «соцвреды» в составе заключенных ГУЛАГа оказались второй по численности категорией после «контрреволюционеров», составляя 285 тыс. чел., или 22 % лагерно-тюремного «спецконтингента»³. Появление и воспроизводство во все разрастающихся размерах структурной социальной маргинальности явилось своего рода индикатором глубокого кризиса и деградации грандиозного проекта по созданию «нового советского общества».

Своего рода «визитной карточкой» идентификационных сдвигов в составе населения страны с точки зрения социальной структуры стали материалы переписей 1926, 1937 и 1939 гг. Так, зафиксированная в переписи 1926 г. градация групп населения по социальным признакам давала достаточно пеструю и мозаичную картину, в которой оказывались представлены не только «трудящиеся» (рабочие, служащие, крестьяне, кустари и ремесленники) и «эксплуататоры» (хозяева с наемными рабочими, зажиточные крестьяне / «жулаки», рантье и др.), но и промежуточные, переходные категории, к которым относились «иждивенцы государственных и общественных учреждений» (сюда включались такие группы, как пенсионеры и учащиеся, с одной стороны, и заключенные — с другой), лица свободных профессий, деклассированные элементы, безработные, прислуга. Однако уже в материалах переписи 1937 г. состав населения по социальным группам и занятости, нормативно установленным государством, давал существенно иную, «смазанную» идентификационную картину социума. Градация включала в себя генеральное деление на самодеятельное и несамодеятельное население. В свою очередь, первая категория состояла из 10 групп, где присутствовало подразделение на три номинации — рабочие, служащие, колхозники и кооперированные кустари; единоличники, некооперированные кустари, люди свободных профессий; «нетрудящиеся» (служители культа, пенсионеры и инвалиды, живущие на доходы от сдачи домов, продажи имущества и т. д.). Так называемый спецконтингент (заключенные, ссыльные, трудпоселенцы и др.) переписывался в особом порядке и «прятался» в общей статистике⁴.

² Цит. по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938: Сб-к документов. Новосибирск, 1994. С. 56.

³ За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011. С. 177–178.

⁴ Всесоюзная перепись 1937 года: общие итоги: Сб-к документов и материалов. М., 2007. С. 124–125.

Упрощенная картина социальных статусов в межпереписной период формировалась директивами большевистского руководства. Так, И. Сталин, говоря в 1936 г. об изменении социального облика советского общества, прямо утверждал: «наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие слои общества исчезли с лица советской земли»⁵.

В то же время, если воспользоваться приведенной выше образной формулировкой П. Романова, в тот же межпереписной период «бешено возросло» количество номенклатурного и «деклассированного» населения. В частности, согласно переписи 1937 г. численность руководителей предприятий, учреждений и их отделов вместе с председателями колхозов достигла 1,3 млн чел., что превышало размеры таких массовых профессий, как горняки (850 тыс.), текстильщики (1 млн) или учителя (970 тыс.)⁶. На тот же момент в СССР находились в местах заключения 1,2 млн чел. и в трудпоселках 979 тыс. чел.

Итогом стало формирование в течение межвоенного периода (1920–1930-е гг.) советского социума, внутри которого на новом уровне воспроизводились структурная иерархия и поляризация (наличие полюсов в виде номенклатурных и маргинальных страт в сочетании с нивелированной массой «трудящегося» населения).

3. Роль и функции социально-политической дискриминации. Эффективным инструментом масштабной принудительной трансформации социума выступали всевозможные дискриминационные практики, вводившиеся большевистским режимом с 1918 г. Дискриминации, или ущемления и ограничения базовых прав и свобод граждан (на свободу передвижения, выбор профессии, получение образования и т. д.), базировались как на стереотипах, предрассудках и фобиях традиционного общества, так и на сознательно провозглашенной режимом политике стигматизации слоев и страт социума на основе социальных, политических, конфессиональных, культурных и иных идентификаторов. Основными и наиболее массовыми дискриминациями являлись введенные после революции электоральные ограничения (лишение избирательных прав представителей групп, выделенных по восьми признакам). Политический характер имели дискриминации по признаку лояльности к власти («контрреволюционеры»), представители конфессий подвергались дискриминациям по религиозному признаку, и т. д. На протяжении 1920-х гг. происходила «маркировка» и создание социально-учетных категорий из числа т. н. лишенцев, бывших и др. Так, только учетная численность «лишенцев» различных групп в 1928 г. достигала (вместе с взрослыми членами их семей) 3,7 млн чел. (в деревне — около 4 %, в городах — до 7 % самодеятельного населения)⁸.

Дискриминации в постреволюционном обществе обладали громадным мобилизационным потенциалом. Отметим еще раз, что при трансформации традиционного общества и традиционной политической системы, каковыми являлись российский социум и режим, дискриминации выступали строительным материалом для тоталитаризма. Переструктурирование общества, когда при обрушении и разломах социальной структуры маргинальные слои становились «мандаринами» (используя китайскую лексику), а вчерашние «мандарины» — новыми маргиналами, дискриминации служили строительным материалом для сталинизма. Трагедия для одних слоев социума оборачивалась социальным шансом для других. И в данном контексте — дискриминации (прежде всего социальные и политические) выступали как акты социального реванша «низов» и актами социальной справедливости.

Социально-политическая инверсия статусов посредством фаворитизации одних групп и маргинализации других обладала ценнейшим для формировавшегося тоталитарного режима свойством — поддержание иллюзий равенства и справедливости. Знаменитая фраза

⁵ Сталин И.В. Доклад на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов. М., 1936. С. 10.

⁶ Всесоюзная перепись 1937 года: общие итоги. С. 129–138.

⁷ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. М., 2004. Т. 4: Население ГУЛАГа. С. 130; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 228.

⁸ См.: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е годы. Новосибирск, 2004. С. 38–39.

Шарикова, персонажа повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», на вопрос профессора Преображенского о том, как он понял смысл споров между Энгельсом и Каутским, ответившего: «А что тут думать? Взять все, да и поделить», отсылает нас к еще одной грани природы дискриминаций — антитезе «верхи — низы», «бедность — богатство» с вариантом инверсии, известной по строкам из «Интернационала» — «Кто был ничем, тот станет всем». Дискриминации проводились по разнообразным основаниям, базовыми среди которых выступали социально-политические (по прошлому и настоящему статусу, политической деятельности и принадлежности), конфессиональные (за наличие и отстаивание своих религиозных убеждений), этнические (различного рода этнофобии — антисемитизм, в частности), социокультурные (интеллигентофобии / «спецеество»).

Необходимо различать причины и основания для дискриминаций. Одни из них носили институциональный, продекларированный характер и источником их выступал политический режим и его структуры (лишенство, «чистки»), другие же — внеинституциональный характер и имели глубокие социально-психологические, ментальные корни, что проявлялось на поведенческом, бытовом, повседневном уровнях (всевозможные фобии, особенно этноконфессиональные). Сталинский режим умело и успешно соединял в собственных интересах потенциал дискриминаций «снизу» и «сверху» в период кризисов и катастроф («спецеество», антисемитизм и т. д.).

Нами выделяются следующие базовые последствия, или цена дискриминаций:

- политические (укрепление политического режима как универсального регулятора жизнедеятельности социума); – социальные (создание сложно стратифицированного режимного социума, отягощенного теньвыми маргинальными структурами и неформализованными практиками); – экономические (деформированные социально-трудовые отношения, стимулы и мотивация трудовой деятельности, скрытые противоречия); – демографические (деформация института семьи, раскол поколений («сын за отца не отвечает»), вынужденные / принудительные миграции и т. д.); – культурные (воспроизводство открытых и скрытых противоречий и конфликтов в образовательно-культурных, государственно-конфессиональных, межэтнических и других сферах). Главным итогом дискриминационной политики и

практики ее реализации в постреволюционном обществе следует считать формирование и воспроизводство искусственной маргинализации и сопутствующих этому феномену типов личности, субкультур и поведенческих практик.

4. Роль и функции социально-политических репрессий и террора. С конца 1929 г.

социально-учетные данные на категории «лишенцев», ссыльных и осужденных за различные нарушения легли в основу массовых репрессивных действий в деревне и в городе. Списки деревенских «лишенцев» ложились в основу масштабных депортаций крестьянства в первой половине 1930-х гг.; с той же целью использовались данные учета «бывших» (священнослужители, офицерство, члены непролетарских партий и движений и др.). Репрессии начала 1930-х гг. по масштабам и структуре переросли в новое качество — государственный террор с его сущностными признаками, проявившимися в 1918–1921 гг. и ставшими прологом к «Большому Террору» 1937–1938 гг. Размах внесудебных (квазисудебных) репрессий, производившихся чекистскими органами с привлечением других структур и «народного актива», принял катастрофический, избыточный характер: в 1930 г.

— около 200 тыс. арестованных, из них каждый десятый расстрелян; в 1930–1931 гг. из деревни в спецпоселения депортировано около 2 млн сельских жителей; проведенные ОГПУ массовые аресты 1930–1931 гг. за «причастность» к мифическим организациям «Промпартии», «Союзному бюро меньшевиков», «Трудовой крестьянской партии» и др. в среде профессиональной интеллигенции затронули около 10 тыс. чел. из числа наиболее квалифицированных специалистов (до 5 % их численности).

Репрессии, переходившие в 1930-е гг. с циклом в пять лет в фазу государственного террора (1930–1931 и 1937–1938 гг.), в полной мере выступали как сущностная характеристика сталинского тоталитарного режима, наряду с другими характеристиками (идеократия, культ вождя, социальные мобилизации и др.). Функциями репрессий и террора наряду с причинами политическими (изоляция и уничтожение реальных или мнимых противников режима) выступали экономические (формирование и расширение системы принудительного труда / ГУЛАГ), социальные (переструктурирование социума), а также культурные и ментальные (эксплуатация, использование сталинским режимом всевозможных фобий, противоречий и конфликтов внутри социума — «низы против верхов») причины. В силу действия базовых оснований (логика распространения насилия не только «вширь», но и «вглубь»), «Большой Террор» оказался повернут не только против массовых, но элитных групп (номенклатуры). Ныне отечественные и зарубежные исследователи тоталитарного насилия приходят к согласию в том, что кульминация сталинского террора (1937–1938 гг.) явилась следствием десятилетней радикализации политики, направленной против маргинальных и «социально-вредных» элементов», а также «советской ксенофобии» по отношению к «диаспорным народам», совмещенной с внутриэлитными конфликтами и напряженностью в отношениях между Центром и периферией, а также превентивными действиями на угрозу предстоящей «Большой войны»⁹.

В числе других мотивов для развертывания сталинским руководством государственного террора следует учитывать наличие и осознание в качестве потенциальной угрозы такого фактора, как все возрастающее количество и разнообразие новых «лишних людей». «Кадровые революции» первой половины 1930-х гг. (одно только создание массовой колхозно-совхозной системы дало несколько сотен тысяч номенклатурных мест, сопровождаясь колоссальной текучестью управленческих кадров в деревне, включая снятых, уволенных, арестованных и осужденных за должностные или уголовные преступления; сюда же следует добавить также и сотни тысяч партийцев «вычищенных» и исключенных из партии по различным основаниям) формировали громадный резервуар из числа «своих», стигматизированных по самым разным основаниям. Этот своего рода все разбухавший «социальный отсев» не мог не вызывать у сталинского режима стремления к его «стерилизации» проверенными уже репрессивными технологиями.

Н.Г. Охотин (СПб), М.Б. Гнедовский (Москва)

СТРАДАНИЕ КАК ЭКСПОНАТ ИЛИ МУЗЕЙ СТРОГОГО РЕЖИМА

В основу публикации положен переработанный авторами текст доклада на Международной конференции по истории сталинизма в Москве 28–29 октября 2011 г.

Многие проблемы, которые волнуют историков, волнуют также и музейных работников. Однако в музеях есть и свои, специфические проблемы. Дело в том, что материал и способ описания, анализа и презентации результатов в музеях — иной, чем в исторической науке. Музей — это своего рода театр памяти, но с неодоушевленной визуальностью и ограниченной вербальной составляющей. Поэтому здесь трудно передавать полутона и оттенки, нужны очень точные образы и символический язык предметности.

1. Наследие — пересмотр концепций

В последние годы многие исследователи обращают внимание на неоднородность и неоднозначность понятия «культурное и историческое наследие». В самом деле, если прежде

⁹ См.: За рамками тоталитаризма... С. 169.

наследие воспринималось почти повсеместно как позитивная категория — квинтэссенция исторического опыта, воплощение мудрости, добра и красоты, — то в последнее время все чаще говорят о «трудном», «диссонансном» и, в общем, негативном наследии. Вдруг оказалось, что, наряду с выдающимися образцами высокой культуры, человечество получило в наследство также многочисленные материальные свидетельства несправедливости, жестокости, насилия и т.д., и эти свидетельства должны каким-то образом найти свое место в системе ценностей современного общества.

С практической точки зрения, необходимо понять, как такая расширительная трактовка наследия изменяет смысл и принципы деятельности культурных и образовательных институтов — прежде всего, исторических музеев. Именно музеи были всегда оплотом «позитивного» подхода к наследию, даже, может быть, в большей степени, чем национальная историография. На протяжении как минимум двух столетий в музеях формировался специфический нарратив, главной задачей которого было цементирование нации и историческое оправдание легитимности национального государства. Поэтому наследие всегда трактовалось как общее, национальное наследие, выражающее общенациональные ценности, а «трудные» эпизоды истории преподносились как героические свершения народа — под мудрым руководством власти или, по крайней мере, под водительством героев-освободителей и просветителей. Негативный социальный опыт — смерть, страдания, унижения и т.д. — относился при этом на счет природных катаклизмов или же происков внешнего (впрочем, иногда и внутреннего) врага.

Поворотным пунктом в изменении взглядов на природу наследия стали попытки осмысления таких событий XX века как Вторая мировая война, Холокост и ГУЛАГ. Однако это произошло далеко не сразу: ригидность музейной системы несравнима даже с историографическими практиками. Послевоенная музейная политика — причем, не только в России — была по-прежнему в значительной мере продолжением политики самооправдания национальных государств. В частности, до окончания холодной войны главной в трактовке событий Второй мировой войны оставалась «героическая» нота, а музейный нарратив был сфокусирован в основном на военных действиях, которые неизбежно вели к победе.

Лишь к концу XX столетия музеи стали открывать для себя (и для публики) другие грани войны. Наряду с образцами военной техники, штабными картами, сценами военных действий и многочисленными пропагандистскими материалами, в экспозициях военно-исторических музеев стали появляться свидетельства, отражавшие реальные переживания простых людей, попавших в водоворот войны. Так начал формироваться совершенно иной, субъективный, неофициальный нарратив. Значительную роль в его становлении сыграло развитие методов устной истории.

Хорошим примером нового подхода может служить Имперский музей военной истории, который находится в Лондоне и имеет несколько филиалов в других британских городах. Этот музей формулирует свою миссию следующим образом: «Показать, как война влияет на судьбы отдельных людей», и все, что он делает, подчинено именно этой задаче. В фокусе внимания этого музея — не пушки, не танки, не военачальники и не планы сражений — все это отодвинуто на периферию. Реальными героями экспозиции являются солдаты, но также и военнопленные, и интернированные, и депортированные, и женщины, и дети, и т.д. — все, чьи судьбы так или иначе затрагивает война.

Новый нарратив складывается непросто. Ему противостоят стереотипы национальной героизации, которые веками формировались в музейной профессии и в создании которых участвовали лучшие творческие силы, привлеченные на службу государством. Российская ситуация здесь — из самых неблагоприятных: наши музеи до сих пор в какой-то степени находятся в плену у советской пропагандистской машины. И, в частности, тема Великой отечественной войны обычно представлена в российских экспозициях до крайности примитивно и однобоко, с убогим пафосом красного уголка в клубе ветеранов. Это связано, конечно, с тем, что Победа 1945 года является основной идеологической ценностью российского государства, легитимацией нашего «вхождения в Европу» и чуть ли не

единственной бесспорной заслугой перед миром. Лишь некоторые музеи проявляют достаточную смелость и творческую независимость при создании экспозиций о войне. Но даже если тяжелый и грязный «труд войны» в таких продвинутых музеях демонстрируется без прикрас, то ужасные реалии еврейского геноцида, массовых принудительных миграций, внутренних репрессий и т.д. отодвигаются, как правило, на периферию восприятия и по умолчанию относятся на счет агрессора, а когда сделать это трудно, списываются на военную необходимость и «общую жестокость той эпохи».

Перемены в музейном деле касаются трактовки не только темы войны, но и темы труда. Современные подходы западных музеев к трудовой и производственной тематике разнообразны, но главное, что их объединяет, это уход от героизации трудовых достижений и отраслевого пафоса. Взгляд простого человека, острые социальные проблемы, связанные с производством, все чаще становятся фокусом современной экспозиции, несколько потеснив даже неизменно эффектный технологический винтаж. Увы, на территории одной седьмой части суши музеи, посвященные труду и производству, по-прежнему воспроизводят героический пафос первой пятилетки, зачастую в насквозь фальшивой брежневской стилистике. И остается только радоваться, когда в подобных экспозициях начинают преобладать технологические, цивилизационные акценты. Это, по крайней мере, интересно.

Однако, обе музейные темы, о которых мы говорили ранее, несмотря на всю свою многоаспектность и многослойность, все же не являются «негативными» по преимуществу. Из трудовой и производственной темы не уберешь ценности интеллектуального прорыва, созидательности и рабочего мастерства. Из военных экспозиций не изымешь пафос величия и освобождения, личного самоотвержения и героизма. Даже трагедийность тут обладает катарсическим потенциалом.

2. Травматическое наследие

Иное дело, когда мы имеем дело с темой насквозь негативной, иррационально страшной, травматичной. И к тому же еще далеко не остывшей и не пережитой — ни в памяти людей, ни в общественных дискуссиях, ни в борьбе политических групп. К числу таких горячих и болезненных исторических проблем относятся все большие «рукотворные» гуманитарные катастрофы XX века — геноцид армян 1915 года, Холокост и прочие античеловечные акции нацизма, советские массовые репрессии, китайский и кампучийский террор, уничтожение африканского народа тутси, и другие аналогичные события века, столь интересного для историков. Закономерно, что именно эти события в наибольшей степени вызывают к памяти — индивидуальной и коллективной: осознание бесчисленных и бессмысленных смертей требует поименного вспоминания, а масштабы трагедий требуют от общества символических жестов, играющих роль предостережения (от этических и правовых оценок до монументов).

Музеефикация катастрофы — естественный мемориальный ход, хотя, разумеется, и не единственный. Показательно, что «музеи катастроф» всегда стремятся к развитию сильной информационной составляющей — к составлению биографических списков, книг памяти, баз данных, и т.п. Память об индивидууме при этом неизбежно нивелируется, на первый план выходят параметры виктимности. Единица памяти, экспонат в таком музее-мемориале или, если угодно, музее-мартирологе — жертва. И все погибшие — равноценные жертвы. В каком-то смысле, это те же герои традиционного исторического музея, возвещающего славу нации, но существующие в страдательной модальности. В зависимости от позиции, сообщество, создающее такой музей или его «потребляющее», должно переживать однородную, целостную эмоцию: затронутые катастрофой — страдание и жертвенность, идентифицирующие себя с виновниками — вину и раскаяние, а те, кто в анамнезе не имел прямого отношения к трагедии, — сопереживание, сострадание.

Таким, в принципе похожим на Яд Вашем и вашингтонский музей Холокоста, мыслился в конце 1980-х и музей советских политических репрессий, тот *Мемориал*, от которого пошло имя до сих пор существующей общественной организации. Можно назвать

тысячу политических, организационных, экономических причин, почему Мемориал жертвам коммунистического террора с музеем, архивом и библиотекой так и не был создан. Однако куда интереснее причины более глубокие.

3. Раздробленность памяти

Нам кажется, что специфика советского террора, его отличие, скажем, от нацистского террора в отношении евреев или цыган, состоит в том, что силовые линии противостояния проходили в СССР, грубо говоря, не между государством и группой, по идеологическим причинам предназначенной для уничтожения, а между социальными стратами и внутри них. При этом функции, условно говоря, жертвы и палача могли быть переменными и инвертироваться в зависимости от политических и социальных установок момента. Для немецкого обывателя, не любившего евреев и рукоплескавшего Гитлеру, жертвы уничтожения были «чужими» или сделались таковыми под давлением пропаганды и страха (что не избавляет, впрочем, этого лояльного обывателя от моральной ответственности). В сталинском Союзе перечень внутренних врагов, «чужих» все время менялся и в число этих «чужих» в любой момент мог попасть кто-то совершенно близкий, свой или ты сам. Таким образом, в репрессивные и дискриминационные процессы оказались на правах активных, хотя и не всегда сознательных исполнителей вовлечены значительные массы населения. А число использовавших беду ближнего в качестве социального лифта, да и просто «кормившихся» от репрессивной системы делают эту массу еще более внушительной.

В эпоху перестройки, в период последующих общественных дебатов вокруг проблемы террора, стало более или менее ясно, что жертвы, которым должен быть посвящен такой музей-мемориал, не помещаются в единое пространство памяти с теми, кто стал их палачом, а потом, в свою очередь, превратился в жертву. Пассивные жертвы сталинской эпохи не хотели, чтоб их ассоциировали с «беляками», «бывшими людьми» или «раскулаченными» крестьянами, диссиденты отмежевывались от сталинских зэков, депортированные ингуши косо смотрели на высланных корейцев и вместе ненавидели русских «кулаков»-спецпоселенцев, репрессированные военные презирали «мусоров», оказавшихся в репрессивных тисках, указники 1932-го или 1947-го года не доверяли 58-й статье (*et vice versa*), и т.д., и т.п.

Памятей оказалось много, это лоскутное одеяло не сшивалось и перед лицом смерти, которая вроде бы должна всех примирить. И не могла, разумеется, идти речь о каком-то покаянии, даже если допустить, что подобный акт может быть коллективным. Так можно ли было в этой ситуации говорить о едином мемориале, музее репрессий, где будут помянуты все жертвы и воссоздана их общая история? Ну, скажите на милость, что — по большому счету — должно было экспонироваться в этом музее? Общее страдание? общая вина и покаяние? а может быть, общая подлость и ненависть? предательство и трусость? или сервильность, возведенная в доблесть? Общественной санкции на единое понимание и переживание нашей катастрофы очевидным образом не было. Соответственно, не родился и проект общенационального мемориала в России.

Такое раздробление нашей памяти и осознания прошлого отчетливо видно на примере музейных экспозиций, посвященных репрессивным темам. Их в стране много — сотни, но собственно музеев репрессий или больших музейных разделов этой тематики очень мало. Тут знаменательны попытки встроить репрессивные сюжеты в самые разные исторические парадигмы и в самые разные музейные контексты. Есть замечательный проект «Виртуальный музей Гулага», в рамках которого питерские мемориальцы Ирина Флиге и Александр Даниэль с коллегами собрали и поместили в Интернете информацию о множестве таких экспозиций, информацию, включающую, кстати сказать, и выборочную тематическую экспонатуру — и ее описание, и соответствующие изображения. Этот сайт дает огромный материал для анализа того, как музейное сообщество решает проблему репрезентации репрессивной темы в исторической экспозиции. Мы видим тут разные примеры — возвышенные, даже сакрализованные интерпретации, символические дизайнерские изыски,

честный и скучный документализм, наивное приращение местного пантеона за счет избранных жертв террора, советскую рационализацию в духе «это ужасно, но это неизбежная цена наших трудовых и военных побед», и много чего еще. Есть примеры очень удачные — например, музей «Дома на набережной», где мирное домашнее пространство составляет впечатляющий контраст с неназванной угрозой враждебного вторжения.

Особый тип — музеи, так или иначе связанные с местами концентрации и трудового использования заключенных. Если не считать чисто ведомственных затей, вроде музея Бутырской тюрьмы, главный пафос которого «при матушке Екатерине сажали, при Сталине сажали, сейчас сажаем, и впредь будем сажать — на хорошо и отлично», таких музеев немного — считанные единицы. Бывший лагерь Пермь-36, следственная тюрьма НКВД в Томске, монастырские строения в Соловецком заповеднике со специальной экспозицией в старом бараке. Вероятно, число таких музеев будет увеличиваться — недавно под музей репрессий отдали здание управления НКВД в Йошкар-Оле, лагерьный музей планируют создать в Салехарде. Главное преимущество таких музеев — наличие центрального и полностью аутентичного экспоната — собственно, здания лагеря или тюрьмы. А если к тому же лагерная архитектура, как в Перми-36, вписана в контекст «равнодушной природы», то содержание внутренней экспозиции уже вторично. Хотя и сама по себе лагерная экспонатура обладает немалой экспрессией — нищий лаконизм орудий труда и эковской одежды говорят зрителю гораздо больше, чем любые документы. Правда, атрибуты лагерной повседневности и орудия принудительного труда нелегко, а честнее сказать, невозможно отличить от атрибутов труда не принудительного и быта «большой зоны». Предметная лагерная экспозиция принципиально стирает условную границу между «справедливо» и «несправедливо» посаженными — между уголовниками и бытовиками с одной стороны и политическими — с другой. Одна и та же судьба — один и тот же материал. И, конечно же, лагерьный музей это никак не музей истории нашего весьма специфического политического режима, античеловеческой идеологии и вытекающих из них политических репрессий.

4. Процесс исторического анализа и множественность интерпретаций

То, что происходит последние 20 лет с репрессивной темой в музейном пространстве, является, собственно, аналитическим процессом, необходимым для понимания и терапевтического проговаривания нашей травматической истории. Этот распределенный аналитический процесс, пока довольно беспомощный и робкий, будет продолжаться еще долго. Он складывается из частного музейного и историографического опыта, из проектов типа «Виртуальный музей ГУЛАГа», из сетевой активности так называемых «музеев совести».

Возможно, этому аналитическому процессу поможет, в частности, Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества, принятая в 2005 году в португальском городе Фаро. Как говорится в этом документе, историческое наследие не обязательно является общенациональной ценностью, оно может принадлежать отдельным сообществам, причем разные сообщества могут трактовать его по-разному.

Этот документ, в частности, призывает государства:

- поощрять размышления об этике и методах представления культурного наследия, а также уважение по отношению к разнообразным толкованиям;
- инициировать процессы примирения, для того чтобы справедливо регулировать такие ситуации, когда одно и то же культурное наследие связано у разных сообществ с противоречивыми ценностями;
- развивать знания о культурном наследии как об источнике укрепления мирного сосуществования путем укрепления доверия и взаимного понимания с целью урегулирования и предупреждения конфликтов.

Россия пока не подписала Конвенцию Фаро, да подписание подобного документа и не может вдруг решить все проблемы, связанные с музейным воплощением нашего трудного, болезненного и противоречивого наследия. Но все же будем надеяться, что принципы, зафиксированные в Конвенции, постепенно проникнут и в российскую музейную сферу.

В любом случае, это будет долгий и трудный процесс — ведь это предполагает трансформацию системы музейной интерпретации, которая складывалась десятилетиями. Поэтому настораживают идеи быстрого и централизованного решения вопроса национальной исторической памяти и централизованного, санкционированного сверху всеобщего примирения.

В последний год с самых высоких трибун говорится о необходимости создания федерального музея истории репрессий. Были, говорят, даже розданы какие-то поручения и выдвинуты какие-то предложения, где и какой музей делать. Однако искусственная симуляция общенационального пафоса, коллективных эмоций, отсутствующих в обществе — прямой путь к профанации.

Не очень-то верится, что заказчики и исполнители подобного проекта займутся тем, чем необходимо для начала заняться: кропотливым и всесторонним историческим разбором, «медленным чтением» источников, аккумуляцией предметов и свидетельств. Скорее, в результате аврала будет создан — в лучшем случае директивный псевдо - Яд Вашем, а в худшем — гигантский фальшак, музей восковых фигур со «взвешенной» концепцией исторической целесообразности в основе.

Альтернативный — и, на наш взгляд, гораздо более продуктивный путь — это поддержка разнообразных исследовательских и музейных инициатив, посвященных различным аспектам отечественной истории XX века — инициатив, основанных не на сглаживании, а на признании конфликтов и противоречий. Результатом такой работы могла бы стать не только разветвленная сеть музейных проектов, но и совершенно новая музейная методология, направленная на изучение и презентацию трудного и противоречивого наследия.

А.Г. Тепляков (НГУ — НГУЭиУ)

МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ ВЧК-МГБ 1920–1950-х гг. КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА

Террористическая деятельность государственных органов безопасности в ленинско-сталинский период являлась важнейшим проявлением той глубокой, поднявшейся в ходе Первой мировой войны волны архаизации, которую оседлали большевики, восстановив и усилив в общественной жизни феномены прошлых эпох. У свидетелей революции и Гражданской войны было острое ощущение отката в средневековье, к Московской Руси; Марк Алданов писал, что «...на низах культуры календарь... показывает семнадцатый век»¹. Система советских карательных органов, защищавшая «достижения» большевистской политики одичания, наглядно воспроизводила наиболее архаичные формы российского политического сыска XVII — первой половины XIX веков: абсолютизацию доноса, массовые аресты, пыточное следствие, невыносимые условия содержания, использование провокаторов, тайные судилища с предопределённым приговором, применение мучительных способов казни, секретность захоронений осуждённых.

Идеи массовых террористических расправ с врагами рождались прежде всего в высшем руководстве партии. Ленин уже в июне 1918 г. требовал у петроградских большевиков во главе с Г.Е. Зиновьевым «поощрения энергии и массовидности террора»². Один из основных организаторов расстрела царской семьи А.Г. Белобородов писал секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому 6 мая 1919 г. с охваченного восстаниями Дона: «Необходимо организовать Чрезвычайки и, как можно скорее, покончить с трибунальским словоизвержением. Основное

¹ Алданов М.А. Огонь и дым. — Париж, 1922. С. 53.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.

правило поведения при расправе с к[онтр]рев[олюцией]: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу». О том, что знаменитый крымский террор готовился загодя, говорит телеграмма Сталина Троцкому от 28 июня 1920 г., в которой сообщалось, что приказ о «поголовном истреблении врагелевского комсостава» предполагается издать к началу общего наступления на Врангеля³. Марксистский теоретик Э. Енчмен печатно указывал на неизбежность «окончательного истребления, полного уничтожения буржуазии, включая и буржуазных интеллигентов»⁴.

Убедительным свидетельством террористического характера органов советской политической полиции ВЧК-МГБ являются постоянные массовые репрессии, требовавшие наличия крупных карательных структур, чьё построение постоянно менялось в зависимости от решаемых задач. Многочисленность и разветвлённость органов ВЧК-МГБ сочеталась с наличием сети внесудебных инстанций — для скорости массовых осуждений, а также сохранения секретности имён сексотов. В чекистских документах с первых лет работы ВЧК постоянно встречается термин «массовые операции», обозначающий принцип работы, который являлся долговременным феноменом чекистской политики. Зачастую под массовыми операциями подразумевались кампании групповых арестов; но нередко они толковались расширительно, подразумевая и дальнейшие осуждения арестованных, их заключение или высылку. Осуществление групповых казней также проходило по графе проведения массовых операций.

К массовым операциям следует относить и взятие многочисленных заложников из представителей враждебной социальной среды, активно применявшееся до середины 1920-х гг. По мнению современных историков, репрессии и дискриминация членов «вражеских» семей были целенаправленной и продуманной государственной политикой, составной частью политического террора, направленного на тотальное подчинение всего общества. Кампании по взятию заложников реализовывались⁵ в контексте массовых операций и по инициативе лидеров правящей партийной верхушки.

Многочисленный аппарат карательной системы был гарантией того, что в любой момент он сможет осуществить сколь угодно крупные ликвидации противников режима. Под нужды прежде всего массовых операций формировалась вся структура ВЧК-НКВД с её постоянной организацией временных оперативно-следственных групп, оперативных межрайонных секторов, периодическим соединением сил оперативников, войсковиков и вспомогательных служб в значительные по численности отряды. Например, после подавлении крупного восстания в Братском районе Восточно-Сибирского края иркутские чекисты в июле 1933 г. выслали для чистки восьми пограничных районов специальную опергруппу из основных работников краевого ОГПУ и провели ряд новых массовых операций. Базируясь продолжительное время в Газимуро-Заводском районе, эта опергруппа, насчитывавшая 82 оперработника-чекиста и 150 милиционеров, обрушила репрессии на единоличников, остатки повстанцев и тех голодавших, кто переходил за кордон, чтобы выменять на вещи хлеб⁶. В моменты обострения террора в начале и второй половине 30-х годов в городах, где имелись тюрьмы, создавались временные оперативные секторы или группы, включавшие 30–100 чел., составленные из руководящего ядра (опытных работников краевого или областного аппарата) и чекистов с милиционерами из окрестных районов. В начале 1930 гг. оперсекторы расстреливали сотни осуждённых, в 1937–1938 гг. — тысячи. Одновременно шла организация меньших по численности групп, занимавшихся проведением массовых расстрелов, так то профессия палача в СССР стала очень распространённой.

³ Большеви́стское руково́дство. Переписка. 1912–1927. Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. — М., 1996. С. 109–110, 50.

⁴ Енчмен Э. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (проект организации Революционно-Научного Совета Республики). — Пятигорск, 1920. С. 43.

⁵ Вронська Т. Упокорення страхом: сімейне заручництво у каральній практиці радянської влади (1917–1953 рр.). — Київ, 2013. С. 425.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 125.

Однако нередко в казнях участвовали все сотрудники территориального подразделения: например, в расстреле 327 осуждённых по „заговору в сельском хозяйстве— в ночь на 28 апреля 1933 г. были задействованы 37 чекистов Барнаульского оперсектора ОГПУ, то есть половина от общей численности⁷. Учитывая, что многие чекисты оперсектора постоянно находились в командировках в районах, при подобных особо крупных ликвидациях привлекались все или почти все наличные силы.

Основная часть усилий органов ВЧК с самого начала их деятельности выражалась в крупных карательных акциях — так называемых массовых операциях, которые спешно готовились по агентурным данным (нередко провокационным) и завершались кампаниями многочисленных арестов врагов режима. Обычным способом работы чекистов, начиная с Гражданской войны, было проведение постоянных массовых арестов, скорых осуждений и расстрелов. Очень характерно выглядит жесточайшее распоряжение Ф.Э. Дзержинского своему заместителю И.К. Ксенофонтову от 25 июня 1920 г., ставшее истерической реакцией на письмо некоего «белогвардейца» о якобы готовящихся белыми диверсантами терактов в Кремле: «...Надо производить ежедневно (еженощно) массовые обыски в домах и на улицах, вечером или ночью... и арестовывать всех подозрительных и непрописанных... Дальше, надо ликвидировать всех заподозренных в к.-р. и родных, расстрелянных и сидящих в лагере или тюрьме, контрреволюционеров. ...Белые сейчас готовят террористические акты, их можно предотвратить только массовыми непрерывными операциями... надо спешить и действовать с завязанными глазами»⁸.

Спешно собранные из всякого маргинального сброда, получившего партийные билеты в одну из партийных недель, местные чекистские органы вместе с милицией и внутренними войсками в период 1918–1922 гг. постоянно проводили широкие чистки населения с помощью групповых задержаний. Уже в 1920 г. в сибирские сёла и небольшие города то и дело выезжали чекистские отряды из губернских центров для проведения кампаний массовых арестов. Для небольших городов, вроде Черепаново, Канска или Кокчетавы были характерны фабрикация дел о заговорах, по которым арестовывались по 100–200 чел. за раз⁹. Подобные кампании арестов всегда превышали следственные возможности чекистов и милиции, которые прекрасно понимали, что из-за отсутствия обвинительных материалов на спешно арестованных людей они не смогут расследовать их вину. Большинство схваченных обычно вскоре освобождалось, и чекистами считалось, что таким образом проводится эффективная политика запугивания. Но многие лица месяцами и порой годами содержались без допросов в переполненных тюрьмах. Власть весьма хладнокровно наблюдала массовую смертность заключённых от истощения и тифа. С их точки зрения, высокая смертность в местах заключения целесообразным образом избавляла режим от врагов. С периода Гражданской войны началась и история перманентной фабрикация огромных «заговоров», заканчивавшихся казнями десятков и сотен людей.

В Сибири и на Дальнем Востоке феноменом большевистского террора был повсеместный красный бандитизм — массовый стихийный разбой в отношении классовых врагов, проводившийся с помощью низового партийно-советского и чекистско-милицейского аппарата. Органы ВЧК состояли из наспех принятых в РКП(б) карьеристов, сильно пьющих, вымогавших взятки и мародёрствовавших, абсолютно беспощадных, зачастую проявлявших откровенный садизм. Кадровый же состав фактически приданной чекистам милиции начальник Сибмилиции И.С. Кондурушкин в 1921 г. оценивал как полностью разложившееся организованное преступное сообщество: «Милиция Сибири, особенно уголовный розыск — это опасная банда, а не охрана Республики, разложившаяся

⁷ Гришаев В.Ф. «Сростинское дело» // Барнаул. 2005. № 3. С. 119–126; Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. — М., 2008. С. 514.

⁸ Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. — М., 2001. С. 186–187.

⁹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 389. Л. 1–154.

морально и деморализованная экономически»¹⁰. Местные партийно-советские власти выглядели не лучше.

Согласно сообщению полпреда ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского в Особый отдел ВЧК в сентябре 1921 г., он был не в состоянии контролировать положение в уездных органах ЧК, которые «отошли» от подчинения губЧК и вместе с местной милицией, исполкомами и партийными ячейками бессудно, в массовом порядке, уничтожали и грабили уцелевших сторонников белой власти¹², зачастую сводя личные счеты. В отчете Алтайского губюста за май 1920 г. отмечалось, что милицейские дознания «нередко прекращаются в самом начале с указанием, что арестованный при попытке к бегству расстрелян». К концу 1920 г. в Бийском уезде одна только Огнёвская партийная ячейка расстреляла 200 «колчаковцев», другая ячейка — 70 чел., некоторые — по 10–20 чел.¹³ Фактически в период красного бандитизма массовые операции чекистов постоянно дополнялись такими же масштабными расправами местных властей и де-факто осуществлявших административную власть комячеек, носившими уже неофициальный характер, но становившимися от этого не менее кровавыми.

Здесь следует подчеркнуть характерную специфику восточной части России. Террористическая политика в регионе была прямо связана с огромной криминализацией власти, особенно на низовом уровне, где её активно пополнял скопившийся уголовный и маргинальный элемент. На Дальнем Востоке роль бывших бандитов была особенно заметна. Лидером фракции РКП(б) и уполномоченным правительства Дальневосточной Республики во Владивостоке в 1921 г. являлся Роман Цейтлин — известный до революции харбинский контрабандист опиума, возивший его крупными партиями в Москву из Маньчжурии с помощью целой сети агентов и не раз сидевший в китайских тюрьмах. Товарищ министра внутренних дел ДВР Д.Ф. Клингоф ранее, в период политической неразберихи в Якутии, участвовал в убийстве, о чем было широко известно. О дальневосточной ЧК (Госполитохране) среди министров и ответработников ДВР царил единодушное мнение — её открыто именовали «бандитским органом»¹⁴. Другим оазисом уголовщины была высшая власть Якутии. Первый лидер Якутского ревкома и глава Ревштаба в конце 1919 — начале 1920 г. Х.А. Гладунов ранее был коммунистом-экспроприатором, а потом попался на изготовлении фальшивых денег, за что получил каторжные работы. Летом 1918 г. он деятельно участвовал в разгоне якутских властей, лично застрелив и ограбив мирового судью и следователя Ф.Н. Банковского, затем стал начальником милиции, а при бегстве от белых похитил кассу совдепа. Председатель Якутской губчека в 1921 г. и глава ревтрибунала С.Ф. Литвинов в прошлом являлся предводителем шайки разбойников¹⁵. Как отмечал в июне 1921 г. Якутский губком РКП(б), местные коммунисты «явились очень заметными поставщиками уголовного элемента», из-за чего среди заключенных Якутской тюрьмы партийцы составляли 20 %¹⁶.

Ни у чекистов, ни у партийно-советской номенклатуры обычно не было колебаний относительно необходимости прибегать именно к массовым операциям против недовольных и потенциально опасных соотечественников. Окончание Гражданской войны не привело к оставлению политики массовых репрессий. Традиция проведения массовых операций действовала в течение всех 1920-х гг. и затрагивала борьбу с помощью групповых арестов с представителями социалистических партий, нэпманами, контрабандистами, а также бандитами и их пособниками. Чекисты Москвы, постоянно арестовывая в 1922–1923 гг.

¹⁰ Исаев В.И., Угроватов А.П. Милиция Сибири в 1920-е гг. — Новосибирск, 2008. С. 38.

¹¹ Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. — Новосибирск, 1992. С. 3–79; Тепляков А. Красный бандитизм // Родина. 2000. № 4. С. 81–84.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 41.

¹³ Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 гг.). — Новосибирск, 2013. С. 345, 351.

¹⁴ Гутман А.Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. — Берлин, 1924. С. 514; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 163.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 409. Л. 58–65, 73, 116, 117, 162 об., 163; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 158 об.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 142. Л. 54.

десятками и сотнями как политических противников, так и криминал, продолжали называть такие чистки массовыми операциями¹⁷. Подобные акции часто бывали следствием провокаций. Сексот Вятского губотдела ГПУ С.А. Шулятиков, бывший член партии, дважды судимый за подделку документов и пьянство, поступив затем с 3 мая 1922 г. на негласную и хорошо оплачиваемую работу в «органы», сразу стал давать чекистам ложные сводки о якобы работе организаций правых эсеров в Вятке, Орлове, Котельничах, на ст. Свеча и Мураши, причём оказался разоблачён лишь три месяца спустя. По его ложным материалам были произведены массовые обыски и арестовано 43 ответственных работника советских учреждений, из-за чего, как отмечал трибунал, «получилась приостановка работ этих органов в течении 4-х дней»¹⁸.

Даже в разгар нэпа масштабные репрессивные акции оставались в арсенале чекистов. Крупная массовая операция была проведена ими летом 1927 г., когда по СССР было арестовано 9 тыс. чел. — в ответ на несколько терактов прибывших из-за рубежа белогвардейцев и под влиянием опасений сталинского руководства, ожидавшего скорой интервенции со стороны Великобритании. Эта массовая операция носила характер не только запугивания и изоляции нелояльных элементов, но и выступила эффективным средством принуждения арестованных к работе сексотами¹⁹. В течение всех 1930-х гг. чекисты использовали прежде всего методы массовых операций, расстреливая в период 1930–1933 гг. по 10–20 тыс. чел. ежегодно и арестовывая сотнями тысяч. В конце 1933 г. — начале 1934 г. руководители партии и правительства под влиянием острейшего хозяйственно-политического кризиса были охвачены, по мнению известного американского историка Д. Ширера, паническими настроениями, в итоге использовав ОГПУ-НКВД для попытки искоренения всех потенциальных противников режима: от криминала и остатков свергнутых классов до целого ряда этнических групп²⁰. Сталин тогда осознал фактический провал кампании паспортизации, поскольку вместо сотен тысяч высланных «социально-чуждых» и арестованных криминально-политических врагов после всех террористических акций 1932–1933 г. тут же появились легионы новых люмпенов. В связи с этим милицейские тройки активно, массами осуждавшие околोकриминальную и криминальную среду, работали до самого 1938 г., а органы ОГПУ-НКВД всё время вели террор против маргинальных слоёв населения, зачастую, помимо ст. 58 УК СССР, применяя ст. 35 УК, каравшую заключением в концлагерь за асоциальное поведение.

Закончив с сопротивлением периода коллективизации и выслав к середине 1933 г. более 2 млн чел., некоторые видные чекисты полагали, что на этом история массовых репрессий завершена. Даже первый нарком внутренних дел Г.Г. Ягода в 1934 г. среди своего окружения говорил, что уже следует перестать расстреливать²¹. Но у Сталина было иное мнение относительно актуальности массовых казней. Апогей массовых операций — это 1937–1938 гг., когда было арестовано порядка 2 млн чел. (включая криминальные и околोकриминальные слои), из которых свыше 720 тыс. расстреляли. В этот период известны и массовые аресты по политическим мотивам даже детей, как, например, попытка сфабриковать «детский заговор» в г. Ленинске-Кузнецком Новосибирской области в 1938 г.²² Проводившаяся одновременно с политическим террором широкая чистка уголовных

¹⁷ Шрейдер М.П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р - 1005. Оп. 7. Д. 1523. Л. 7 об.

¹⁹ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М., 2006. С. 314.

²⁰ Shearer D. Policing Stalin's socialism: Repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953. — New Haven, London: Yale University Press, 2009. P. 120.

²¹ См.: Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. — М., 2010. С. 223.

²² Тепляков А.Г. «Детское дело» в Кузбассе: к подоплёке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). — Новосибирск, 2011. С. 141–154.

контингентов не дала результатов — чекисты и милиция выловили немало мелких жуликов, осудили огромное количество невиновных в уголовных преступлениях, но основная часть живших на нелегальном положении матёрых рецидивистов осталась на свободе, а разорённые государством и потерявшие близких люди обильно влились в криминальную среду, так что преступность перед войной выросла скачкообразно. Что касается демографических потерь конкретно Сибири, то в 30-е годы террористические методы подавления привели к расстрелу примерно 130 тыс. наших земляков, не считая погибших в местах заключения: тюрьмах, лагерях, ссылке; из этих 130 тыс. практически все стали жертвами именно массовых операций²³.

17 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», не только упразднившее внесудебные «тройки» в регионах, но и запрещавшее массовые аресты и выселения. Несмотря на постановление, по завершении Большого террора массовые операции по арестам, выселениям и нередко расстрелам оставались классическим методом чекистской работы в присоединённых к СССР областях Польши, Румынии и странах Прибалтики. В 1940 г. НКВД стремительно расстрелял 22 тыс. пленных польских военнослужащих, а в 1945 г. — еще около 600 польских пленных²⁴. С конца 1930-х начался период постоянных массовых арестов целых народов и выселения их в отдалённые районы. Сопротивление советской политике, а также зачистки освобождённых от германских войск территорий в СССР и странах Европы сопровождалась массовыми репрессиями. В период подавления национального восстания в западных областях Украины оперработники и войска НКВД уничтожили в 1944–1953 гг. до 150 тыс. украинских повстанцев; после войны было выслано более 10 % населения Западной Украины. И лишь после смерти Сталина массовые операции ушли из арсенала спецслужб, но только на территории СССР.

Элементы массовых операций использовались КГБ во время подавления восстаний в ГДР (июнь 1953 г.), ВНР (ноябрь 1956 г.), а также при оккупации ЧССР (1968 г.) и Афганистана (1980-е гг.). Современные силовые структуры РФ с 1995 г. активно проводили массовые террористические акции в Чечне (Чернокозово, Самашки и т.д.), фактически опираясь на богатый советский опыт. Таким образом, разрешаемые политическим руководством террористические репрессии против собственного населения и народов зарубежных стран воплощались в советское время в виде так называемых массовых операций, зачастую подкрепляясь не только многотысячными арестами, но и стремительными осуждениями с помощью незаконных внесудебных органов, активно действовавших до середины 1953 г.

²³ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. — М., 2008. С. 406, 408. ²⁴ Петров Н.В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011. С. 225–235.

ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ КАК ПРОЛОГ РЕПРЕССИЙ

Дискриминационная политика в отношении представителей бывших привилегированных сословий, в том числе и православного духовенства, стала проводиться большевиками сразу после прихода к власти. Лишение избирательных прав вводилось уже в первой Конституции 1918 года. В статье 65 определялось семь категорий лишаемых избирательных прав, в числе которых значились «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов».

В начале 1920-х годов лишение избирательных прав не предусматривало особых ограничений, кроме невозможности служить в Армии и принимать участия в выборах в Советы, поэтому поначалу «лишенцы» относились к своему статусу вполне спокойно и не испытывали сильных притеснений. Но затем ситуация начала меняться, пик всевозможных нарушений в лишении избирательных прав, которые выражались в том числе и во введении множества дополнительных ограничений, приходится на 1929 — начало 1930 гг. Лишение избирательных прав приобрело не только политический, но и социальный характер, «лишенцы» стали подвергаться дискриминациям в ряде гражданских и социальных прав. Они лишались пенсий, пособий, продуктовых карточек, подвергались выселению из квартир, не имели возможности работать на государственных предприятиях, детей «лишенцев» часто исключали из школ, не допускали в высшие учебные заведения. Всего насчитывалось более десяти подобных дискриминационных мер, которые в совокупности существенно усложняли жизнь «лишенцев», ставя последних порой на грань выживания.

Данная мера выполняла в большевистской политике несколько функций: превентивную — направленную на предотвращение усиления позиции потенциальных или реальных противников; искусственное структурирование общества; установление контроля над значительной частью населения; поддержание в обществе атмосферы раскола и конфронтации. Формально лишение избирательных прав существовало с 1918 г. до принятия Конституции 1936 г. Однако и в дальнейшем, до 1953 г., существовала разветвленная система социально — правовых ограничений и дискриминаций для значительной части общества. Кроме этого «лишенцы» становились потенциальными жертвами репрессий.

Лица, лишённые избирательных прав, стали одним из наиболее массовых искусственно формируемых режимом маргинальных слоев советского социума в 1920–1930-е гг. Православные священно- и церковнослужители лишаясь избирательных прав, оказывались в рядах маргиналов советского общества, за рамками политических и общественных отношений. Особенность положения православных священнослужителей, лишённых избирательных прав, внутри всей группы «лишенцев» состояла в том, что, в отличие от других крайне разнородных по своему составу категорий, священнослужители являлись органичной частью действовавшей церковной организации. Следовательно, лишение избирательных прав священнослужителей следует рассматривать как одну из важнейших политических практик, направленных на разрушение институциональных основ церкви.

В историографии православные священнослужители-«лишенцы» рассматриваются, в основном, в числе категории лиц, лишённых избирательных прав за «связь с религиозным культом». Но и такие исследования крайне малочисленны, чаще всего проблема лишения избирательных прав православного духовенства затрагивается в контексте рассмотрения

¹ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml

всех категорий «лишенцев»². Существует несколько региональных исследований, основанных на материалах местных архивов, в которых непосредственно рассматривается категория «служителей религиозного культа». Так, Ю.А. Русина в своей статье анализирует на уральских материалах социально-демографический состав лиц, лишенных избирательных прав за «связь с религиозным культом», автор обращает особое внимание на процедуры восстановления в избирательных правах и на дальнейшие изменения социального статуса³. Н.А. Давыдова с использованием эмпирического материала рассматривает положение «служителей религиозного культа», лишенных избирательных прав в Севастополе⁴. Особо следует выделить работу З.Ш. Мавлютовой, в которой исследуется лишение избирательных прав именно православного духовенства, изучаются заявления священнослужителей в органы власти⁵.

Данное исследование основывается на материалах электронной базы данных, созданной на основе комплекса документов личных дел «лишенцев» города Новосибирска, Томска, Барнаула, Бийска, а также сельских районов Новосибирского, Томского и Барабинского округов. Всего в базу внесена информация о 326 «лишенцах». Личные дела «лишенцев» представляют собой сложный комплекс документов, которые составляли разные люди в разное время и с разными целями. Процедура рассмотрения заявления «лишенца» предполагала участие в ней нескольких сторон, субъектов дела: лишенца, различных физических и юридических лиц, характеризовавших личность лишенца и подтверждавших или опровергавших факты его биографии, членов избирательной комиссии. В соответствии с этим в комплексе документов личного дела выделяют три группы: личные документы «лишенцев», сопроводительные документы, материалы комиссии.

Особенностью данного вида массовых источников является то, что, во-первых, сведения излагаются в свободной форме, не формализованы, носят нарративный характер, во-вторых, состав личных дел крайне неоднороден по объему и составу документов, в-третьих, материалы имеют различную, нередко противоположную тенденциозную направленность⁶.

Личные дела «лишенцев» отражают процесс борьбы за восстановление в избирательных правах, но в некоторых случаях в них отражаются и последующие репрессии — сведения о высылке, конфискации имущества, аресте.

Другим видом источника, позволяющим судить о репрессиях в отношении священнослужителей, являются материалы книг памяти жертв политических репрессий Новосибирской, Томской областей и Алтайского края⁷.

На протяжении 1920-х годов численность священно- и церковнослужителей, причисленных к учетной категории «лишенцев», неуклонно возрастала. Менялась также и доля данной категории в составе лиц, лишенных избирательных прав, колебавшись от 5 до 8 %. Данная тенденция характерна как для СССР в целом, так и для отдельного региона —

² См. напр.: Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918– 1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012.

³ Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.).

⁴ Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.html>.

⁵ Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

⁶ Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 52.

⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005–2008. Вып. 1–2; «Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей». Томск, 1991–1999. Тт. 1–5; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул, 1998–2002. Тт. 1–4.

Сибири. Так, на момент 1927 г. в Сибири находилось 7100 служителей религиозного культа, лишенных избирательных прав, что составляло 7 % от общего числа «лишенцев». За 1929 г. аналогичные данные составили 8200 человек и 4,9 %⁸.

Увеличение численности священнослужителей-«лишенцев» объясняется тем, что к категории «служителей религиозного культа» стали приписывать: во-первых — вспомогательный персонал церкви, в некоторых случаях даже простых верующих, а во-вторых — священников, которые уже давно оставили службу.

Ярким примером того, что в число «лишенцев» попадали не только действующие священнослужители, но и те священники, которые уже давно сняли сан, является судьба бывшего священника С.П. Козьмодемьянского⁹, проживавшего на момент лишения в г. Новосибирске. Службу в церкви священник С.П. Козьмодемьянский оставил еще в 1909 году, прослужив пять лет в Оренбургской губернии. Несмотря на столь давнее время службы, Козьмодемьянский лишился избирательных прав, хотя в дальнейшем все же добился восстановления. О причислении к числу «служителей религиозного культа» активных прихожан свидетельствует личное дело прихожанина церкви в селе Мочище Новосибирского района М.И. Антонова¹⁰. Власти внесли его в список «лишенцев» как «руководителя религиозной группы». В своем заявлении М.И. Антонов выражал возмущение несправедливостью властей, подчеркивал, что «...сам также хожу в церковь молиться, как и другие верующие»¹¹. В результате в избирательных правах он все же был восстановлен.

Лишение избирательных прав вынуждало часть священнослужителей оставлять службу в церкви. После оставления службы священнослужители были вынуждены искать для себя новую работу, приспосабливаться к изменившимся условиям. Жизненные пути сельских священнослужителей оказались более сложными, чем городских. Возможностей устроиться в городе на работу, а следовательно, получить необходимый для восстановления пятилетний трудовой стаж было значительно больше, в государственных учреждениях требовались образованные люди. Поэтому значительной части городских священнослужителей, оставивших церковь, удалось адаптироваться в новых условиях, устроившись на работу в качестве служащих. Кроме того, среди городских священников значительно больше оставивших церковь во время гражданской войны и в середине 1920-х гг., соответственно, у них было время, чтобы найти новое занятие и успеть получить необходимый трудовой рабочий стаж.

В сельской местности положение православного духовенства было значительно сложнее. К их восстановлению в избирательных правах органы власти подходили крайне сурово, а найти работу для получения пятилетнего трудового стажа, необходимого для восстановления, было чрезвычайно трудно. Непомерно высокое налогообложение разоряло хозяйства священнослужителей, вынуждало их оставлять службу в церкви или бежать из родных сел. Кроме того, многие сельские священнослужители в начале 1930-х подверглись таким репрессивным мерам как экспроприация имущества и высылка на спецпоселения. В начале 1930 г. в связи с начавшейся массовой коллективизацией и депортацией крестьянских хозяйств, к разряду «кулаков» стали причислять представителей фактически всех категорий «лишенцев», проживавших в сельской местности, — и бывших белых офицеров, и священнослужителей, и торговцев, и некогда осужденных по суду¹².

Адаптация бывших священнослужителей в советском обществе проходила крайне сложно. Клеймо «служитель религиозного культа» накладывало неизгладимый отпечаток на всю оставшуюся жизнь, также как и внесение хоть раз в список «лишенцев» — даже после

⁸ Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928–1929 гг. — Новосибирск, 1929. С. 105.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 761.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 56.

¹¹ Там же. Л. 6. Из заявления М.И. Антонова в Новосибирский Окризбирком от 14.09.1929 г.

¹² Кузнецов П. Раскулачивание и кулацкая ссылка// [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.historicus.ru/Raskulachivaniye_i_kulatskaya_ssilka/

формальной законодательной отмены института «лишенчества» оно оказывало значительное влияние на дальнейшие судьбы. Особо стоит отметить, что и над теми, кто, казалось бы, удачно устроился на работу и адаптировался в новой среде, постоянно висела угроза репрессий. Положительное решение в вопросе восстановления в избирательных правах не являлось гарантией ни от повторного занесения в списки «лишенцев», ни от последующих репрессий.

Так, в личных делах священнослужителей, внесенных в электронную базу данных, периодически встречается повторное лишение избирательных прав. Несколько человек, восстановленных в избирательных правах в 1930 г., снова были включены в списки «лишенцев». Так, например, П.Т. Останин, лишенный избирательных прав как псаломщик (служил с 1925 г. по 1929 г.), был восстановлен в 1930 г., в 1931 г. вступил в колхоз «Молот», но в декабре 1932 г. Гусевский сельский совет вновь лишил его избирательных прав и исключил из колхоза¹³. Это происходило потому, что найти новых «лишенцев» было сложно, так как всех, кого можно было отнести к ним, уже выявили еще в начале 1930 г., а позже часть из них восстановили. Но от сельских избирательных комиссий требовали выявлять новых «лишенцев» и они находили выход в том, что включали в списки уже восстановленных в избирательных правах, считая, что в отношении них было принято неверное решение¹⁴.

Еще более трагично складывалась судьба тех священнослужителей, которые после восстановления в избирательных правах подверглись репрессиям в 1937 г. Ярким примером подобной успешной борьбы за восстановление в правах с последующими репрессиями являются судьбы следующих священнослужителей. Показательно, что все они служили в церкви в разное время, кто-то был священником почти всю жизнь, кто-то только несколько месяцев, но конец их жизней стал один — расстрел как участников контрреволюционной организации.

П.А. Рукавишников с 1892 г. служил псаломщиком, а с 1903 г. — диаконом в Преображенской церкви г. Томска¹⁵. 5 февраля 1930 г. снял с себя сан диакона, о чем написал заявление в Административный отдел, а также опубликовал письмо с отречением в газете «Красное Знамя». Был лишен избирательных прав, в апреле 1930 г. впервые обратился с заявлением о восстановлении в избирательных правах¹⁶. На протяжении последующих 5 лет П.А. Рукавишников, будучи чернорабочим при различных государственных учреждениях, еще три раза обращался с просьбой о восстановлении в избирательных правах, при этом одно заявление в 1932 г. было адресовано во ВЦИК, положительного решения П.А. Рукавишников добился лишь в 1935 г.¹⁷, а в 1937 г. был расстрелян.

Несколько иначе складывалась судьба Н.И. Лосева, который в 1928 г. в возрасте 35 лет, прослушав трехмесячные курсы богословия, был рукоположен в сан священника, но прослужил он недолго и через несколько месяцев сложил с себя сан. Затем Н.И. Лосев оказался в списке «лишенцев», в начале 1930-х гг. несколько раз обращался в избирательные комиссии различных уровней и в результате в 1932 г. добился восстановления в избирательных правах и до ареста в 1937 г. работал слесарем на фабрике¹⁸.

Другой бывший священник А.М. Жигачев, проживавший в г. Томске, оставил церковь еще в 1919 г., затем работал бухгалтером. В 1927 г. А.М. Жигачев был лишен избирательных

¹³ ГАТО. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 374. Л. 1–3.

¹⁴ Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). С. 36.

¹⁵ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://providenie.narod.ru/0001070.html>

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 5. Заявление П.А. Рукавишникова в Томский Административный Отдел от 27.04.1930 г.

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287. Л. 1 — 1 об. Заявление П. А. Рукавишникова во Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет от 27.04.1932 г.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 914.

прав, но уже в 1929 г. добился восстановления¹⁹. Несмотря на это, в 1937 г. А. М. Жигачева арестовали и расстреляли. В обвинение ему ставилось, что до прихода советской власти он состоял членом черносотенной организации «Союз русского народа» и с 1918 по день ареста служил «нелегальным попом, работая счетоводом-кассиром в обществе слепых»²⁰.

Та же судьба постигла уже упоминавшегося ранее С.П. Козьмодемьянского, который оставил службу еще задолго до революции в 1909 г.²¹ Все четверо были расстреляны в 1937 г. по обвинению в принадлежности к «Союзу спасения России». Центром мифической «контрреволюционной монархической организации «Союз спасения России» сибирские чекисты объявили г. Томск, а его организаторами бывших князей — А.В. Волконского, М.М. Долгорукова и бывших белых генералов В.С. Михайлова, Н.А. Эскина и др. По сценарию данная организация объединяла бывшее офицерство и кадетско-монархические группы. Считалось, что сама организация была создана в 1934 г. по заданию эмигрантского «Российского общевоинского союза», имела повстанческий характер²². «По заданию Сибирского монархического штаба Волконский через Томского епископа Западно-Сибирской митрополии Зиверта и священника Булаева сформировал в Кожевниковском, Шегарском, Томском и Асиновском районах повстанческий отряд из числа бывших белых офицеров, лиц, служивших в прошлом в полиции и жандармерии, беглых, кулаков, церковников и сектантов с задачей поднять вооруженное восстание против Советской власти»²³. За принадлежность к мифическому «эсеро-монархическому заговору» весной — летом 1937 г. на территории Западной Сибири были произведены массовые аресты. Контрреволюционная организация якобы создала крупные филиалы в городах: Новосибирске, Томске, Бийске и Нарыме²⁴.

Еще в большей степени рисковали оказаться в числе репрессированных священно- и церковнослужители, продолжавшие служить в церкви. Один раз оказаться в составе «лишенцев» означало навсегда попасть в «группу риска». Всего из 326 священнослужителей-«лишенцев», внесенных в электронную базу данных, достоверно известно о репрессиях в отношении 86 человек. Среди них почти половина (38 человек) были расстреляны, еще треть (31 человек) подверглись экспроприации и выселению.

Основными обвинениями являлись «контрреволюционная деятельность» и «антисоветская агитация». При этом, если на протяжении 1920–1930-х гг. основными мерами наказания для священнослужителей являлись высылка и лишение свободы, то в 1937 г. «обычной» мерой стал расстрел. Большинство приговоров к высшей мере приходится на 1937 г., тем не менее, несколько священнослужителей были приговорены к высшей мере в 1929–1930 гг.

Особо следует подчеркнуть, что из 86 репрессированных 13 человек уже не числились в списках «лишенцев», так как добились восстановления в избирательных правах. Таким образом, внесение в списки «лишенцев» (неважно на какое время) оказывало прямое воздействие на дальнейшую судьбу представителей духовенства. Властей мало интересовало время, продолжительность и обстоятельства службы в церкви — важен был сам факт. И в дальнейшем списки «лишенцев», по сути, явились основой для репрессивных мер по отношению к лицам в них внесенным.

Лишение избирательных прав православных священнослужителей являлось органической частью дискриминационно-ограничительной и репрессивной политики советского государства, направленной, в том числе, на подрыв влияния Русской Православной Церкви, в которой власти видели идеологического противника. Эта мера являлась одной из многих, которые прямо или косвенно способствовали уничтожению

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 556

²⁰ Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://providenie.narod.ru/0001070.html>

²¹ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 761.

²² Из истории земли Томской. Год 1937... Томск, 1998. С. 135–136, 147.

²³ Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40 и начале 50-х годов. Томск, 1991. Кн. 1. С.

²⁷².

²⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание Т. 5. Книга 1. 1937 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://istmat.info/node/33365>.

церкви: изъятие церковных ценностей, закрытие храмов, раскол церковной организации изнутри, репрессии священнослужителей. Такая дискриминационная мера, как лишение избирательных прав, а точнее — сопутствующий ему комплекс ограничительных мер, способствовали тому, что священно- и церковнослужители были вынуждены отказываться от службы в церкви. Лишение избирательных прав как дискриминационная мера сосуществовало с прямыми репрессиями в 1918–1936 гг., и в то же время выступало прологом к массовому террору 1937–1938 гг.

О. В. Канышкова (НГУ)

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1936 ГОДУ (на примере Анжерской и Парабельской участковых комендатур)

Массовые принудительные высылки крестьянства, производившиеся в период форсированной коллективизации, ставили семьи спецпереселенцев в экстраординарные условия. В связи с этим они должны были вырабатывать и использовать различные адаптационные механизмы. Некоторые прибегали к протестным действиям, что подтверждается массовыми побегами из спецпоселков (особенно в первые годы). Другие прилагали определенные усилия, для того чтобы добиться позитивного отношения со стороны власти. Индикатором успешной адаптации к экстраординарным условиям, признаваемым государственными органами власти, выступала система досрочного восстановления в гражданских правах. Практика восстановления была законодательно регламентирована постановлением ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков». Устанавливался следующий порядок проведения реабилитации: «восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса при условии:

- a. если в течение этого срока на деле докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства,
- b. если покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками»¹.

Однако нельзя считать данное восстановление полной реабилитацией, поскольку это поощрение со стороны власти с 1935 г. не давало права свободного выезда из спецпоселков, а бывшие «лишенцы» оставались частью «спецконтингента». Кампания квази-реабилитации достигла массового масштаба летом 1936 года, накануне принятия новой Конституции.

В данной статье на основе изучения эмпирического материала установлены критерии, соответствие которым считалось государственной властью признаком адаптации семей спецпереселенцев, далее спецпоселенцев. Индикатором этой адаптации выступает досрочное восстановление в гражданских правах, то есть если человека реабилитировали, то его считали вполне адаптированным к тем условиям, которые выдвигала власть. Естественно, что данная адаптация рассматривалась с позиций и интересов власти на то, адаптировался к условиям несвободы человек или нет.

Проблема спецпоселенцев достаточно активно, особенно в последнее время (в связи с относительным рассекречиванием архивов), изучается в исторической науке. Одной из самых фундаментальных работ по данной проблематике является монография В.Н. Земскова «Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 гг.». Он рассмотрел огромный материал по географии расселения ссыльных контингентов, их рождаемости и смерти, материально-бытовом положении, национальному и половозрастному составу. Преимущественно на

¹ Собрание законов СССР. 1931. № 44. Ст. 298.

основе документов отдела, в подчинении которого находились спецпоселенцы, хранящихся в спецхране ГА РФ, он создал обширную базу авторских статистических таблиц, осветив всю 30-летнюю историю системы спецпереселенчества².

Для исследования вопроса о принудительных миграциях важна монография П.М. Поляна «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР». Работа находится на стыке географии и истории. Полян распределил по социальному, конфессиональному, этническому признакам всех лиц, подвергавшихся депортациям, то есть «специфической форме политических репрессий»³.

Важную работу по изучению крестьянской ссылки проделал Н.А. Ивницкий. Он изучил проблемы хозяйственного устройства спецпереселенцев, их материально-бытового положения и использования их труда, административного устройства спецпоселков⁴.

Особый интерес в изучении данной проблематики представляет монография С.А. Красильникова, М.С. Саламатовой и С.Н. Ушаковой «Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930х — начале 1950-х гг.». В ней затронуты проблемы адаптационных практик крестьянских семей Западной Сибири (в том числе Анжерской и Парабельской комендатурах) и сделан вывод о доминирующем значении для реабилитации критерия интенсивности и результативности труда и общественно-политического поведения спецпоселенцев, которые измерялись на основании вполне конкретных и осязаемых поступков крестьян⁵. Однако выводы, сделанные в работе, основаны на данных всего двух дел (одно Анжерской и одно Парабельской участковых комендатур). В нашей работе база источников существенно расширена и переработана.

Активная работа по изучению проблемы крестьянской ссылки проходит в регионах в связи с изданием Книг памяти жертв политических репрессий. Среди них справочные материалы «Возвращение крестьянских имен» (составлена Информационным центром УВД Читинской области, даны сведения о составе крестьянских семей, высланных из Забайкалья)⁶. Или «Покаяние» — мартиролог, выпускаемого фондом одноименного названия, рассматривающего историю крестьянской ссылки в 1930–1950-х гг. в республике Коми. Интерес представляет и «Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области». В издании опубликованы биограммы на основе семейного и индивидуального учета крестьян-спецпереселенцев, высланных из региона в 1930-е гг. в северные районы Западной Сибири⁸.

Тематика адаптации является традиционным полем изучения социальными науками, в том числе социологией. В данной связи интересна монография М.В. Ромм «Адаптация личности в социуме». В ней проанализированы теоретические аспекты, связанные с изучением приспособительных процессов в социуме. Феномен адаптации подвергался целостному информационно-системному и коммуникативно-интерпретативному анализу с социологических позиций⁹.

Несмотря на существование обширной литературы по проблематике спецпереселенцев в целом, адаптационные процессы в среде ссыльных изучены крайне слабо. В данном направлении сделаны важные, но только первые шаги. Необходимо также рассматривать данную проблематику и при помощи инструментов, которые предлагает социологическая наука.

Процесс квази-правовой реабилитации отразился в делопроизводственной документации Западносибирского крайисполкома, представленной 143-мя делами¹⁰. Нами были рассмотрены

² См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 гг. М., 2003. С. 13–15.

³ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР М., 2001.

⁴ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

⁵ См.: Красильников С.А., Саламатова С.М., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930–1950-х гг. М. 2010, С. 240–245.

⁶ Возвращение крестьянских имен. Чита, 1996. Вып. 1; 1997. Вып. 2.

⁷ Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 2001. Т. 4, ч. 1, 2.

⁸ Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск. 2010. Вып. 3.

⁹ Ромм М.В. Адаптация личности в социуме. Новосибирск, 2002.

¹⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 3. Дд. 2429–2570; ГАНО Ф. 47. Оп. 1. Д. 2162.

данные 16-ти дел по двум участковым комендатурам: Парабельской¹¹ и Анжерской¹². Делопроизводственная документация представлена пофамильными списками спецпереселенцев, восстановленных в избирательных правах. В них, чаще всего, представлена довольно краткая

информация: ФИО, возраст, место прежнего проживания, семейное положение, профессия. Всего списками двух комендатур было учтено 2600 ссыльных крестьян, подлежащих восстановлению в правовом статусе. В ряде дел оказалась представлена более детальная информация, сопровождавшая «восстановительную» кампанию. В них указаны непосредственно причины восстановления: развернутая характеристика профессиональной (450 чел.), общественно-просветительской деятельности (208 чел.), экономическое положение (253 чел.). Часть характеристик даны не персонально, а посемейно.

Приведем в качестве примера характеристику, данную членам семьи Анофима Николаевича Заикова, спецпереселенца из Парабельской комендатуры: «Семья ЗАИКОВА, с момента вселения с 1931 года используется на работах ЛПХ — как кадровые рабочие. За время нахождения адмвзысканиям не подвергались. Замечаний не имеют, наоборот. Работая как сплавщики[,] к работе относятся вполне добросовестно, в особенности к бережному хранению порученного им имущества. В своей работе имеют успехи. Ударники. Норму выработки перевыполняют до 120 %. Пропусков, прогулов за время нахождения в ЛПХ не имеют. В отношении окружающей массы вообще — вежливы. Грубых поступков к производственным вопросам со стороны ЗАИКОВЫХ не было. Дисциплинированы. Служат примером другим. Заслуживают внимания и права досрочного восстановления. Имеют: посев огородных [культур]. Квартира ЛПХ»¹³.

В таком же русле дана индивидуальная характеристика Слинько Николая Семеновича из списка Анжерской комендатуры: «С начала прибытия в комендатуру стал принимать активное участие в проводимых мероприятиях комендатурой — работал до 1933 г. февраля месяца счетоводом — к работе относился добросовестно, после чего был направлен в шахту 9-15, где через месяц — стал работать забойщиком, а также бригадиром, за хорошую работу в шахте премирован в 100 рублей — был ударником, в данное время работает бухгалтером. РУ, осадмилец член штаба стандартного городка; борется с₁₄ побегам и со всеми [нарушениями] на стандартном городке, адм. взысканиям не подвергался».

В результате проведенной первичной формализации источников (составление баз данных) нами устанавливались факторы, способствующие успешному восстановлению в гражданских правах. С этой целью выявлялись основные параметры производственной и социально — политической лояльности спецпереселенцев, устанавливались критерии для их ранжирования (шкала оценок) и производился подсчет лиц, восстанавливаемых в правах по каждому из этих признаков.

Было выявлено два базовых критерия, при соответствии которым «лишенец» мог быть восстановлен в избирательных правах. Эти критерии заложены в самих названиях документов (например, «список № ударников и общественников, досрочно восстанавливаемых в гражданских правах»), а именно:

1. Позитивные показатели производственной деятельности
2. Участие в общественной жизни спецпоселка.

Позитивные производственные показатели:

В соответствии с данным критерием все восстановленные были распределены на 4 основные категории:

1. Спецпереселенцы максимально выполняют и даже перевыполняют все требования. Индикатор этого — однократное и неоднократное премирование за хорошие производственные показатели, активное ударничество и т.д.

¹¹ ГАНО. Ф. Р- 47. Оп. 3. Дд. 2535–2546.

¹² ГАНО. Ф. Р- 47. Оп. 3. Дд. 2454–12457; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2162.

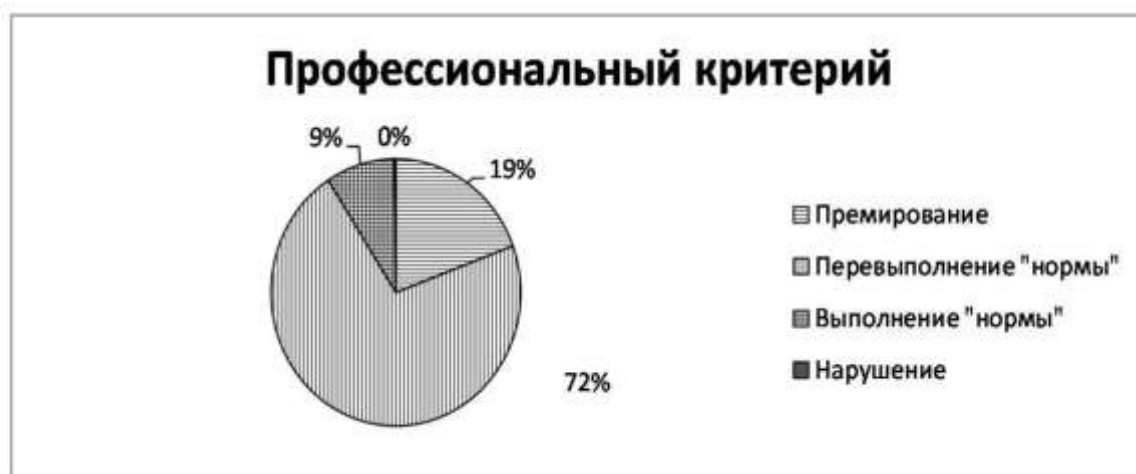
¹³ ГАНО. Ф. Р- 47. Оп. 3. Д. 2537. Л. 14.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р- 47. Оп. 1. Д. 2162. Л. 224 об.

2. Люди перевыполняют установленную норму работы: «активный ударник, добросовестно относящийся к труду», «лучший ударник», «имеет особые успехи в работе, показывает пример остальным», «лучший по уходу за конем», «дисциплинирован и трудолюбив» и т. д., при этом информации о премировании этих людей – нет.
3. Выполняется некая определенная планка минимума. Это выражается в отсутствии прогулов, замечаний и взысканий. Однако какие-то дополнительные успехи в работе в характеристике отсутствуют.
4. Присутствуют явные нарушения рабочего режима. Например, взыскание, прогул или замечание.

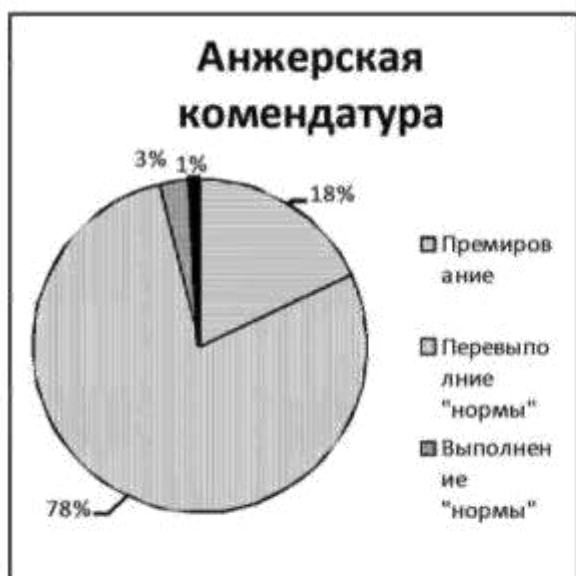
При изучении и сопоставлении данных по двум комендатурам были получены следующие данные:

Категория	Кол-во вообще		Анжерская ком-ра		Парабельская ком-ра	
	чел-к	%	чел-к	%	чел-к	%
Премирование	87	19%	28	18%	59	20%
Перевыполнение «нормы»	322	72%	124	78%	198	68%
Выполнение «нормы»	40	9%	5	3%	35	12%
Нарушение	1	0%	1	1%	0	0%
Итого:	450		158		292	

Из представленных данных следует, что количество премированных составляет примерно одну пятую часть от общего количества спецпоселенцев, восстановленных в гражданских правах. Количественное большинство же составляют лица, которые добросовестно относились к труду, превышали некую планку трудового минимума, были дисциплинированы и проявляли трудовую лояльность.

При этом данные в двух комендатурах в целом схожи. Небольшое отклонение второй и третьей категории можно объяснить, например, особенностями составления самого источника. Они не меняют общую картину.

Следовательно, в рамках успешных рабочих показателях допускались отклонения в диапазоне от минимальных условий (отсутствие прогулов, замечаний или взысканий) до максимального активизма (ударничества, премирования и т.д.). Негативные показатели в работе — это исключение. Только один человек во всех списках имеет одно административное взыскание за прогул, в целом — он тоже ударник. Это Филимонов Андрей Семенович: «Работает на шахте 9–15 пом. забойщика, ударник, к работе относится добросовестно, с момента прибытия в комендатуру работает в шахте — за время работы лишь в 1932 г. был прогул за что подвергнут адм. взысканиям. В данное время вполне исправился»¹⁵.

Участие в общественной жизни спецпоселка.

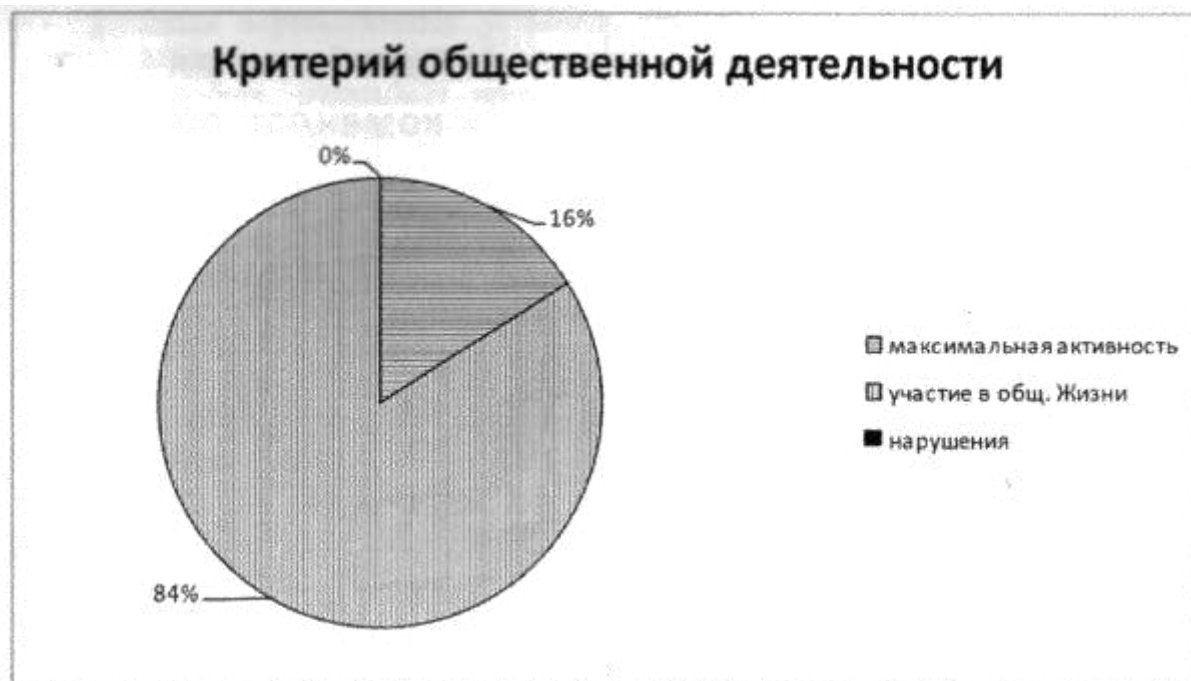
В соответствии с критерием политической активности спецпереселенцы, на которых распространилась квази-реабилитация, были распределены на три категории:

1. Спецпереселенцы вели максимально активную общественную деятельность. При этом ссыльные крестьяне не только «принимали активное участие в мероприятиях, проводимых комендатурой», но и были членами групп по борьбе с побегами, групп содействия и т.д. Следовательно, они помогали власти бороться с протестными действиями внутри поселка.
2. Спецпереселенцы принимали деятельное участие в мероприятиях комендатуры. Чаще всего это обозначается следующими формулировками: «принимает активное участие в мероприятиях, проводимых комендатурой», «хороший общественник», «общественник», «относится к мероприятиям добросовестно».
3. Наличие негативной характеристики общественной деятельности.

При обработке характеристик были получены следующие данные:

Категория	Кол-во общее		Анжерская ком-ра		Парабельская ком-ра	
	чел-к	%	чел-к	%	чел-к	%
Максимальная активность	34	16 %	11	20 %	23	12 %
Участие в общ. жизни	174	84 %	82	80 %	92	88 %
Нарушения	0	0 %	0	0 %	0	0 %
Итого:	208		93		115	

¹⁵ ГАНУ. Ф.Р-47. Оп. 1, Д. 2162.Л. 226 об.

Количественное большинство составляют спецпереселенцы, которые выполняли некую «общественную программу минимума». Ярые активисты (борцы с побегами, участники группы содействия) составляли количественное меньшинство — одну пятую. Следовательно, здесь, как и в первой ситуации, считалось достаточным некоторое выполнение минимума. Негативные характеристики полностью отсутствуют. Общественная лояльность — это обязательное условие адаптации.

Данные по двум комендатурам также, как и в случае с профессиональным критерием, схожи, некоторые различия — в целом не влияют на общую картину.

Данные по профессиональному и общественному показателям свидетельствуют о том, что критерий трудовой и социальной лояльности, будучи усредненным и нивелировавшим нюансы показателем признавался властью за достаточный индикатор адаптации спецпереселенцев к условиям комендатурной жизнедеятельности, а значит, являлся условием для реабилитации.

Также были рассмотрены некоторые другие факторы, которые могли косвенно повлиять на процесс адаптации:

- Возраст
- Профессиональная занятость
- Экономическое положение

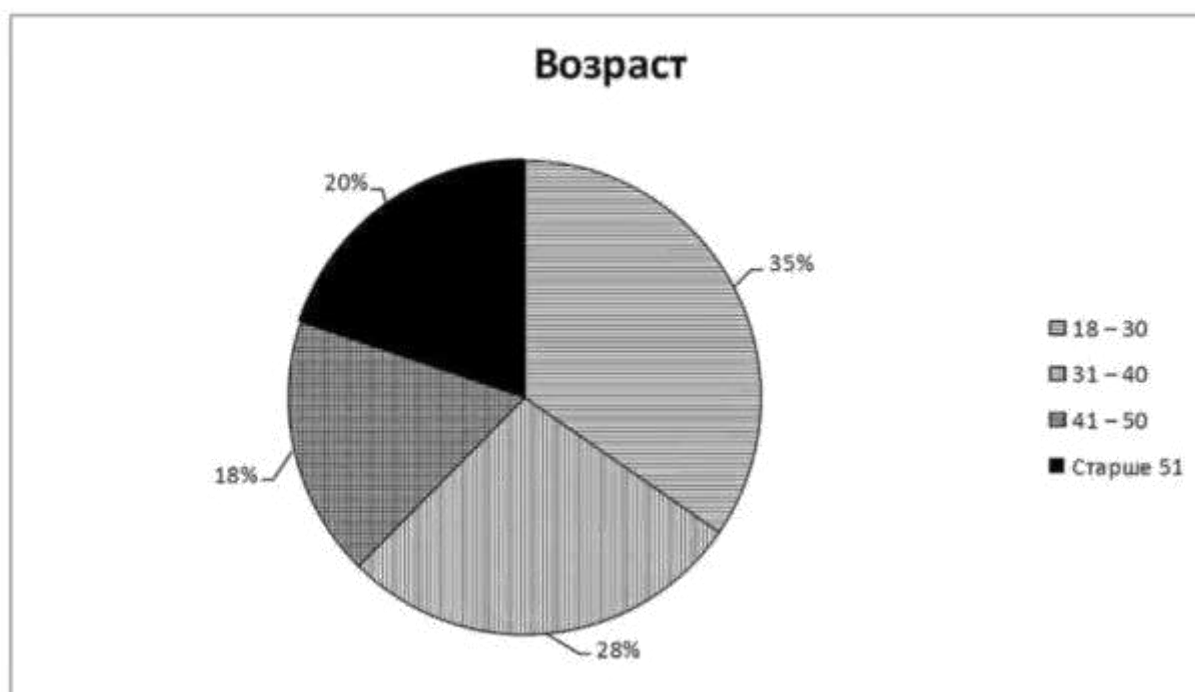
Возраст.

Согласно этому критерию реабилитируемые были разделены на следующие группы:

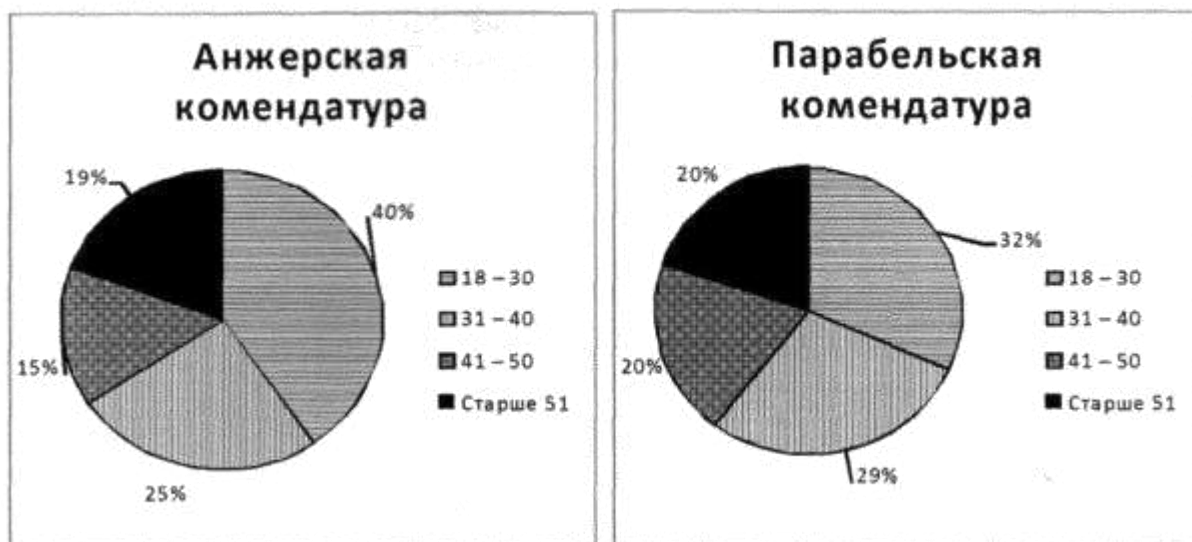
1. 18–30 лет.
2. 31–40 лет.
3. 41–50 лет.
4. Старше 51 года.

Были получены следующие данные:

Категория	Кол-во общее		Анжерская ком-ра		Парабельская ком-ра	
	чел-к	%	чел-к	%	чел-к	%
18 – 30	920	35 %	456	40 %	464	32 %
31 – 40	716	28 %	422	25 %	294	29 %
41 – 50	456	18 %	284	15 %	172	20 %
Старше 51	508	20 %	285	19 %	223	20 %
Итого:	2600		1447		1153	

Из представленной таблицы видно, что в обеих комендатурах преобладают лица младше 40 лет (немного более 60 %). Однако говорить о наличии зависимости между возрастом и восстановлением в избирательных правах (например, что предпочитали реабилитировать молодых людей) пока рано. Это связано с тем, что данная картина может совпадать с общей возрастной ситуацией в поселке.

Профессиональная занятость.

Характеристики профессиональной занятости в Анжерской и Парабельской комендатурах практически невозможно сравнить. Это связано с различной профессиональной специализацией районов.

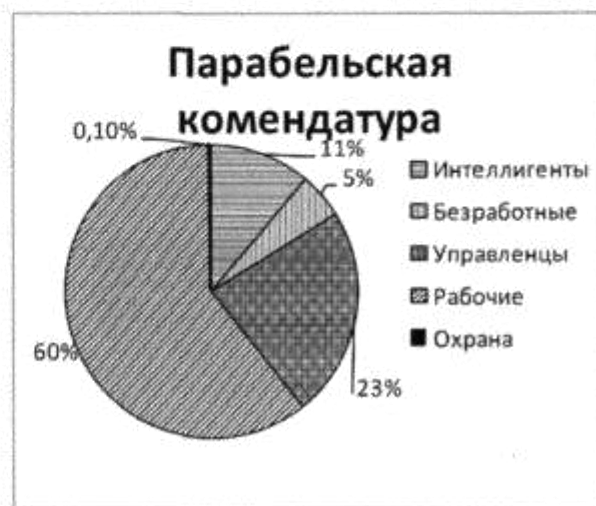
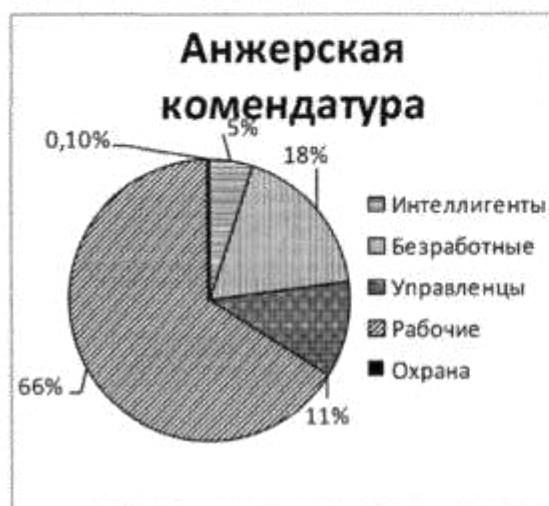
Доминирующая группа в сфере профессий Парабельской комендатуры — это члены сельскохозяйственных артелей без указания должностей, пахари, конюхи, сеяльщики, то есть работники сельскохозяйственной артели (84 %). Вторую по численности категорию составляют работники леспромхоза (ЛПХ) (7 %). Остальные — это работники больницы, школы, детского дома, заставы по борьбе с побегами (меньше 1 % каждая категория).

В Анжерской комендатуре в категории «Профессиональная занятость» доминируют рабочие шахт (33 %). Значительная доля приходится на работников сельскохозяйственной артели (30%) и ЛПХ (21%). Оставшаяся часть квази-реабилитированных — работники строительного отдела (8 %), больницы, школы, детских яслей (меньше 1 % каждая категория).

Однако определенное сравнение по сферам занятости возможно. В связи с этим, мы разделили всех спецпереселенцев на основе профессионального признака на пять категорий:

1. Работники интеллигентских профессий и средний технический персонал. В данную категорию мы отнесли учителей, воспитателей, врачей, ветеринаров, делопроизводителей, бухгалтеров, лиц, направленных на обучение, счетоводов, киномехаников.
2. Безработные. Сюда относятся домохозяйки, иждивенцы-инвалиды, лица, в характеристики которых прописано просто «не работает».
3. Управленцы разных уровней. Это, например, бригадиры, десятники, заведующие ларьком, звеньеводы, завхозы.
4. Рабочие. Это рядовые работники в сельском хозяйстве, ЛПХ, шахте (в Анжерской комендатуре), столяры, рыбаки, охотники, кузнецы, мотористы и т. д. (общий перечень профессий очень разнообразен).
5. Работники охранной сферы. Например, работники заставы по борьбе с побегами.

Категория	Кол-во вообще		Анжерская ком-ра		Парабельская ком-ра	
	чел-к	%	чел-к	%	чел-к	%
специалисты, техн. персонал	92	8 %	26	5 %	66	11 %
Безработные	130	11 %	98	18 %	32	5 %
Управленцы	200	17 %	60	11 %	140	23 %
Рабочие	732	63 %	365	66 %	367	60 %
Охрана	4	0 %	1	0,1 %	3	0,1 %
Итого:	1158		550		608	

Таким образом, доля рабочих явно преобладает в обоих спецпоселках, что было отмечено выше. Интересно, что доля безработных в Анжерке значительно больше, чем в Парабеле. А в Парабеле, в свою очередь, выше удельный вес управленцев разных уровней, специа-листов и среднего технического персонала.

Экономическое положение.

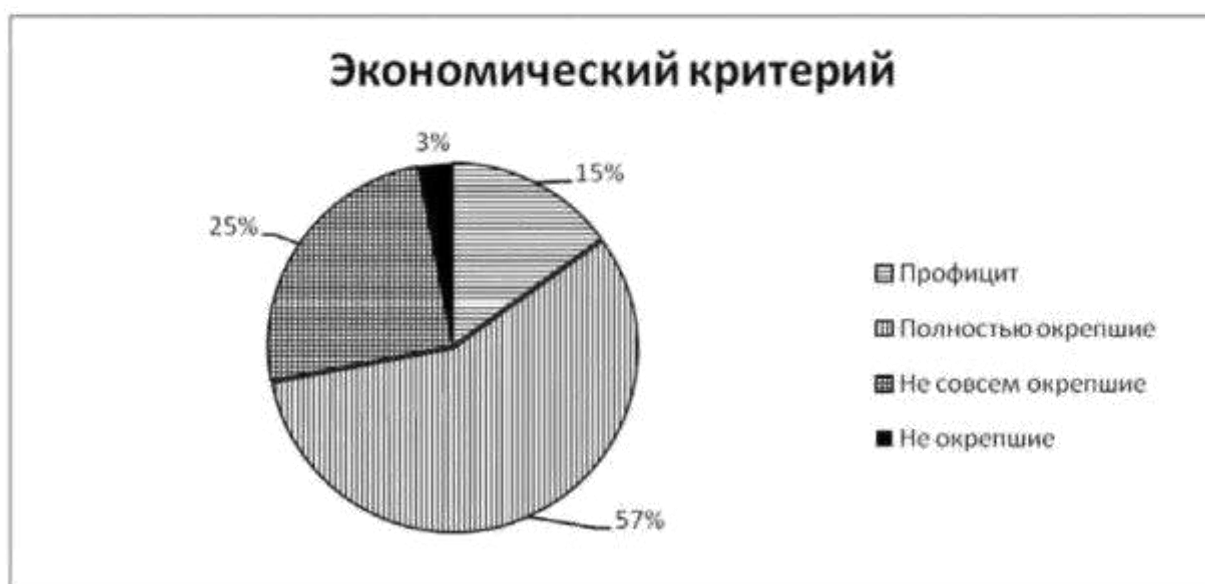
Данные, отражающие экономическое положение спецпереселенцев, отражены только в документах Парабельской комендатуры. Трудоселенцы, восстановленные в гражданских правах, нами были сгруппированы в следующие категории:

1. Семья имеет хлебные излишки, которые сдает в порядке хлебозакупа. Значит, хозяйство не просто окрепшее, но и приносит профицит. Естественно, что данный достаток является относительным. Важно, что власть признавала этих спецпоселенцев экономически окрепшими.
2. Хозяйство вполне окрепшее: есть дом, некоторое количество скота, огород, семья обеспечена продовольствием на один год из расчета нормы годовой потребности. Однако информация об излишках в этих семьях отсутствует.
3. Хозяйство не совсем окрепшее. Например, имеется только дом, или только огород. Однако семья обеспечена продовольствием. Чаще всего это обозначается фразами:

«имеет лишь избу, продовольствием обеспечен», «семья обеспечена продовольствием», «хозяйство не окрепшее, имеет только огород, но продовольствием обеспечено из расчета годовой нормы».

4. Хозяйство не окрепшее. Семья полностью продовольствием не обеспечена (чаще всего — это обеспеченность только на 8–9 месяцев). Например, это обозначается следующими формулировками: «из-за инвалидности обеспечил себя продовольствием только на 8 месяцев, не окрепший», «продовольствием обеспечен на 9 месяцев, хозяйственно не окреп» и т. д.

<i>Категория</i>	<i>Кол-во чел.</i>	<i>Кол-во чел. (%)</i>
Профицит	39	15 %
Полностью окрепшие	143	57 %
Не совсем окрепшие	64	25 %
Не окрепшие	7	3 %
Итого:	253	

Следовательно, реабилитируемые спецпереселенцы — это преимущественно окрепшие и оседлые хозяева, которые «не имеют тяги к прошлому месту жительства». Однако, в отличие от критериев трудовой и социальной лояльности, это не является обязательным условием: чуть более четверти хозяев полностью экономически не обустроенные.

Итак, основным критерием для успешной адаптации, а значит и для возможности досрочного восстановления в гражданских правах, государственная власть считала трудовую и социальную лояльность. Критерий был усреднен и нивелировал различия, допуская отклонения, как в сторону выполнения минимальных обязанностей, так и в сторону максимального активизма. При этом практически не допускалось нарушение установленного режима, как в профессиональной, так и в общественной деятельности.

Среди реабилитированных спецпереселенцев преобладают лица до 40 лет (63 %). Большинство ссыльных крестьян — это представители рабочих специальностей, работающих в сельскохозяйственной артели, шахте, леспромхозе. Примечательно, что большинство семей спецпереселенцев, членов которых досрочно восстанавливают в правах, признавались окрепшими хозяйствами. Предположительно, их оседлость связана с их профессиональной активностью. Хотя данная зависимость не является абсолютной — около четверти спецпереселенцев хозяйственно не окрепли.

Следует учитывать, что восстановление части спецпереселенцев в избирательных правах в середине 1936 г. носило характер массовой идеолого-пропагандистской

кампании со всеми присущими ей чертами (директивность установок, стереотипность решений, массовость охвата и т.д.), долженствовавшей продемонстрировать «успехи» «трудового перевоспитания бывших кулаков» в канун принятия «Сталинской Конституции». В реальности же выделенная посредством данной кампании квази-реабилитированная группа в составе спецпереселенческого контингента, но лишенная права выезда из спецпоселков, привела к усложнению иерархии статусов внутри ссыльных крестьян, не ослабив тем самым, а усилив социальную напряженность в комендатурах.

И. З. Меражов (СибУПК — ДУМ АЧР)

РЕПРЕССИРОВАННАЯ МИФИЧЕСКАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ГАСКЕРИ УЕШМА»

Предметом исследования является «Военно-мусульманская контрреволюционно-повстанческая организация «Гаскери Уешма». В 1937–1939 гг. сотни мусульман были репрессированы по делу указанной мифической «организации». Своим появлением последняя обязана печально известному постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 июля 1937 г. № П51/94 «Об антисоветских элементах», установившему т.н. лимит на расстрел, который постоянно повышался по просьбам руководства региональных парторганизаций и управлений НКВД. С этой целью на местах форсированно фабриковались т.н. контрреволюционные организации, «раскрытие» которых давало возможность чекистам осуществлять эскалацию репрессий. В частности, начальником отделения КРО УНКВД ЗСК Лазаревым И.К. и его помощником Тарасовым Г.А. оказалось сфабриковано дело «разветвлённой повстанческой мусульманской организации «Гаскери Уешма» («Военная организация»)»¹.

Обвинение в создании не существующей организации «Гаскери-Уешма».

Согласно обвинительного заключения по уголовному делу №12812 « мусульманской контрреволюционной организации «Гаскери-Уешма»», составленного капитаном госбезопасности И. В. Овчинниковым 7 декабря 1937 г., данная организация была создана в 1917 году Гайсиным З., якобы «уполномоченным зарубежного мусульманского центра, связанного с главой пан-Азиатской мусульманской эмиграции Курбангалиевым Абдулхаем»².

В обвинительном заключении сказано, что Гайсин З.С. по заданию разведывательных органов иностранного государства в «РОВСе объединил все татарские организации в Сибири, а также установил связь с аналогичными организациями других национальных республик Советского Союза, контрреволюционная организация сблокировалась с военно-повстанческой организацией, созданной агентом иностранной разведки Третьяковым И. Я., с офицерско-казачьей организацией «РОВС», руководимой генералом Михайловым и с блоком Алтайских националистов, готовила вооруженное восстание и свержение Советской власти в Сибири, с последующей задачей создания конституционно-монархического государства под протекторатом Японии.

«Томская ячейка Гаскери Уешма». Следствие якобы установило, что одним из членов руководящего контрреволюционного центра, бывшим членом Государственной Думы — муллой г. Томска Хурамшиным в г. Томске и в Чановском районе НСО из бывших торговцев, мулл и лиц, враждебно настроенных к Советской власти, были созданы филиалы указанной организации. Созданная контрреволюционная националистическая, повстанческая организация в г. Томске сначала возглавлялась Хурамшиным, а потом Биктагировым Зинатуллой и муллой г. Томска Япаровым Шакиром Япаровичем. В обвинительном заключении сказано, что Хурамшиным в 1920

¹ Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. — М., 2008. С. 384–386.

² Архив УФСБ Томской области. Д. П-3200. Л. 248–251, 259–260.

году в Чановском районе была создана контрреволюционная организация в составе 100 человек и в г. Томске — 200 чел.

В числе арестантов оказался и бывший член Томского мусульманского бюро Хасан Баязитов, уроженец деревни Суккулово Уфимской губернии, имеющий высшее образование, по социальному происхождению из мулл, работавший учителем в деревне Серебряково Томского района.

В постановлении о его аресте сказано, что Баязитов «...достаточно изобличается в том, что является членом к-р националистической военно-повстанческой организации, активно участвует в к-р деятельности этой организации, направленной на формирование вооруженных отрядов для борьбы с соввластью и поднятия восстания в момент действия Японии и Германии против СССР с целью свержения советской власти и установления военной диктатуры, выражающей интересы татарской буржуазии». В обвинительном заключении говорится, что «наряду с общей задачей вооруженного восстания против советской власти» члены «Гаскери Уешма» готовились провести «массовый террор над коммунистами, перед членами организации ставили задачу вербовки новых членов...».

В следственном деле нет этому никаких доказательств. Однако все обвиняемые по данному делу лица оказались приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Мулле Шакира Япарова, в возрасте 72 года, и Зинатулле Биктагирова в возрасте 70 лет, расстреляли 26 ноября вместе с другими стариками из совета старейшин Белой мечети. Бывшего депутата Государственной думы Ямалетдина Хурамшина казнили 19 декабря 1937 г.

По тому же нелепому обвинению чекисты арестовали весь совет старейшин Белой мечети. После массового ареста прихожан прямо на джума-намазе (осенью 1937 г.) служба в Белой мечети прервалась более чем на полвека. Летом 1938 г. горсовет взял под охрану пустующее здание. В постановлении Томского горсовета от 9 июля 1938 года говорится: «Учитывая, что здание татарской (белой) мечети в гор. Томске по Московскому тракту №100, находившееся в пользовании религиозной общины быв. мусульманского культа, для религиозных целей в течении около 11 месяцев не используется, что охрана исполнительным органом была поручена постороннему лицу — жене бывшего муллы Яппаровой Х.Б, которая от дальнейшей охраны имущества отказывается в связи с переменой места жительства и в виду отсутствия представителей исполнительного органа данной религиозной общины, о чем она обратилась с письменным заявлением в Горсовет, с просьбой принять от нее ключи и имущество мечети, Президиум Горсовета постановляет: в целях охраны здания и имущества мечети от расхищения, поручить ГорФО тов. Митрошину принять имущество мечети для временного хранения, а здание мечети запереть на замок впредь до окончательного решения вопроса о дальнейшем использовании здания и имущества». 10 октября 1939 года постановлением облисполкома Белая мечеть была закрыта официально, здание передано под национальную татарскую школу. Впоследствии в здании было оборудовано зернохранилище, позже с 60-х годов — цех карандашной фабрики.

Краткая информация о З. С. Гайсине, «создателе Гаскери-Уешма». Гайсин Зариф Сафич, 10.01.1884 г.р., уроженец Уфимской губернии. В 1903–1905 гг. работал рабочим на горных предприятиях Урала. После службы в армии в 1909 г. переехал в Томск, участвовал в революционном движении. С 1919 член РКП(б), работал в Томском мусульманском бюро. В 1921–1924 гг. председатель Совета национальных меньшинств при Томском губернском отделе народного образования. В 1923–1924 гг. был директором Томского губернского музея. Не будучи профессионалом-этнографом, во время экспедиций летом 1923 г. и 1924 г. в Горную Шорию собрал богатые предметные и иллюстративные этнографические коллекции для Томского музея. В 1924–1930 гг. работал в государственных органах по делам национальных меньшинств в Сибирском крае. В начале 1930-х годов работал в плановом отделе Западно-Сибирского крайисполкома, затем стал инспектором Бюро краеведения.

09.06.1937 г. Гайсин подвергся аресту по необоснованному обвинению в «принадлежности к контрреволюционной мусульманской организации «Гаскери-Уешма», постановлением тройки Управления НКВД по Новосибирской области 05.11.1937 г.

приговорен к высшей мере наказания — к расстрелу, приговор приведен в исполнение на следующий день 06.11.1937 г. в г. Новосибирске.

В его личном деле в фонде Томского губкома РКП (б) выявлен новый документ — автобиография, написанная в декабре 1923 г. В ней упомянуты еще неизвестные исследователям факты, о которых в более поздних документах он умалчивал³.

Это относится к следующим моментам, «неудобным» для советского ответственного работника: вступление в партию эсеров-максималистов в 1908 г., во время военной службы по призыву; участие в мае 1917 г. в I-м Всероссийском съезде мусульман-военных; работа в Сибирской Областной Думе; участие в формировании томского тюрко-татарского батальона, созданного при Колчаке. Оказалось, что с военной службой Зариф Сафич был знаком хорошо. Сначала служба по призыву, затем служба по мобилизации во время Первой мировой войны, позже формирование колчаковского тюрко-татарского батальона, а после восстановления советской власти — служба политкомом в составе этого батальона.

В одних источниках в течение 1917 г. он упоминается в начале года как солдат; затем как военный, командированный в Москву (см. текст автобиографии). В других источниках в сентябре он упоминается как учитель. Возможно, эти сведения не противоречат друг другу, но они и не встречаются одновременно в одном источнике.

Как многие татарские лидеры, З.С. Гайсин был репрессирован. В 3-м томе Книги Памяти репрессированных томичей «Боль людская» (Томск, 1992, С. 420) приведена цитата из следственного дела «военно-мусульманской, контрреволюционно-повстанческой организации «Гаскери-Уешма», по которому проходил З.Гайсин. Именно он назван основателем этой организации, а дата создания организации — 1917 г., то есть названный им год проведения I-го Всероссийского съезда военных-мусульман. Известно, что в феврале 1919 г. Томск посетил эсер, писатель Гаяз Исхаки, позднее оказавшийся в эмиграции. Томская мусульманская община, одним из лидеров которой был З.Гайсин, восторженно праздновала его приезд. А позднее этот визит мог стать отягчающим обстоятельством для тех томских мусульман, кто оказался обвинен в связях с зарубежным пантюркистским центром. 30.12.1956 г. Зариф Сафич Гайсин реабилитирован.

Краткая информация о Хурамшине Дж.Х. «руководителе Гаскери-Уешма».

Хурамшин Джамалетдин (Ямалетдин) Хурамшинович⁴, 1873 г. р., уроженец с. Карановой, Белебеевского уезда, Уфимской губернии. По национальности: в справочнике о депутатах Государственной Думы I созыва значится башкиром, в следственных материалах НКВД и в Книге Памяти Томской области — татарин. Хурамшин Дж. Х. был депутатом Государственной Думы от Уфимской губернии. Конституционный демократ. В 1914 году принимал участие в работе мусульманского съезда в Петербурге. Мулла деревни Караново. Законоучитель нескольких магометанских школ. До и после депутатства — ахун города Белебей. В период первой мировой войны исполнял обязанности полкового муллы. Согласно «Именному списку преподавателей вероучения» при Красной мечети Томска, Джамалетдин Хурамшин занимал должность муллы с 1924 года. Проживал в доме по улице Источная, 10, что в Заисточье — татарской слободе Томска. 27 ноября 1926 года на мусульманском съезде в Красной мечети мулла Хурамшин читал доклад о своей поездке на Всероссийский мусульманский съезд в Уфу, рассказывал о впечатлениях восьми советских паломников, совершавших хадж в Мекку. Учился в медресе в деревне Килимовой (сейчас — Килимово). Держал экзамен на должность муллы при Белебеевском городском училище. Его судьба в Советской России до недавнего времени была неизвестной. Хурамшин жил в конце жизни в Ташкенте, куда переехал, спасаясь от репрессий. Работал в ташкентской артели имени Бабаева на должности дежурный охраны. 28 сентября 1937 года в возрасте 64 года арестован

³ Приль Л.Н., Зариф Гайсин как идеолог национального образования // Мультикультурность и образование. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. — Томск, 2003. С.74–83; Тучков А.Г. Томские этнографические экспедиции в Горную Шорию // Труды Томского государственного историко-архитектурного музея. Томск, 1996. — Т. IX. — С. 165–191.

⁴ Архив УФСБ Томской области. Д. П-3200. Л. 23.

по делу о мусульманской подпольной организации Гаскери Уешма. Хурамшину инкриминировали руководство томской ячейки «Гаскери Уешма».

Согласно обвинительному заключению, мусульманин Хурамшин из г. Томска являясь руководителем к-р организации в г. Томске, одновременно был связан с агентами иностранных разведывательных органов Гайсиным и др., через которых реализовал собираемые шпионские сведения, а в 1935 г. лично передавал шпионские сведения афганскому консулу и английскому офицеру в г. Ташкенте.

Почти все справочники о дате смерти Хурамшина ставили знак вопроса. Недавние публикации архивов НКВД раскрыли неизвестные детали его жизни. Обвинен по ст. 58-10 УК в создании контрреволюционной военно-троцкистской организации «Гаскери – Уешма». Приговорен: 8 декабря 1937 г., Приговор: расстрел. Расстрелян 19 декабря 1937 г. 7.04.1959г. Хурамшин Джамалетдин (Ямалетдин) Хурамшиновича реабилитирован.

«Новосибирская ячейка Гаскери-Уешма». Руководящий центр «Гаскери Уешма» в составе новосибирского муллы Невмяна Алямова, бывшего купца Ахмета Шагимарданова, «заводчика» Мисима Фатыха (агента НКВД) и сына муллы Кадыра Хамитова был уничтожен по другому делу — на 30 чел. Часть осуждённых татар оказалась «растворена» в более крупных операциях. Арестованные в октябре 1937 г. в Новосибирске А. Х. Сибгатулин, М. З. Сулейманов, М. Х. Файзулин (всего 20 чел.) в справках на арест обвинялись в принадлежности к мусульманской организации «Гаскери Уешма», но в итоге были осуждены по делу РОВСа — как более «актуальному» для чекистов. Верующие мусульмане отрицали членство и существования такой организации. Ячейки якобы были «вскрыты и ликвидированы» 3-м Отделом государственной безопасности УНКВД по Новосибирской области.

В 1937–1939 гг. Тройкой УНКВД Новосибирской области были осуждены по ст. ст. 58–2, 58–6, 58–8, 58–10 и 58–11 УК РСФСР к Высшей Мере Наказания (ВМН) — приговорены к расстрелу более 200 верующих.

«Омская ячейка Гаскери-Уешма». В Омской области репрессии против многочисленных татар были, напротив, очень заметны и продолжались в течение года. В октябре 1937 г. тройкой была осуждена повстанческая группа татар из омской организации «Гаскери Уешма» во главе с Х. Бекбаевым, связанная как с «сибирским троцкистским центром», так и с зарубежным центром (расстреляны все 22 фигуранта). На следующий день были уничтожены и нескольких ячеек «татарских националистов» из Тобольского округа. 2 ноября тройка осудила 48 участников татарской организации «Милли Шура» из районов Тарского округа, ставившей задачу свержения советской власти и образования пантюркистского государства под протекторатом Японии. 4 ноября — 16 татар-повстанцев из районов современной Тюменской области, 10 ноября — 11 членов «Милли Шуры» из Омска (все к ВМН), 14 ноября — 9 чел. к ВМН из организации в Большереченском районе под руководством муллы. В марте 1938 г. тройка Омского УНКВД осудила 13 татар — членов «Гаскери Уешма» в Тевризском районе (8 чел. — к ВМН), 7 участников Усть-Ишимского филиала татарской «националистическо-повстанческой» организации «Милли Шура» (5 — к ВМН), а также 30 членов «Милли Шуры» в тюменских районах. В июне 1938 г. тройкой был осуждён и ряд татарских групп в Омске. В Омской области к началу октября 1937 г. чекисты «вскрыли» связанную с границей казахскую организацию «Алаш Орда» (более 100 чел.). Численность казахов — «повстанцев» быстро росла. 26 октября 1937 г. тройка Омского УНКВД осудила 33 участника «диверсионно-повстанческой организации» казахов Азовского района, из которых 29 расстреляли. На следующий день было расстреляно свыше 40 казахов из Черла кокого района, а 17 ноября — осуждено 82 члена «Алаш Орды» из южных районов области, в т. ч. 64 — к расстрелу. В следующем году дела против «казахских националистов» были продолжены, и в июне 1938 г. известны новые расстрелы по организации «Алаш Орда». В деле разные даты расстрела, потому что арестовывали в три этапа, каждый раз якобы вскрывали новую ячейку». Вслед за расправой с руководителями мусульманской общины, уже 7 августа Куйбышевский райсовет принял

решение о ликвидации мечети, а в сентябре 1938 года это решение было утверждено облисполкомом.

Дело «Об использовании молитвенного здания татарской мечети в г. Омске» можно считать классическим образчиком тактики закрытия культового здания. На общем собрании татаро-казахских жителей города, состоявшемся 2 марта 1938 г., в котором участвовало 52 человека, собравшиеся постановили передать здание под татаро-казахский клуб и библиотеку. В президиуме были: Каримов — председатель, Тагимбаев — секретарь, Башарова, Нигматуллина, Шамурзина. 7 августа 1938 года постановлением Президиума Куйбышевского Райсовета РК и КД мечеть по ул. Декабристов, 116 передана под культурные цели. В сентябре это решение было подтверждено омским облисполкомом. Предполагалось открыть в нем национальную библиотеку. 15 июня 1939 года в газете «Омская правда» была опубликована заметка, что здание пустует. На запрос секретаря облисполкома Аксенова о причине, председатель горсовета заявил, что здание подлежит сносу.

Что касается Алтайского края, то там репрессии против татар были сравнительно невелики — около 50 осуждённых, из которых 60 % оказались расстреляны.

Реабилитация. 30 января 1959 г. все реабилитированы посмертно «за отсутствием состава преступления», т.к. не было доказано существование такой организации.

Военный прокурор СибВО 30 января 1959 г. обратился в трибунал СибВО с протестом об отмене постановления Тройки УНКВД Новосибирской области от 28 декабря 1937 г. по делу С. Н. Тактабаева и др. В протесте указывалось, что на предварительном следствии все осужденные по данному делу хотя и признали себя виновными в принадлежности к антисоветской организации, однако эти их показания не могут быть признаны объективными, так как никакими другими доказательствами не подтверждены и находятся в явном противоречии с фактическими обстоятельствами дела. Так, просмотром архивно-следственного дела №4436 по обвинению Гайсина Зарифа Сафича, который проходит по делу как организатор антисоветской организации «Гаскери-Уешма», установлено, что это дело определением Военного Трибунала СибВО от 30-ХІІ 56 г. прекращено за отсутствием в действиях Гайсина состава преступления. В числе руководителей названной повстанческой организации в обвинительном заключении указан бывший генерал Михайлов, дело на которого прекращено, и он реабилитирован посмертно. Центральный особый архив МВД СССР сведениями о принадлежности Тактабаева, Гайнутдинова и других к агентуре иностранной разведки не располагает. В обвинительном заключении также сказано, что в городе Томске упомянутая повстанческая организация возглавлялась сначала Хурамшиным, а затем Биктагировым З. и муллою г. Томска Япаровым Ш. Я. При проверке оказалось, что архивно-следственные дела в отношении Биктарирова и Япарова в уголовном порядке прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления, а Хурамшин в числе репрессированных не значится. Осужденные Хайбулин Ш. Ш. и Баязитов С. Х. вербовщиком назвали Тухматуллина Нуруллу. При осмотре этого дела установлено, что Тухматиллин был осужден необоснованно, так как руководителем антисоветской организации по его делу проходит Гарджиманов К. Ф., дело на которого прекращено и он реабилитирован.

Проверкой также установлено, что бывший начальник Томского Горотдела НКВД И. В. Овчинников, руководивший следствием по настоящему делу, осужден к высшей мере наказания — расстрелу за фальсификацию этой категории дел.

Палачи невинных людей наказаны. Лазарев И.К. — начальник отделения в КРО (контрразведывательном отделе) УНКВД Западно-Сибирского края, в 1937г. сфабриковал дело повстанческой мусульманской организации «Гаскери Уешма» (Военная организация). Расстрелян в 1941г.

Мальцев И.А. (1898–1940) — майор ГБ, в ВЧК с 1921 г., в 1937 г. — зам. нач. УНКВД ЗСК, издал приказ о начале «польской операции», где потребовал «пересмотреть всю агентуру из поляков» (что означало истребление основной её части). В 1938–39 гг. — нач. УНКВД по Новосибирской области. Арестован в 1939г., приговорен к 8 г. ИТЛ. Умер в лагере.

Г.Ф. Горбач (1898–1939) — старший майор ГБ, в ВЧК с 1918 г., с 1920 г. — в Особых Отделах ВЧК разных армий, затем — один из руководителей ГПУ на Северном Кавказе, в 1934–1936 гг. — начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю. В 1937 г. — пред. «тройки» в Омской области. В 1938 г. — начальник УНКВД по Дальнему Востоку, затем возглавил УНКВД по Хабаровскому краю. Арестован в 1938 г. Расстрелян.

Овчинников И.В. (1898 – 1941) — капитан ГБ. С ноября 1936 по май 1938 года — начальник горотдела НКВД г.Томска. В марте 1941 года осуждён к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Расстрелян 18 мая 1941 года.

Из протокола допроса Овчинникова бывшего сотрудника НКВД:

«...Безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление.

...Я совершил в прошлом действия и поступки, которые при совершении их я по той обстановке не считал преступными, ибо никакой другой цели, как польза дела и точное выполнение директив УНКВД, я не имел. Да во всех этих поступках, которые возведены в ранг преступления, виновен не столько я, сколько та объективная обстановка работы и поведение других работников, указания и директивы УНКВД, которые я не мог не выполнять. Тогда была другая политическая обстановка, другой политический разум и вытекающая из него оперативная сознательность. Сейчас же — другие времена, другие песни!

...Я был поражен установками на размеры операции, на упрощенный порядок следствия, на методы вскрытия правотроцкистских организаций и т.д. Я пережил тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией НКВД не смел, т.к. думал, что раз Москва требует — значит, так надо; значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с Московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов — это не только Нарком НКВД, это для меня был, прежде всего, секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него в УНКВД я понимал, прежде всего, как ссылки на указания ЦК ВКП(б). Да и как можно было сомневаться, если тебе говорят о директивах ЦК и правительства, если прокуратура дает такие же директивы, если дела по правым и троцкистам рассматривались в суде явно упрощенным порядком...»⁵

Заключение. В интересах демократического общества:

1) нельзя допустить принятия репрессивных законов с расплывчатыми и не четкими формулировками, позволяющих по своему усмотрению трактовать закон, приводящих к массовым нарушениям прав и свобод граждан.

2) нельзя допускать фабрикаций дел о несуществующих организациях.

3) нельзя допускать вмешательства во внутренние дела религиозных объединений.

4) нельзя допускать повторения репрессий против своего народа, против невинных людей.

5) Всем известно, что над нацизмом состоялся судебный (юридический) Нюрнбергский процесс, который признал нацизм преступлением перед человечеством, а также запретил его историческую переоценку.

Для достижения исторической справедливости в нашей стране требуется не только производимая реабилитация миллионов жертв политических репрессий, но также необходимо:

1. Осудить в судебном порядке и законодательно сталинизм, как идеологию, и как государственную политику, направленную на репрессирование и физическое уничтожение части собственного народа.

2. Признать сталинизм преступлением перед человечеством.

⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. Л. 25–26, 43.

3. Запретить переоценку данного решения.

С открытием архивов НКВД преступления функционеров и исполнителей политической воли Сталина и созданного им политического режима доказаны в полном объеме. В интересах демократического общества необходимо осудить любые государственные репрессии по религиозным, расовым, национальным, политическим, экономическим мотивам, поэтому необходимо вести мониторинг действующего законодательства с целью не допустить повторения репрессий.

Н.М Маркдорф (НГПУ).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОГО ПЛЕНА И МИРНОГО ВРЕМЕНИ В 1940–1950-Е ГОДЫ

Изучение истории Второй мировой войны, так же как и ее последствий, психология участников событий на военную и послевоенную жизнь гражданского общества является предметом исследования специалистов различных гуманитарных наук. Для России и Германии, принимавших участие в XX в. в двух мировых войнах, психология «человека, вернувшегося с войны», психология входивших в мирную жизнь поколений, решающим образом важна для понимания истории этих стран. Актуальность целого комплекса проблем, связанных с психологией участников войн XX в., имеет не просто научный интерес, но и насущную практическую значимость.

В числе первых опыт пребывания в лагерях для военнопленных и делавшиеся там психологические наблюдения позволили описать картину так называемых «болезней колючей проволоки» психологам Коэну, изложившему свои наблюдения в Освенциме в диссертации, выполненной в Утрехтском университете; Б. Беттельгейму в своей книге «Просветленное сердце», изданной в Нью-Йорке в 1960 г.; В. Франклу в книге «В борьбе за смысл» (1946). Заболевания колючей проволоки изучают как историки, так и психологи в рамках научного направления «психология истории».

В современной психологии общепринятым является тезис о том, что психика наиболее ранима в условиях неблагоприятной социальной и экологической среды, соответственно при воздействии на организм экстремальных нагрузок, особенно в ситуациях хронического напряжения и стресса, психическая и психологическая адаптация происходят наиболее болезненно.

Как утверждал В. Франкл, в концлагерях само бытие человека было деформированным. Эта деформация имела такие масштабы, что не могут не возникать сомнения в том, что наблюдатель, если он сам находился в лагере, мог вообще сохранять достаточную объективность своих суждений. Ведь в психологическом отношении его способность судить о себе или о других должна была быть неминуемо нарушена¹.

В тоже время психолог Коэн утверждал, что человек, не сталкивавшийся в какой-либо форме с концлагерями на своем личном опыте, не в состоянии прочувствовать и оценить данную жизненную ситуацию.

Понять проблемы социально-психологической адаптации в условиях плена и послевоенного общества помогают воспоминания бывших немецких военнопленных и современные исследования как в истории, так и в области психологии.

¹ Агаджанян Н. А. Адаптация и резервы организма. — М., 1983. — С. 78–80.

² Франкл В. Психология в концлагере. — Вена, 1946. — С. 74.

С конца 1940-х гг. и по настоящее время в Германии опубликовано (в том числе и в самиздате) более 330 брошюр, 100 тысяч откликов и двух тысяч воспоминаний немецких военнопленных, в которых авторы повествуют о труде на советских предприятиях, условиях жизни и лагерном режиме, контактах с местным населением. В отдельных мемуарах содержатся глубокие рассуждения о сущности советского плена, дается его образная и обобщенная характеристика. Особое место в изданиях отводится описанию первых лет жизни в своей стране.

Серьезная деятельность по сбору воспоминаний была проведена «Союзом вернувшихся в Германию» («Verband der Heimkehrer Deutschlands»), «Союзом попавших под сталинские репрессии» (Берлин-Бранденбург) («Bund Stalinistisch verfolgter»), общественной организацией «Колочий провод» («Stachel drant»).

Пережившие плен никогда не рассматривали лагерную жизнь как простой эпизод. Для них пребывание в сибирской глубинке явилось переломным моментом и в осознании себя, и окружающего мира. Авторы мемуаров, рассматривающие событийность через призму собственных ощущений, как правило выделяют ряд следующих психологических моментов. Это: 1) путь в Сибирь и связанные с этим эмоции и переживания, 2) прибытие в лагерь («шок поступления»), обостряющий до глубины высшие или низшие чувства личности, ее определенная деперсонализация); 3) процесс адаптации непосредственно в лагере, когда на организм воздействовали экстремальные нагрузки в условиях хронической стрессогенной ситуации, граничащей с выживанием в непривычном экологическом, политическом, социкультурном, пространстве; 4) так называемый «синдром выживших», возвращение на родину и социально-психологические проблемы приспособления к мирной жизни (осознание и преодоление последствий пребывания в плену: психологический стресс от взаимодействия с государственными структурами, родными и близкими; попытка переосмыслить пережитое, а может и извлечь уроки из прошлого; 5) желание, или наоборот нежелание рассказать своим современникам и потомкам о самых ярких страницах своей жизни, страх от пережитого и связанные с этим психологические переживания, иногда длиною в целую жизнь.

В современной психологии, то состояние, те психологические реакции, которые описывали бывшие узники сибирских лагерей ГУПВИ во время прибытия и нахождения в лагере в первое время, характеризуется как «раздвоение» личности. Это состояние, может рассматриваться как острая деперсонализация, при которой психологи его интерпретируют как механизм психологической защиты «Эго», но в тоже время как «первичный рост психического напряжения»³, как первую стадию острого психологического кризиса⁴. Так, судя по опубликованным по прошествии многих лет воспоминаниям немецких военнопленных, с одной стороны, новоприбывшие в Сибирь, измученные и больные люди были в состоянии ощущать и оценивать ее окружающий ландшафт, красоты и достопримечательности местной природы, зачастую до мельчайших деталей и подробностей описывать лагерь, бараки, лагерьный быт, советских людей, свои мысли, ассоциации и ощущения от происходящего.

С другой стороны, само прибытие в сибирские лагеря описывалось как сильнейшая психическая травма, спровоцированная сильнейшим страхом прежде всего перед неизвестностью ассоциировался с неизбежной смертью. Сама мысль о Сибири с ее морозами и просторами вызывала реакцию ужаса, и эта реакция могла проявляться в очень резкой форме, доходившей до истерии, у тех, кому приходилось осознать, что «из Сибири обратной дороги нет»⁵. Сказывалась и одна из сильнейших психологических травм — фобия плена как такового. Ответом на нее были острая реакция ужаса и тяжелое угнетенное состояние психики.

«Когда нас выгружали из вагонов в морозной Анжерке, то первое, что мы увидели — это похоронную процессию. Для нас это стало символичным — обратно вернуться не все. Так мрачно и страшно встречала Сибирь... У меня было чувство, как будто я не имею к этому

³ Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. — Уфа, 2001. — С. 56–78.

⁴ Виллюнас В. Психология эмоций. — СПб., 2004. — С. 139, 144–148.

⁵ Polster G. Wir waren schon halbe Russen... — Berlin, 1999. — S. 27–30.

отношения, как будто все это происходит не со мной, и это просто кошмарный сон...»⁶. Однако страх перед неизвестностью еще сменялся определенным оптимизмом. Психиатрии известно состояние так называемой «иллюзии помилования»⁷. Многие военнопленные цеплялись за надежду и верили, что все не будет, просто не может быть так ужасно, что все еще образуется. В. Франкл относил фазу шока поступления в лагерь к реакциям аномальных переживаний, при этом, отмечая, что в такой аномальной ситуации, которую представлял собой лагерь, подобная «аномальная реакция переживания есть нечто нормальное»⁸, еще «включающая» механизмы психологической защиты.

Военнопленным и интернированным в лагере необходимо было приспособиться к новым реалиям повседневности. Этот процесс социальной и психофизической адаптации как в зеркале «отражал» все качества личности, разделение людей в зависимости от их физического состояния, моральных качеств, стойкости духа, вероисповедания на друзей и врагов, на приспособленцев и негодяев.

Перемены, которые происходили с людьми, подчас были разительны. Вчерашний самоуверенный и надменный эсесовец превращался в «развалину», впадая в апатию, пытался покончить с собой. Иной отбирал или воровал у товарищей голодную пайку, одежду и обувь. Другие, рискуя жизнью, ухаживали за товарищами, больными дизентерией, тифом или туберкулезом, спасая их от гибели⁹.

В условиях, являющихся необратимыми, в которых действие завершено, и события невозможно изменить, происходило нарушение психической адаптации, отмеченное состояниями: апатии; астенических отрицательных эмоций (тоска, отчаяние, депрессия, безысходность, усталость, горе, подавленность, угнетенность, тревога, связанные с невозможностью выхода из ситуации); стенических отрицательных эмоций (гнев, агрессия, неприязнь). Подобные состояния характеризовались большой длительностью и могли продолжаться годами. Состояние апатии могло являться защитным механизмом психики, феноменом внутреннего приспособления к специфической среде, где все происходящее в ней достигалось сознания лишь в приглушенном виде, где уровень аффективной жизни был снижен. Все ограничивалось удовлетворением жизненно важных, наиболее насущных потребностей, а все помыслы были сосредоточены на одном: пережить сегодняшний день. «То, что раньше или позже могло возбуждать человека или отравлять ему жизнь, приводить его в возмущение или в отчаяние, то вокруг него, чему он был свидетелем или даже участником, теперь отскакивало, как от какой-то брони, которой он себя окружил... Когда вечерами военнопленных, усталых, измученных замерзших и голодных, приводили с работы обратно в лагерь, каждый раз у них вырывался тяжелый взглас: «Ну вот, еще один день выдержали»¹⁰.

Репатриация иностранцев из Сибири на родину производилась до начала 1950-х годов, вплоть до полной ликвидации лагерей¹¹. Освобождению не подлежали нацистские преступники, служившие в войсках СС, СА, СД, гестапо, осужденные судом военного трибунала Советского Союза; а также лица, на которых имелись компрометирующие материалы¹². Перед отправкой в фильтрационные приграничные лагеря среди

⁶ Rulc Sigfrid. Unvollständige chronik 1945–1950. Berlin, 1997. S. 124

⁷ Вилюнас В. Психология эмоций. — СПб., 2004. — С. 139.

⁸ Франкл В. Психология в концлагере. — Вена, 1946. — С. 91.

⁹ Леман К. Воспоминания. Рукопись. Используется с разрешения автора.

¹⁰ Stege E.-M. Bald nach Hause — Skoro domoi. — Berlin, 1993. — S. 97.

¹¹ Иваницкий Г. М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Красноярск, 1996. — С. 118–121; Конасов В. Б. Репатриация последних немецких военнопленных (по материалам российских архивов) // Вестник архивиста. — 1997. — № 5. — С. 72–84.

¹² Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950-е годы): Документы, факты, комментарии / Сост., автор предисловий и примеч. Н. Ф. Бугай; автор комментариев В. Б. Конасов. — М.: Готика, 2001. — С. 49.

военнопленных проводилась тщательная проверка с целью недопущения к освобождению разного рода «преступных» элементов¹³.

Для многих осужденных ожидание свободы растянулось вплоть до середины 1950-х годов. Бывший военнопленный Петер Рульц в своих воспоминаниях рассказывал: «...Я стал заслуженным шахтером, сфотографирован для доски почета и, конечно, надеялся на досрочное освобождение после шестилетнего плена. Однако при обследовании тела на принадлежность к войскам СС, работники МВД обнаружили под правой рукой родимое пятно, которое и посчитали за след самостоятельно удаленной эсэсовской татуировки. Теперь мне предстояло несправедливое наказание как военного преступника...»¹⁴.

Имел место и просто случай, оказывавший, однако, серьезные последствия на судьбы людей. Так, Гюнтер Полстер и Герберт Хехт, отбывавшие плен в различных лагерях Новосибирской и Кемеровской областей, вспоминали: «...Летом 1949 года нам объявили о предстоящей репатриации в Германию. С замиранием сердца мы ждали, чьи фамилии назовут. Когда назвали, долго не верилось. И вот нас привезли в Брест. Из вагонов долго не выгружали, так как началась повальная проверка и аресты военнопленных из нашего эшелона. Когда подали новые вагоны, то оказалось, что их не достаточно. Вновь зачитали списки. Тех, чьи фамилии начинались от «А» до «Н» включительно, погрузили в эшелоны и отправили в Германию. Остальным обещали, что они уедут на следующий день. Но на Родину мы вернулись только через два года»¹⁵. Бесконечное ожидание, надежда, постоянный страх перед неизвестностью стали типичным состоянием «возвращенцев».

Впрочем, репатриация в Германию, как и «заслуги» перед СССР в плену, еще не являлись гарантом освобождения и могли обернуться возвратом в сибирские лагеря. Наиболее показательна в этом плане трагичная судьба немецкого антифашиста Макса Эмендёрфера. Будучи с июля 1943 года членом Национального Комитета «Свободная Германия», пропагандистом, одним из лучших выпускников школы антифашистов в Красногорске уже после возвращения в Берлин из-за разногласий с Вальтером Ульбрихтом 8 августа 1945 года он был вновь арестован¹⁶. После двухлетнего пребывания в советских лагерях в Германии в январе 1947 года его депортировали в лагерь № 525 в г. Прокопьевске, а в мае 1952 года осудили как социально опасного преступника на 10 лет по 58 статье УК РСФСР.

Освобожденный из лагеря в январе 1956 года Макс Эмендёрфер вернулся в ГДР, где от полученных психоэмоциональных потрясений попал в больницу. Тем не менее, своим убеждениям не изменил, вступил в ряды СЕПГ, в мае 1956 года был реабилитирован с восстановлением партийного стажа и получил признание в ГДР как человек пострадавший от фашизма¹⁷.

Как и многие другие антифашисты, на протяжении 1950–1960-х годов он сумел сделать карьеру на различных постах и как государственный служащий, и как общественный деятель Германии. В 1961 году Макс Эмендёрфер был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством», а в 1970 — орденом Отечественной войны. Так и не сумев оправиться от пережитого, он умер на Берлинлихтенбергском вокзале от сердечного приступа¹⁸.

В послевоенной ГДР многие наиболее активные функционеры и члены антифашистских комитетов, «выросшие» до лекторов политотделов в сибирских лагерных отделениях довольно быстро продвинулись по служебной лестнице, заняли различные посты в СЕПГ и КПГ.

¹³ Букин С.С. В чужой земле: памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. — Новосибирск: Издательство «Гуманитарные технологии», 2000. — С. 11

¹⁴ Rulc Sigfrid. Unvollständige chronik 1945–1950. — Berlin, 1997. — S. 124.

¹⁵ Polster G. Wir waren schon halbe Russen... — Berlin, 1999. — S. 27.

¹⁶ Справка о втором выпуске слушателей антифашистских военнопленных от 7 февраля 1943 года // Русский архив. — С. 284–293.

¹⁷ Эмендёрфер М. Возвращение на фронт. Сцены из жизни немецкого антифашиста. — Берлин: Воениздат, 1972. — С. 12–13.

¹⁸ Emendorfer J. Тайная слежка. Мой отец Макс Эмендёрфер. — Франкфурт на Одере, 1997 г. — С. 13.

Все вновь прибывшие из советских лагерей на родную землю испытывали необычайные сложности и проблемы обустройства в мирной жизни. Социально-психологическая адаптация «возвращенцев» в условиях кардинально меняющейся послевоенной действительности происходила болезненно и напрямую зависела от тяжести полученного в плену заболевания; личностных качеств человека; его возраста; наличия близких и родных, способных помочь, или просто оказать эмоциональную поддержку. Уже само возвращение, внезапное снятие душевного гнета представляло собой сильнейший психоэмоциональный стресс. Эта опасность с характерологической точки зрения представляла собой не что иное, как психологический эквивалент кессонной болезни.

«Вначале все кажется похожим на чудесный сон. В освобождение просто страшно поверить. Ведь столько чудесных снов уже привели к разочарованию. Как часто мечталось даже не об освобождении, а о возвращении в свой дом. Вот бывший узник обнимает жену, здоровается с друзьями, садится за стол и начинает рассказывать, рассказывать о том, что он пережил, как он ждал этого момента свидания и как часто он мечтал об этом моменте, пока он не стал, наконец, реальностью. Однако в один прекрасный день то, к чему стремился и о чем мечтал, стало реальной действительностью.

Освобожденный из лагеря пока еще подвержен своего рода ощущению деперсонализации. Он еще не может по-настоящему радоваться жизни — он должен сначала научиться этому, он этому разучился.

Если в первый день свободы происходящее кажется ему чудесным сном, ¹⁹ то в один прекрасный день прошлое начнет казаться ему лишь более чем кошмарным сном» .

Страна, лежащая в руинах, крах прежних жизненных устоев, страх перед будущим вызывали состояние недоумения, растерянности, ощущение своей беспомощности и незащищенности перед социальной реальностью, невозможности (а иногда и нежелания) найти оптимальную линию поведения в повседневной действительности, апатии, глубокому психоэмоциональному стрессу. «Перед нами была пустота. Не было больше Германии, государства, правительства, армии, а иногда и связи с родными. Оклеветанные, обруганные, с действительной или мнимой виной, не отвечая ни перед кем, кроме самого себя, выданные насилию, материальному и психическому давлению. Старшие поколения — в осознании того, что они пережили второе, может быть окончательное крушение; молодежь — вырвавшаяся из туманного облака нацистской пропаганды, но еще не способная различить, где действительно находятся правда и ложь, добро и зло. Разбитые ценности, искореженные судьбы и идеалы! Какая почва для развертывания человеческих слабостей, злобы, подлости и отчаяния!»²⁰ .

Процесс адаптации к условиям послевоенного общества во многом разделил людей в зависимости от их внутренней силы, моральных качеств, упрямства духа, вероисповедания на друзей и врагов, на приспособленцев и тех, кого не сломила судьба.

Если в ФРГ по отношению к «возвращенцам» действовали различного рода социальные реабилитационные программы, то по воспоминаниям немецких военнопленных, власти ГДР относились настороженно к вернувшимся из восточного плена. «Приехав в родной город, я понял, что никому до меня нет дела, кроме моих родителей. Единственный документ, удостоверяющий личность, представлял собой небольшой листок бумаги с фотографией, номером и пометкой о невозможности покидать район проживания и обязательством постоянно отмечаться в местной префектуре. Я снова был под наблюдением. В далекой Сибири я представлял себе родину иначе, думал, что родина — это безопасность, родительский кров, уверенность в себе, а главное защита. Но я ошибся. ... По дороге домой я видел разоренную войной немецкую землю и не узнавал Германии. Настоящее вселяло ужас и страх... В двадцать два года у меня не осталось ни одного зуба и волос на голове, казалось, молодость прошла навсегда»²¹ .

В воспоминаниях зачастую указывается что психологический и социальный кризис возвратившихся в Германию, как п правило, проявлялся в том, что человек не знал, как ему

¹⁹ Франкл В. Психология в концлагере. — Вена, 1946. — С. 94.

²⁰ Heht Herbert. Sibirische Glocken: Glaube und Hoffnung. — Gernrode, 2006. — S. 72.

²¹ Heht Herbert. Sibirische Glocken: Glaube und Hoffnung. — Gernrode, 2006. — S. 72.

жить дальше, не представлял себе, что и кому он может говорить (страх перед возможным доносом). Появлялись навязчивые мысли о возможной дискриминации, и связанные с этим потеря работы и средств к существованию. Вернувшиеся к мирной жизни опасались одиночества и зависимости от других людей. Казалось, что придется изменить разом все: личную и социальную жизнь, дружеские и семейные отношения. Возвращенцы из советского плена теряли ощущение психической устойчивости и должны были снова обрести равновесие в окружающем их мире. Каждый делал это по-своему, но в общих чертах ситуации наблюдались обычно сходные²².

«...После моего возвращения из Сибири мои близкие на протяжении нескольких лет продолжали жить в постоянном страхе, в ожидании нового ареста их дочери. А главное каждый чиновник считал меня государственной преступницей. Доказать невиновность оказалось очень трудно. Хотелось бежать, но куда и как?

Я не понимала новой политической ситуации в стране. Я не понимала новой Германии. Изменились люди, изменился мир. Шесть с половиной лет плена в Сибирском аду. Никто не знал, какие муки я испытала, и как далек и труден был путь домой. Сверстники имели семьи и детей. Предстояло снова и с большим трудом обзаводиться новыми знакомыми.

Я вдруг с отчаянием, страхом и глубокой болью осознала, как я одинока в этом мире, и это я — человек без прошлого, настоящего, будущего...»²³.

Все освобожденные из лагерей нуждались во врачебной, особенно психологической помощи. Так, многие после возвращения домой в течение нескольких лет страдали от последствий пребывания в лагере, а у большинства отбывших плен заболевания приняли хронические формы. Процент людей с тяжелыми невротическими симптомами (до 30 % в условиях военного и послевоенного времени) напрямую зависел от тяжести условий жизни в плену, перенесенных болезней, физических и психических травм. Алиментарная дистрофия, брюшной тиф, патологическое голодание и вызванная этим значительная потеря веса приводили зачастую к необратимым последствиям, то есть к полной и²⁴ невосполнимой потере здоровья, могли обернуться инвалидностью, или летальным исходом.

«Невроз возвращения из лагеря» («травматический невроз», «военный невроз») сопровождался проявлением различных пограничных психопатологических явлений — беспокойством, чувством хронической усталости, ухудшением концентрации внимания, нездоровой возбудимостью, непоседливостью, ослаблением памяти, раздражительностью, вегетативными симптомами, затяжными и тяжелыми депрессиями (притупленность чувств, эмоциональная оцепенелость, отчаяние, осознание безысходности), головными болями, периодическими приступами истерического реагирования (параличи, слепота, глухота, припадки, нервная дрожь)²⁵.

Среди невротических отмечались состояния «солдатского сердца» (боль за грудиной, учащенное сердцебиение, прерывистость дыхания, повышенная потливость), «синдром выжившего» (хроническое чувство вины перед родственниками, друзьями, товарищами по «несчастью», погибшими, убитыми на войне или за участие в военных действиях), «флешбек-синдром» (навязчиво всплывающие в памяти и постоянно обсуждаемые воспоминания о пережитом лихолетье, непереносимых муках и страданиях военного плена), «комбатантной» психопатии (агрессивность и импульсивное поведение со вспышками насилия, злоупотреблением алкоголем), «прогрессирующей астении» (послелагерная астения, проявлявшаяся в виде быстрого старения, падения веса, психической вялости, стремления к покою и пассивной жизненной позиции и развившаяся после возвращения к мирной жизни)²⁶.

²² Вещугина Т. С. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации больных с психическими расстройствами пограничного уровня // Журнал неврологии. — № 4. — 1995. — С. 67–71.

²³ Stege E.-M. Bald nach Hause — Skoro domoi. — Berlin, 1993. — S. 97–100.

²⁴ Сандомирский М. Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. — Уфа, 2001. — С. 58.

²⁵ Вилюнас В. Психология эмоций. — СПб., 2004. — С. 144.

²⁶ Там же. С. 80.

Обратившиеся за врачебной помощью жаловались на бессонницу или постоянные ночные кошмары, патологическую подозрительность и страх, что все еще может повториться. Данные симптомы наблюдались у бывших узников войны даже спустя 30 лет после освобождения.

Психологи отмечают, что степень выраженности симптомов посттравматического синдрома была самой высокой сразу после окончания Второй мировой войны, затем они ослабевали, но по прошествии некоторого времени появлялись вновь.

Столь неблагоприятные последствия, развившиеся на фоне прежде всего недоедания и дистрофии, наблюдались особенно у пожилых людей, у интернированных женщин, которые в юном возрасте попали в сибирские лагеря.

Снижение эффективности социально-психологической адаптации в послевоенном обществе могло выражаться в виде неадекватного поведения (или неадекватных реакций) в сфере межличностных отношений.

Невротические нарушения и физическое недомогание существенным образом сказывались на трудоспособности, приводили к социальной (adjustment disorder) и личностной дезадаптации, неустроенности семейной жизни²⁷. Неслучайно многие из бывших военнопленных, а особенно интернированных гражданских лиц, не смогли найти взаимопонимания среди родных и близких, устроить свою личную судьбу, страдали от одиночества, имели многочисленные конфликты с родителями, детьми, женами и мужьями.

Проблемы адаптации и дезадаптации, а также психофизические патологии, эмоциональные процессы и поведение бывших военнопленных, депортированных и интернированных в экстремальных условиях, были в центре внимания проведенного в Копенгагене в июне 1954 г. конгресса по социальной медицине, разработавшего комплекс мер по выведению человека из психологического кризиса и социальной реабилитации бывших узников лагерей в обществе, а также предоставившего перечень мер и рекомендаций, направленных на преодоление последствий плена, в государственные и правительственные структуры с целью создания новой социальной программы.

В 1950 г. на основе существовавших с конца 1940-х гг. ранее разрозненных организаций и землячеств бывших военнопленных, вернувшихся из СССР (в т. ч. и из Сибири), США, Австрии, Франции, Швейцарии, создана и активно работает общественная организация «Союз возвратившихся в Германию» («Союз вернувшихся домой»). Начиная с 1950 г., на территории ФРГ издавалась и издается до сегодняшнего дня газета «Возвращенец», осуществляющая розыск пропавших без вести немецких солдат. В 1952 г. при организации создан так называемый научно-врачебный совет, изучающий лагерные заболевания и способы их лечения, исследующий адаптационные процессы человека как в экстремальных ситуациях военного плена, так и в мирной жизни. Результатом деятельности организации явилось издание целой серии научных публикаций, создание специализированной библиотеки, а также оказание финансовой помощи для нуждающихся в медицинской и психологической реабилитации, оказание для бывших военнопленных квалифицированного медицинского обслуживания в специализированных лечебных учреждениях, домах отдыха и санаториях.

И. Бэкон, один из артистов Израиля, в своих воспоминаниях о переживаниях в течение первого периода после освобождения из концентрационного лагеря написал: «Я помню одно из моих первых впечатлений после войны; я увидел похоронную процессию с огромным гробом и с музыкой, и я начал смеяться: «Что они, с ума сошли, что поднимают такой шум по поводу одного трупа?...

Мальчиком я думал: «Я расскажу им, что я видел, в надежде, что люди изменятся к лучшему. Но люди не менялись и даже не хотели знать. Гораздо позже я понял смысл страдания. Оно может иметь смысл, если оно меняет к лучшему тебя самого»²⁸.

Агаджанян Н. А. Адаптация и резервы организма. — М., 1983. — С. 112.
Rulc Sigfrid. Unvollstandige chronic 1945–1950. — Berlin, 1997. — S. 124.

«ДЕЛА О ВЫСЕЛЕНИИ» КАК МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ССЫЛКИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-21-08881

В СССР чистки в виде тотальных и выборочных депортаций затронули значительные территории и многие народы. Сегодня специалисты выделяют полторы сотни депортационных операций, проведенных в СССР, в ходе которых было выселено более 6 млн чел. Будучи чекистско-войсковыми операциями, депортации выступали инструментом подавления, обезвреживания, учета и контроля институтами власти групп населения, представлявших угрозу или потенциально опасных для режима. Депортация становилась началом, отправной точкой новой реальности, режимного состояния, превращая вчерашних свободных граждан в «спецконтингент». Высылка предусматривала тотальный учет перемещаемого населения, а ссылка возводила этот контроль в систему. По мере укрепления «другого Архипелага» эта система усложнялась, достигнув своего апогея к концу 1940-х гг. В СССР сложился централизованный учет всех высланных, данные о спецпоселенцах (заполнялись персональные и посемейные карточки, на основе которых формировали единую алфавитную картотеку) были сосредоточены в Главном информационном центре МВД СССР, а учетные дела высланных и ссыльных хранились в архивах госбезопасности (они осуществляли высылку) и органах внутренних дел (за ними оставался административный надзор). На месте высылки на человека заводили «дело о выселении», а по прибытии в ссылку оформляли «учетное дело спецпоселенца».

Практика составления лично-учетных дел на ссыльных сложилось еще в 1930-е гг., но только с 1940 г. оформление на каждую выселенную семью дела с мотивированным решением о выселении и содержании на спецпоселении стало обязательным. Война, в ходе которой было проведено несколько тотальных депортаций, внесла свои коррективы в систему учета. Хотя каждая депортационная операция еще с начала 1930-х гг. сопровождалась инструкцией об организации учета высылаемых, тотальный учет, как персональный, так и посемейный, а также порядок оформления лично-учетных дел, был окончательно регламентирован только к концу 1940-х гг.

Основу учетных материалов составляют персональные, но чаще посемейные дела, которые аккумулировались в силовых ведомствах. До недавнего времени историки достаточно эффективно использовали личные дела спецпоселенцев, хранящихся в информационных центрах ГУВД регионов, куда распределяли депортированных. Однако в связи с принятыми в России законодательными ограничениями и сформировавшейся практикой предоставления документов личного происхождения для ознакомления произошло резкое сокращение масштабов использования этого источника, в первую очередь профессиональными исследователями. В отличие от дел спецпоселенцев, дела о выселении практически не попали в поле зрения специалистов. Данная статья представляет собой попытку на основании дел о выселении, сохранившихся в бывших архивах КГБ Литвы и Армении, дать системное описание этого вида источника.

Личные дела спецпоселенцев оформлялись и велись городскими и районными отделами (отделениями) НКВД–МВД и ОСП УНКВД–УМВД. На титульном листе личного дела указывались фамилия, имя, отчество и категория учета. Специалисты выделяют в структуре личного дела 5–8 основных документов, среди которых: анкета спецпоселенца, справка-основание содержания на учете во время спецпоселения, автобиография, типовая расписка об ознакомлении с режимом содержания и уголовной ответственности в случае побега, регистрационный лист с отметками о явках в комендатуру для регистрации. Достаточно редкий документ, имевшийся не во всех личных делах — удостоверение спецпоселенца. К дополнительным материалам, входящим в личные дела спецпоселенцев,

относят переписку с органами внутренних дел различного уровня о постановке и снятии с учета спецпоселения и смене места жительства; об изменениях в составе семьи, о воссоединении семьи и розыске родственников; документы и материалы по фактам нарушения режима в местах ссылки (постановления о наложенных взысканиях и штрафах); агентурные донесения и иные компрометирующие документы; материалы о привлечении к уголовной ответственности и справка о местонахождении в местах заключения (ИТЛ, ИТК); иные личные документы. После освобождения из спецпоселения МВД формировало заключение по конкретным делам с указанием решения об освобождении, а само дело сдавалось на хранение в архив 1-го спецотдела, УМВД.

В ходе массовых депортаций 1940–1941 гг. НКВД СССР разработал инструкцию об обязательном составлении особых дел на всех высылаемых по прибытии в места поселения. Законченные дела следовало направлять через 1-й спецотдел при НКВД СССР (в ведении которого с 1941 г. оказалась вся система учета осужденных и высланных) в Особое совещание при НКВД СССР¹, которое имело право широко применять во внесудебном порядке административную высылку и ссылку, руководствуясь ведомственными инструкциями, указами Президиума Верховного Совета СССР и постановлениями правительства СССР.

В решениях правительства и директивах НКВД–МГБ оговаривался не только контингент, но и количество высылаемых, по аналогии с практикой проведения «Большого террора», когда для каждого региона определялись лимиты репрессирования. Количество оформляемых дел о выселении соотносилось с территориальной разрядкой и обычно на 10–20 % превышало количество семей, подлежащих выселению. Специальные учетно-информационные группы, создаваемые на период проведения операции по выселению, отслеживали и регистрировали высылаемых, в т. ч. на предмет соответствия инструкции по высылке, оценивали возможные дополнения к списочному составу, основываясь как на дополнительно-резервных списках, так и заведенных учетных делах выселенных, что впоследствии позволяло проводить т. н. операции довыселения. Первичные списки формировались в местах высылки районными и городскими отделами и утверждались к производству региональным и/или республиканским управлением НКВД–МГБ. На основании этой первичной информации в учетно-архивных отделах осуществлялся общий списочный учет. Итоговые списки заверялись прокуратурой и исполнительной властью на уровне региона/республики.

В учетных делах о выселении, как и в личных делах спецпоселенцев, можно выделить блок обязательных или стандартных документов, а также документы и материалы, присутствующие не в каждом деле, но в значительной их массе. По логике в делах о выселении должны были бы доминировать документы, связанные с подготовительным этапом операции и «поднятием семьи», но зачастую этого не было, что, скорее всего, объясняется как спецификой подготовки и проведения той или иной депортационной операции, так и региональными особенностями ведомственного делопроизводства. Кроме того, в структуре учетных дел о выселении имеются документы, хронологически относящиеся не только к периоду самой депортации, но и связанные с периодом ссылки, последующего освобождения и реабилитации. Это характерно и для личных дел спецпоселенцев, в которые также подшивались документы за постссылный период, преимущественно связанные с реабилитацией.

Согласно инструкции начала 1940-х гг., дела на высланных должны были содержать следующие обязательные документы: справку официального органа (местного совета), подтверждающую принадлежность главы выселяемой семьи к определенному контингенту; постановление об аресте главы семьи; ордер; анкету; протокол обыска; квитанцию на имущество, отобранное при аресте; протокол допроса главы высылаемой семьи; протоколы

¹ Накануне холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. : Сб. док. / Сост. А.Р. Дюков. М., 2012. С. 138–141. Документ № 27.

допросов свидетелей, если при оформлении высылки понадобилось произвести таковые; опросные листы на всех взрослых членов семьи; решение о высылке с перечислением всех взрослых членов семьи, подлежащих отправлению в ссылку, утвержденное начальником органа НКГБ и прокурором, осуществлявшим надзор по делам органов НКГБ; алфавитные карточки на каждого взрослого члена семьи. Таким образом, дело о выселении представляло собой набор справок о составе, имущественном и социальном положении семьи и имеющихся компрометирующих сведениях о подлежащих выселению членах семьи. Однако изучение конкретных дел этого периода показывает, что на практике сотрудники оперативных отделов уездных/районных отделов НКГБ оформляли только «установки на семью» и постановления о выселении. Повсеместной была практика, когда к делам о выселении не приобщались выписки из протоколов Особого совещания при НКВД СССР, соответствующие отметки не вносились и в карточки высланных. Отсутствие выписок из протоколов осложняло работу отделов спецпоселений принимающих регионов, которые были вынуждены неоднократно запрашивать как по месту высылки, так и в 1-м спецотделе НКВД СССР и приобщать к делу спецпоселенца документы, обосновывающие «законность» нахождения его и семьи в ссылке.

В 1948–1949 гг. МГБ СССР разработало и накануне массовых депортаций спустило на места для исполнения подробные инструкции по порядку оформления дел о выселении². Именно с этого времени в такого рода делах стали присутствовать типовые документы. Формирование дел осталось в компетенции районных и городских отделов МГБ, которые и готовили основную документацию, заверяя ее в вышестоящих инстанциях. Агентурная и оперативная информация, содержащаяся в базах (агентурных, розыскных делах и делах-формулярах) МГБ и МВД, становилась основанием для открытия дела о выселении. Чаще всего на основании дел-формуляров, которые заводились на отдельного человека в связи с поступившими от агентов и сексотов сведениями и доносами, например, об антисоветской деятельности и/или намерениях, в дело о выселении подшивалась справка-меморандум.

Мероприятия по учету и подготовке операции проводились конспиративно, поэтому вся документация шла под грифом «совершенно секретно». Используя домовые книги, списки налогоплательщиков, запросы в органы исполнительной власти, карательные органы уточняли информация о составе семьи и месте проживания. Но чаще, ссылаясь на опасения нарушить конспирацию, справки местных органов власти заменялись справками местных органов МГБ. Документально подтверждались факты смерти или тяжелой болезни.

К делу также приобщалась справка, подготовленная районным отделом МГБ на основании списков районных военкоматов, удостоверявшая, что в составе семьи высылаемого отсутствуют участники войны и лица, имеющие правительственные награды. Фактически на основании этих документов формулировалось заключение о направлении семьи на выселение с конфискацией имущества. Заключение включало информацию о рассмотрении дела о выселении, с указанием социально-политического облика высылаемой семьи, которые основывались на «не вызывающих сомнения данных». Санкцию на подготовленное МГБ заключение накладывала прокуратура. После окончания операции по выселению, но не позднее чем через 10 суток со дня отправки семьи в ссылку, дела следовало выслать в отдел «А» (учетно-архивный) МГБ СССР для рассмотрения Особым совещанием при МГБ СССР, которое, в свою очередь, принимало решение спустя полгода после самого факта высылки. После получения решения Особого совещания дело считалось «законченным». Помимо «основного» дела предусматривалось оформление дубликата и особой карточки заместителя, в случаях, когда дело находилось в работе.

Уже на этапе «подъема семьи» в день высылки заполнялся опросный лист на главу семьи и два экземпляра справки установленной формы на каждую семью. Один экземпляр сдавался начальнику конвоя на пункте погрузки; второй, вместе с опросным листом и

² Сталинские депортации. 1928–1953. Россия XX век. Документы / Сост. П. Полян и др. М., 2005. С. 690–692. Документ № 4. 37

распиской начальника конвоя о приеме семьи, приобщался к делу о выселении. Обязательным было оформление протокола обыска. Опросный лист, включавший 17 позиций, заполнялся сотрудником оперативной группы со слов высылаемого, но данные сверялись по имеющимся на руках паспортам, справкам советских органов, метрическим свидетельствам и др. Все члены семьи, указанные в опросном листе, именовались в справке, содержащей расписку начальника эшелона (с указанием его порядкового номера) о принятии семьи для этапирования к месту ссылки и передачи в распоряжение УМВД. Нередки и рапорты сотрудников оперативных групп об отсутствии расхождения в заключении и справке о числе высланных по каждой отдельной семье, заверенные начальником районного отдела МВД.

В делах о выселении можно выявить единичные случаи признания выселения необоснованным. Обычно письма о пересмотре дела и отмене ссылки писались на имя председателей правительства и Верховного Совета СССР и в Министерство госбезопасности. Заявления направлялись на рассмотрение органу МГБ, производившему высылку. Проводилось повторное рассмотрение дела о выселении, предполагавшее проверку учетных и агентурных данных, на основании которых проводилось выселение. После соответствующего запроса регионального/республиканского МГБ в УМВД по месту ссылки на предмет того, не проходил ли ссылный по оперативным сводкам, составления характеристики, содержащей сведения о нарушении режима и наличии/отсутствии «побеговых» настроений, оформлялось мотивированное заключение с резолюцией о необходимости внести на рассмотрение в Особого Сопровождающего при МГБ СССР «вопрос о выезде» из ссылки. Пересмотр дела занимал 2–3 года.

Значительная часть дел о выселении представлена документами УМВД, составленными в местах ссылки. Встречаются справки, автобиографии, анкеты на главу семьи, находящейся на спецпоселении, с указанием состава семьи; расписки об ознакомлении с режимом спецпоселения; регистрационные листы, представляющие собой календарную таблицу с датами явок в спецкомендатуру, заверенные личными подписями; копии актов о смерти; блок личных документов. Можно предположить, что наличие этих документов в личном деле спецпоселенца связано с тем, что после ликвидации системы спецпоселений часть личных дел была передана на места высылки.

В делах также может содержаться переписка членов семьи, как находившихся на спецпоселении, так и родственников, не подвергшихся выселению или досрочно вернувшихся со спецпоселения, с органами МВД–МГБ, прокуратуры и органами власти, как правило, касающаяся вопросов освобождения со спецпоселения и возвращения в места прежнего проживания. Здесь же представлена и межрегиональная переписка МВД по вопросам освобождения со спецпоселения. Единичные случаи пересмотров дел на осужденных, впоследствии отправленных в ссылку, относятся уже к 1953 г., что связано с появлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания» от 1 сентября 1953 г. Массовый пересмотр дел высланных относится к 1954–1956 гг. и связан с работой совместных комиссий Прокуратуры и МВД–МГБ КГБ СССР по пересмотру дел на лиц, осужденных за «контрреволюционные преступления» и находившихся в местах заключения или в ссылке. Доминируют документы, относящиеся к внесудебной реабилитации. В ряде дел о выселении отложились также ходатайства МВД перед генеральным прокурором СССР о вынесении на рассмотрение Пленума Верховного суда вопроса по конкретной семье для отмены решения бывшего ОС при МГБ СССР и освобождения со спецпоселения; выписки из протоколов заседаний Комиссий по пересмотру дел с резолюцией «об отмене ссылки на поселение» с сообщением заявителю о принятом решении.

Часть материалов в делах о выселении относится к периоду после ссылки. Сюда относятся справки МВД о снятии ограничений со спецпоселения, об условиях возвращения из ссылки (наличие или снятие ограничений в местах прежнего проживания, возврат конфискованного имущества, получение жилья и о бщегражданских паспортов); повестки о

вручении справок о реабилитации. В соответствии со сформировавшейся в первой половине 1990-х гг. в РФ и постсоветских странах практикой рассмотрения и решения вопросов о реабилитации, в т. ч. лиц, отправленных на спецпоселение, выполняется органами внутренних дел по месту ссылки и высылки, вся переписка приобщается либо к архивным личным делам спецпоселенцев, либо к учетным делам о выселении, а в случае их отсутствия включается в состав дел общего делопроизводства.

Изучение массива личных дел, как дел на высылку, так и дел спецпоселенцев, позволяет всесторонне и многопланово воспроизвести историю отдельных выселений, дополняя анализ директивных решений центральной и/или республиканской власти исследованием депортационных практик силовых ведомств, режима ссылки и особенностей реабилитации.

Е.Н.Савенко (ГПНТБ СО РАН)

МОЛОДЕЖНЫЙ «САМИЗДАТ» 1920-х — НАЧАЛА 1950-х гг. КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)

Формирование, утверждение и развитие тоталитарной системы в СССР проходило в обстановке острых социальных противоречий. В той или иной степени недовольство ужесточением государственного контроля над всеми сторонами жизни общества, усилением репрессивных функций государства проявляли представители различных слоев населения. Активным выразителем протестных настроений, в частности, была молодежь, которой в силу возрастных особенностей свойственны максимализм, обостренное чувство справедливости, стремление к независимости. Оценивая идейно-политическую ситуацию в стране во второй половине 1920-х гг. органы ОГПУ констатировали, что, «кривая антисоветской активности среди молодежи растет вверх». Косвенным подтверждением протестной активности молодежи в первое советское десятилетие является также тот факт, что в 1927 г. 48 % заключенных составляли лица в возрасте от 16 до 24 лет¹. Достаточно высок был удельный вес молодежи среди заключенных и в последующие годы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Доля молодежи в составе лагерных заключенных ГУЛАГа

	1934	1939	1944	1948	1953
Всего заключенных ИТЛ	510.307	1.289.491	663.594	1.216.361	1.727.970
До 18 лет	1,2 %	1,7 %	1,1 %	1,2 %	0,4
От 18 до 24 лет	23,8 %	26,4 %	42,3 %	54,3 %	29,9
От 25 до 30 лет	26,2	22,2 %			33,1*
До 30 лет	51,2 %	50,3 %	43,4 %	55,5 %	63,4 %*

* учтены заключенные до 35 лет

¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч. — М.: Инком, 1991. — Т. 6. — С. 277

Составлено по материалам:

История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания. — М., 2004. — С. 75, 99, 115, 132;

Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы (демографический аспект // Социологические исследования. — 1996. — № 7. — С. 12.

К сожалению, отсутствие единообразия в отчетности не позволяет детально проследить динамику возрастного состава заключенных. Однако данные приведенной таблицы свидетельствуют, что представители молодого поколения составляли более половины всего лагерного контингента. Конечно, не вся оказавшаяся в заключении молодежь была осуждена за активное, сознательное сопротивление большевистскому режиму. Среди осужденных были и маргиналы, противопоставляющие себя окружающей советской повседневности, и те, кто попал в заточение по сфабрикованным делам из-за недостаточной лояльности к власти.

И все же анализ большого массива документов позволяет говорить о том, что в первые советские десятилетия часть молодого поколения энергично сопротивлялась внутриполитическому курсу, проводимому советской властью.

Неприятие молодыми людьми реалий тоталитарного государства проявлялось в различных формах. Одна из них — создание и распространение различных документов протеста: листовок, воззваний. Форма и тиражи протестных текстов были разнообразны: в регионе распространялись и единичные рукописные воззвания и размноженные при помощи кустарного типографского оборудования программные документы нелегальных молодежных организаций. Идеино-политический спектр выдвигаемых лозунгов и требований тоже был достаточно широк. Нередко прокламации, составленные молодежью, ограничивались констатацией произвола большевистской власти и общими призывами «Долой большевиков!», «Долой коммунистов — носителей социализма!», «Да здравствует борьба с советской властью!» и т.д.

Иногда встречались и более содержательные прокламации, в которых указывалось на неправильный политический курс правящей верхушки. Анализ текста таких листовок позволяет сделать вывод, что их составители находились под воздействием идей лидеров внутрипартийной оппозиции. В качестве примера можно привести выдержки из воззвания, расклеенного в 1927 г. в Омске в здании Сибирского сельскохозяйственного и лесного техникума. Один из отрывков текста гласил: «Ежели наши царьки хотят построить социализм при условиях выставляемых ими с которыми надеюсь вы немного знакомы, то не сомневайтесь в том, что в скором времени будет доказано полностью, что при таких условиях социализма не построишь и будет указан новый путь более верный и более легкий». Заканчивалась же листовка призывами, характеризующими политические ориентиры и возраст составителя: «Да здравствует учение Л.Д. Троцкого! Нуль внимания на комсомол, т.к. ничего хорошего не дает!»².

Большое распространение имели прокламации, составленные от имени подпольных групп молодежи. Всплеск протестной активности таких организаций отмечался в регионе во второй половине 1920-х — период острейших социальных катаклизмов. В эти годы прокламации, авторами которых были молодые сибиряки, находили в разных частях региона: в Бийске, Канске, Камне, Красноярске, Новосибирске, Омске³.

Примечательно, что, хотя зачастую нелегальные группировки молодежи возникали спонтанно, в их названиях и лозунгах нередко прослеживалось влияние вытесненных с политической арены, оппозиционных большевикам, партий и движений. Так на Алтае в 1925 г. действовал нелегальный «Союз социалистической молодежи», по сути своей являвшийся меньшевистским аналогом комсомола⁴. В 1929 г. органы ОГПУ «вскрыли» в Сибири 6 крупных молодежных организаций. Среди них организация учащейся

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 69. Л. 8.

³ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л. 95, 147, 153, 193; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1786. Л. 53

⁴ "Совершенно Секретно": Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. 1924 г. Ч. 1,2. — М., 2001. — С. 307, 393

молодежи г. Бийска «Партия Освобождения России» (наблюдается связь названия с эсеровской «Рабочей партией освобождения России»), группировка студентов Томского университета под условным названием «Мартовцы» (по имени основателя меньшевизма Ю.О. Мартова), омская студенческая организация «Партия Народного Права», программа которой по заключению ОГПУ являлась «включением политических требований партии кадетов»⁵.

Для пропаганды своих взглядов члены нелегальных молодежных организаций использовали печать. Следует отметить, что распространение так называемых «антисоветских» листовок получило в конце 1920 — начале 1930-х гг. массовый характер. Если в 1929 г. ОГПУ выявило 1331 случай распространения таких документов протеста, то в 1930 г. в стране было зафиксировано уже 3512 аналогичных случая⁶. Как отмечали работники карательных органов. Значительную часть этих протестных документов составляли прокламации программного содержания с призывом развернуть борьбу с советским политическим режимом. В Сибири в этот период наиболее масштабной была «самиздатовская» деятельность молодежной организации «Партии Народного Права». Организация имела свою нелегальную домашнюю типографию, состоявшую из нескольких гектографов и шапирографов. «Народоправцы» действовали более двух лет (с 1927 г.) и выпустили за это время по разным источникам от 2 до 3 тысяч листовок⁶. Ареал их распространения не ограничивался пределами Омска. Органы государственной безопасности выявляли ячейки «Партии народного права» также в Бийском, Новосибирском, Славгородском округах и в Ойротской области, где неоднократно находили листовки от имени этой организации⁷. В своих воззваниях «Партия Народного Права» призывала к борьбе с большевистской диктатурой ради установления свободной республики на демократических началах. В некоторых листовках также излагались основные лозунги «народоправцев»: свобода и неприкосновенность личности, свобода совести, свобода печати и собраний и др. По делу организации было осуждено 52 человека, из них 6 приговорены к расстрелу.

Нелегальные молодежные группы, выражавшие недовольство политикой советской власти посредством рукописных и печатных документов протеста, существовали в регионе и на протяжении всех 1930-х годов, включая годы так называемого «Большого террора». Однако следует отметить, что зачастую появление нелегальных прокламаций в этот период было вызвано не сознательным выбором иных идейных ценностей, а стихийным недовольством социальной несправедливостью. Как правило, молодые авторы листовок, появившихся в предвоенное десятилетие, лишь возмущались бедственным положением народа и творящимися в стране беззакониями, не предлагая путей выхода из сложившегося положения. Иногда протестные прокламации молодежи помимо констатации катастрофической бедности содержали лозунги политических оппонентов большевиков. Образец материалов такого характера — рукописное воззвание, составленное группой студентов Барнаульского пединститута в январе 1935 г. Текст листовки начинался словами «Товарищи! Диктатура коммунистов превращает нашу Родину в безжизненный труп. Голод и холод давят рабочих и крестьян. Дикая эксплуатация через соревнование и ударничество достигли небывалых в истории размеров. Деревня превращена в колонию. Колхоз — новая форма крепостничества» и заканчивался призывом «Долой палачей коммунистов! Да здравствует с.д. республика!»⁸. Но в большинстве случаев составленные молодежью документы протеста являлись реакцией на репрессии. Пример тому — листовки старшекласниц одной из школ г. Канска Красноярского края, появившиеся весной 1938 г.

⁵ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 109. Л. 15–16.

⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 790.

⁶ Совершенно секретно... Т. 8. Ч.2. — М., 2008. — С. 1171.

⁷ ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л.147, 162.

⁸ ОСДУАДАК. Ф. Р-2. Д. 9882. Л. 56.

после ареста целого ряда лиц из ближайшего окружения девушек, прокламации, выпущенные в декабре 1940 г. членами юношеской организации «Союз революционных борцов» г. Тайшет .

Достаточно часто протест молодежи выражался в поэтической форме. Так в 1934 г. группа студентов Каменского педагогического техникума изготовила 8 стихотворных рукописных листовок, тиражом от 2 до 6 экземпляров каждая: «Колхозная деревня», «Смерть лошади», «Осел, бог и Сталин», «Новая Камаринская» и др. В этих несовершенных юношеских стихах наряду с недовольством окружающей советской действительностью звучали и призывы к сопротивлению. Например, листовка — стихотворение «Колхозная деревня» заканчивалось следующими строками:

«Бедный пахарь — колхозник
несчастный! Долго ль будешь ли ты так
страдать? Неужель, от побоев напрасных
Будешь дальше все так же молчать?!¹⁰

Протестный «самиздат» сибирской молодежи в 1920–1930-е гг. не ограничивался изготовлением листовок, воззваний, прокламаций. Молодые сибиряки неоднократно предпринимали попытки выпуска собственной неподцензурной периодики. Органы госбезопасности неоднократно выявляли факты изготовления в регионе «контрреволюционных», «антисоветских» газет и журналов. В 1926 г. нелегальная организация молодежи Барнаула выпускала самодельную газету «Искра»¹¹. Учащиеся школы № 11 г. Камня изготовили осенью 1929 г. 3 номера подпольной газеты «Луч правды», объявленной органом «Союза борьбы за справедливость»¹². Студенты Каменского педагогического техникума выпустили в 1934 г. три номера журнала «Новое пламя» (тиражом 3 экземпляра каждый), целью которого было «разжечь новое пламя, совершенно отличавшееся от пламя бывшей пролетарской революции»¹³. В стихотворении «Народу», помещенном на страницы этого журнала, 18-ти летний студент Федор Шульгин так выразил мотивы, побудившие его к нелегальной деятельности:

«Видя страданья твои,
Видя мученья Я в жертву
решил принести
Себя, для счастья народа»

Примечательно, что в своих нелегальных изданиях молодежь не только обличала недостатки действующей советской системы, но иногда поднимала вопрос о необходимости социальных реформ. В 1939 г. учащиеся педагогического техникума г. Рубцовска Алтайского края создали тайную организацию «Союз январичей», члены которого выпускали рукописный литературно-политический журнал «Рассвет»¹⁴.

⁹ Карпухин К. «А гореть бесполезным огнем я устала» URL: <http://www.memorial.krsk.ru/public/00/200511031.htm>. [дата обращения 10. 04. 2010]; Селезнёв Е.С., Селезнёва Т.А. Лагерное прошлое Тайшета URL: <http://www.taishet.ru/history/sel4.html>

¹⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп.7. Д. 18265. Л. 40.

¹¹ Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918 — 1929 гг. — М., 2007. — С. 212.

¹² ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп.8. Д. 4. Л. 152.

¹³ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп.7. Д. 18265. Л.45

¹⁴ Гришаев В. «За чистую советскую власть...». — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. — С. 221–253.

Обложки нелегальных молодежных журналов 1930-х гг.

Журнал представлял собой двенадцатилистную тетрадь, на страницах которой были помещены художественные произведения и публицистические заметки молодых авторов. Члены редколлегии выступали в своих публикациях за улучшение советской системы. Однако четкого представления о путях необходимых преобразований у молодых не было. Вспоминая о прошедших событиях, руководитель организации Николай Каменев писал, что когда молодые люди стали определяться какова цель их действий, против кого необходимо бороться, то пришли к выводу «что социализм в теории — самый передовой и самый лучший для людей»¹⁵. В итоге решили распуститься. Но карательные органы опередили юных подпольщиков: через несколько дней они были арестованы и приговорены за «антисоветскую пропаганду» к различным срокам отбывания в исправительно-трудовых лагерях.

В период Великой Отечественной войны накал протестной активности молодежи угас. Единая для всех цель защиты Отечества временно отодвинула внутренние противоречия на задний план. И все же эпизодически в регионе появлялись протестные листовки, составленные молодежью. Зачастую это была ответная реакция на самоуправство и злоупотребления местных властных структур. В подтверждение можно привести слова одной из листовок, найденной в декабре 1942 г. на ст. Шипуново Алтайского края: «Мы живем хуже собак! Мы сами себе не хозяева. Они нами командуют как животными. Молодежь, за что вы страдаете? Вот вам товарищи, барщина и эксплуатация»¹⁶. Весной 1943 г. 20 протестных листовок было обнаружено в с. Верх-Чуманка Каменского района Алтайского края. Их авторами оказались пятеро местных юношей в возрасте 15–17 лет, решившие бороться за улучшение жизни крестьян¹⁷. По словам подростков, они были не против советской власти в целом, а лишь против колхозов и их руководителей, с их точки зрения виновных в бедственном положении сельских жителей. Итогом действий молодых заговорщиков стало лишение свободы сроком от 6 до 10 лет.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что подобные случаи в военный период были редки. Напротив, иногда молодые люди, возмущенные крайне бедственным положением и решившие под влиянием эмоций открыто выразить свой протест, осознавали бесперспективность подобных действий в условиях военного времени и отказывались от своих замыслов. Пример — история шестерых подростков, проживавших в п. Сузун Новосибирской области, решивших осенью 1941 г. объединиться для борьбы за «улучшение условий жизни всех людей»¹⁸. Свои взгляды молодые люди планировали пропагандировать с

¹⁵ ОВД УАДАК. Ф. Р-1689. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

¹⁶ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т.5. Барнаул, 2002. С. 303.

¹⁷ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. — Барнаул, 2004. Т. 6. С. 14.

¹⁸ АУФСБ по НСО. Д. 16695. Л. 79–82.

помощью листовок. Для их выпуска они даже пытались создать собственную подпольную типографию: начали похищать шрифты из типографии районной газеты, занялись поиском бумаги. Но поняв, что в условиях войны их действия не найдут поддержки окружающих, юноши решили «выждать политический момент» и осуществить реальные акции тогда, когда у населения возникнет массовое недовольство властями¹⁹. Правда это благоразумие не избавило их от наказания. Они уже попали в поле зрения НКВД и были арестованы и осуждены.

Интересный пример молодежного самиздата военного времени — рукописный журнал на литовском языке «Tevynesilgesys» («Тоска по Родине»), который в 1944–1945 гг. выпускали молодые литовцы, находившиеся на спецпоселении в Троицком районе Алтайского края²⁰. Хотя основной задачей издания было поддержания национальной самоидентификации в условиях депортации (сохранение навыков владения родным языком, национальных культурных традиций), фактически он являлся своеобразной формой духовного сопротивления репрессиям. Несанкционированное проявление этнокультурного самовыражения молодыми спецпереселенцами было расценено компетентными органами как «антисоветская агитация». Организатор журнала Александр Микутавичус и наиболее активные авторы Альгирдас Розманас и Альгирдас Вайсюнас были приговорены к 10 годам лишения свободы.

Обложка и страница журнала литовских спецпоселенцев «Тоска по Родине» После окончания Великой Отечественной войны противостояние молодежи советскому режиму вновь усилилось. Надежды на смягчение режима, либерализацию внутренней политики государства не оправдались. В итоге критический потенциал населения страны, в полной мере ощутившего болезненные проблемы советского общества, заметно возрос. Властные структуры, обеспокоенные указанной тенденцией, ужесточили идеологический контроль за обществом. Показательно, что с 1946 г. судебные органы фиксируют рост дел о контрреволюционных преступлениях, главным образом по статье 58–10 УК РСФСР: пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания. Так в Алтайском крае количество арестованных в 1947 г. по так называемым «спецделам» увеличилось по сравнению с 1945 г. в 1,3 раза²¹. При этом почти 90 % этих дел было возбуждено по указанной выше статье. Аналогичная тенденция отмечалась и в других судах региона.

Среди привлеченных к уголовной ответственности за «контрреволюционные преступления» немалую часть составляла молодежь. Усилившимся вольнодумством молодого поколения были

¹⁹ Там же. Л. 131.

²⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Д. 19707.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2380. Л. 29; Д. 4307. Л. 21.

обеспокоены различные властные структуры. На совещаниях по поводу идейно-воспитательной работы представители партийного и комсомольского руководства, работники народного образования отмечали, что «отдельные группы учащихся уходят из-под влияния комсомольской организации», «создаются различные организации молодежи»²². Только в Новосибирске в 1949 г. были выявлены нелегальные молодежные группы «Молодая гвардия», «МОПС», «Свободная империя», «Общество барона Крафта»²³. Органы госбезопасности систематически фиксировали факты распространения несанкционированных «антисоветских» листовок, авторами которых были молодые люди. Анализ этих воззваний и прокламаций показывает, что в активную протестную деятельность были вовлечены представители различных социальных групп: студенты, рабочие. В сентябре 1947 г. за систематический выпуск листовок антисоветского содержания был арестован молодой механик электростанции поселка Горный Алтайского края Иван Дмитриев (1921 г.р.)²⁴. В ноябре того же года документ под названием «Постановление Горсовета», авторами которого оказались студенты, распространялся в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта. По мнению сотрудников МГБ это «постановление» являлось «пасквилем» на советское законодательство²⁵. В 1948 г. в Алтайском крае были арестованы трое юношей 22–23 лет, занимавшиеся «изготовлением рукописей контрреволюционного содержания». По заключению следственных органов молодые люди посредством листовок осуществляли «контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий, проводимых партией и Советским правительством» и «возводили клевету на Советскую власть»²⁶. Итогом протестной активности молодежи стало лишение свободы сроком на 10 лет.

«Разъяснять людям, что их права ущемлены» молодые сибиряки пытались и с помощью самодельной периодики²⁷. Осенью 1948 г. в Кулунде были осуждены 3 юношей, крамольные действия которых заключались в подготовке рукописного литературного журнала «Луч света в темном царстве». Показательно, что вдохновителем идеи создания журнала был двадцатидвухлетний участник войны Григорий Бордун. Следует отметить, что вольнодумство бывших фронтовиков — характерное явление послевоенного периода, что подтверждается многочисленными примерами. Так, в августе 1947 г. за изготовление рукописей «антисоветского содержания» был осужден воевавший на фронтах Великой Отечественной войны житель Бийска Валерий Щетинин (1923 г.р.)²⁸. В том же году в Новосибирске за аналогичное преступление был арестован и затем осужден по статье 58–10 ч. 1 УК РСФСР бывший участник войны, студент Новосибирского педагогического университета Дмитрий Патрин²⁹.

Зачастую главной причиной крамольных мыслей и действий вернувшихся с войны молодых людей было разительное несоответствие декларируемых официальной пропагандой лозунгов реалиям повседневной жизни. Вот как описывал свои впечатления о послевоенной действительности Григорий Бордун: «Демобилизовавшись, я увидел у себя дома все без изменений, и если раньше все списывалось на войну, но она кончилась, а положение лучше не стало — в стране нет свободы слова, печати»³⁰. Более резкая оценка социально-политической обстановки в стране содержалась в дневниковой записи, сделанной юношей в январе 1946 г.: «Пожалуй, что нигде нет такой страны, где бы человек был более беспомощным, нежели в проклятом Союзе. <> Вот она Родина! Советский простой человек — это раб, собственность Отчизны, раб своих вышестоящих начальников. Чудесное средневековье!»³¹. Журнал не увидел свет, так как компетентные органы оперативно

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1161. Л. 36–41

²³ Там же. Л. 24, 26; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 363. Л. 20

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. 4207. Л. 20.

²⁵ ГАНО. Ф. П-498. Оп. 1. Д. 92. Л. 251–252.

²⁶ Там же. Л. 63.

²⁷ ОСД УАД АК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20134. Л. 255.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 4207. Л. 72.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 38. Л. 36.

³⁰ Мякота А. Его лучшие стихи о ней // Акмолинская правда. № 72. 26 июня 2012.

³¹ Чудесное средневековье // Свободный курс. 17 окт. 1996.М

пресекли деятельность его организаторов и сурово их наказали. Участники группы были приговорены к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком от 6 до 10 лет.

Недовольство условиями жизни, идеологическим прессингом государства нередко приводило молодых людей к убеждению в необходимости коренных реформ советской государственной системы. В конце 1949-х — начале 1950-х гг. эти идеи стали лейтмотивом многих протестных документов. Анализ самиздатовских материалов этого времени позволяет говорить о том, что в молодежной среде происходила десакрализация советской власти, десталинизация сознания.

Подводя итоги можно констатировать, что самодеятельные молодежные издания так называемого сталинского периода советской истории являются важнейшими источниками, позволяющими проследить эволюцию протестных настроений социума.

А.Г. Тепляков (НГУ-НГУЭиУ)

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ И ВООРУЖЁННЫЙ НАРОДНЫЙ ПРОТЕСТ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Коллективизация сельского хозяйства была самой крупной репрессивной акцией сталинского режима, потребовавшей огромного количества беспощадных исполнителей политики раскрестьянивания. Подобных личностей власти выращивали специально с первых дней большевистской власти: ещё Ленин и Троцкий, считая свою диктатуру «киселём» и постоянно требуя усиления террора, настаивали на поисках людей «потверже»¹. Освобождение социума от моральных запретов было важной задачей большевистских вождей, понимавших, что революцию сделает активное меньшинство, привлечённое возможностью стать правящей силой и освобождённое от «химеры совести». Использовался и чисто уголовный элемент. Организатор убийства великого князя Михаила Александровича старый большевик Г.И. Мясников, одержимый идеей «реабилитировать Смердяковых от гнусностей Достоевского», в мемуарах восторженно писал о том, как во время Гражданской войны «хулиганы, воры, бандиты перерождались... и делались одержимыми, нетерпеливыми, готовыми на все мыслимые жертвы революционерами»². Интеллектуал и будущий писатель-фантаст А.А. Богданов провозглашал: «Кричат... против экспроприаторов, грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова»³. Рабочий Вано Стуруа на XII съезде РКП(б), при жизни основателя большевистской партии, восклицал: «Запомним слова т. Ленина, который наивным товарищам, когда они задали вопрос: „что такое коммунистическая мораль?—, — сказал: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции; но в другом случае гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции»⁴. Какое моральное разложение в ходе коммунистического эксперимента поразило общество, говорит отчёт цензурного ведомства за 1933 г., где упоминается факт задержки Главлитом уже сверстанной Сельхозгизом книги, в которой предлагалось организовать «кладбищенские совхозы для извлечения из человеческих трупов сахара, мыла, соли и т.п.»⁵.

Отношение большевиков к Сибири в целом изначально было как к завоеванной территории. Архивы и пресса говорят о многочисленности искренних жалоб новорожденных

¹ Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. — М., 1996. С. 57.

² Минувшее. Исторический альманах. Т. 18. — СПб.: М., 1995. С. 34.

³ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. — М., 1997. — С. 216.

⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). 15–17 апреля 1923 г. Стенографический отчет. — М., 1968. С. 506.

⁵ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. — М., 1997. С. 293.

советских властей в зажиточных торговых сибирских районах на скверность доставшегося им народа, слабо облагороженного пролетарской прослойкой. Характерна недовольная

реплика главы Черепановского исполкома Новониколаевской губернии Ильина, заявившего в 1920 г., что в городе «население плохое, все сплошь спекулянты». Аналогично и публично тогда же оценивали состав городского населения власти Новониколаевска — как мелкобуржуазный и спекулянтский⁶. По оценке местного ревкома, половину населения г. Павлодара Семипалатинской губернии в 1920 г. составляло «контрреволюционное казачество», а треть — буржуазия. Секретарь Алтайского губкома РКП (б) Я.Р. Елькович весной 1921 г. отмечал, что «большая часть населения губернии представляет из себя кулаческое крестьянство»⁷, что не имело ничего общего с действительностью.

Ненависть советского режима к частным хозяевам была так велика, что они, приняв решение ликвидировать нэп, легко перешли к открытому террору. В начале коллективизации В.М. Молотов предельно откровенно объяснял руководящим местным работникам, как следует осуществлять «раскулачивание», применяя характерный для чекистского жаргона пренебрежительный глагол «пострелять»: «...Когда меня на ноябрьском пленуме [1929 г.] спрашивали отдельные товарищи, как быть с кулаком, я говорил, если есть подходящая речка — топите. Не везде есть речка, значит, ответ недостаточный. Но отсюда ясно — надо громить... придется нам пострелять». На это разъяснение раздался выкрик-поправка с места: «Повыселать!» Но Молотов твёрдо возразил, защищая свою точку зрения: «Первый номер — пострелять, второй номер — повыселать»⁸. После таких разъяснений местные власти края были уверены, что ссылка кулаков — фикция, их там, подальше от населённых мест, будут просто уничтожать, поэтому сознательно не давали им в дорогу еду и имущество, обрекая на голодную смерть. Относивший себя к «большевистской интеллигенции» комиссар, военный прокурор и дипломат Н.Н. Кузьмин, член Сибкрайкома ВКП(б), в своём выступлении перед работниками краевого наркомпроса 7 мая 1930 г. так изобразил политику по отношению к «кулаку»:

- Мы говорим кулаку: будь добр, ликвидируйся как класс.
- Не хочу.
- Ликвидируем силой.
- Буду сопротивляться.
- Посадим в тюрьму.
- Буду драться.
- Убьём»⁹.

А многолетний секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, арестованный в 1938 г., в письме Сталину из тюрьмы заверял, что он всё время работы в Сибири «решительно и беспощадно проводил линию партии»¹⁰.

В ходе политики раскрестьянивания сталинский режим в начале 1930-х гг. фактически вёл необъявленную квазигражданскую войну против деревни¹¹, применяя отработанные в первую Гражданскую модели террористической политики. Эта война весьма широко затрагивала и городское население. Были созданы специальные внесудебные органы — тройки при полномочных представительствах ОГПУ, были и нередкие самовольные расстрелы ссыльных крестьян комендантами и даже представителями местных партийно-советских органов. Самая жестокая политика проводилась в Сибири, где сопротивление раскрестьяниванию оказалось особенно сильным.

Разрушение привычного жизненного уклада, постоянные массовые репрессии,

⁶ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 222. Л. 21; Красное знамя (Томск). 1920, 25 марта. С. 2–3.

⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 250. Л. 43; Оп. 2. Д. 78.

⁸ Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. — М., 2010. С. 655–656.

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 56. Л. 138–139.

¹⁰ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. Март 1953 — февраль 1956. — М., 2000. С. 327.

¹¹ Красильников С.А. Серп и Молох. — М., 2003. С. 29.

маргинализация огромной части сельского населения и голод, доходивший в целом ряде районов Сибири до степени голодомора, вызвали множественные вспышки крестьянских восстаний и бунтов. Их пик концентрировался на первых месяцах 1930 г., причём наибольшая повстанческая активность заметна на Алтае и в Забайкалье. В Сибирском регионе в конце 1929 г. и в 1930 г. было два десятка только крупных восстаний. Все они вспыхивали стихийно и поэтому чекистам обычно было не под силу их предотвратить. Зато стихийность обуславливала и сравнительную лёгкость подавления таких выступлений властями, которые в ответ на широкий народный протест реформировали в 1930 г. и местную ступень управления, укрепив районы за счёт создания там чекистско-милицейских и судебно-прокурорских органов, и усилили органы ОГПУ, образовав в виде Особого отдела специализированную мощную карательную структуру, занимавшуюся репрессированием повстанцев, хотя и преимущественно потенциальных. Весной 1930 г. полпредом ОГПУ по Сибири Л.М. Заковским был даже выделен лимит на расстрел 10 % всех священнослужителей Сибири, ибо они считались активными организаторами протеста¹².

После повстанческой вспышки 1930 г., сопровождавшейся бешеным террором властей (более 5000 расстрелянных тройками по Сибири, что означало в четыре раза больше казнённых на 1000 чел. населения, чем в среднем по стране) восстания не прекратились, хотя в 1931 г. в Западной Сибири их было только два, и оба — в тайге, на территории Нарыма и его окрестностей. Это объясняется тем, что если поначалу крестьяне восставали повсюду, то после террористического усмирения очаги повстанческой активности сохранялись только среди определённых категорий крестьян, чьи традиционные связи и противопоставление себя остальному населению ещё не успели исчезнуть под давлением государства: казачества, старообрядцев, бывших красных партизан, а также некоторых спецпереселенцев; значительную активность сохраняло и аборигенное население края. В ходе первого из западносибирских восстаний 1931 г. (Чумаковского, оно же Крещенское, на севере современной Новосибирской области) восставшие в течение нескольких дней стремительно захватили 24 села, посёлка и хутора, где разогнали сельсоветы и выбрали старшин. Эти посёлки, насчитывавшие в общей сложности 750 дворов, располагались в глухой урманной и приурманной полосе и являлись самовольными: часть из них была основана десятью годами ранее беглыми крестьянами Кольванского района — участниками большого антисоветского восстания, жестоко подавленного в 1920 г., а в 1930–1931 гг. пополнилась «кулаками», бежавшими из нарымской ссылки. Один из представителей местной власти откровенно выразил своё мнение об этих свободолюбивых людях: «Указанное население не только не имеет никакого экономического значения, а даже само мешает проведению в жизнь каких-либо мероприятий Соввласти» и там «совершенно отсутствует рост колхозов».

Чумаковское восстание началось 6 июля 1931 г. в качестве ответа на очередную волну арестов и высылки и разгорелось в течение нескольких дней. К руководителям-мятежникам присоединилось свыше 200 чел. и администрация ряда сельских советов. Лозунги были обычными для антиправительственных выступлений начала 1930-х гг.: «Долой коммунистов, активистов и коллективы!», «За трудовое крестьянство, за восстановление народных прав, вольной торговли и против лишения прав»¹³. Власти, дождавшись помощи из краевого центра, собрали все окрестные партийные отряды из Чумаково, Каргата, Барабинска и Каинска и 19 июля повели наступление на мятежные посёлки. Основной ударной силой наступавших стал конный взвод 9-го полка ОГПУ из 35 всадников под командованием оперуполномоченного Особого отдела СибВО г.С. Сыроежкина, присланный из Новосибирска. После первого же боя под Урочищем Чёрный мыс восставшие, потеряв 45 чел. убитыми, семерых — ранеными и 15 — пленными, рассыпались. Столь небольшое число раненых говорит о том, что их просто добивали на месте. С 20 июля по 1 августа отрядовцы вылавливали и расправлялись с оставшимися, уничтожив ещё 38 чел., а более 200 — арестовав. Помимо того, властям удалось задержать 120 крестьян, бежавших из ссылки. В течение первых пяти дней после разгрома восстания было арестовано до 400 чел., то есть

¹² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 129.

¹³ АУФСБ по Новосибирской обл. Д. П-20632. Т. 1–6.

примерно втрое больше, чем оставалось в живых участников бунта. В следственном деле также перечислено не менее 20¹⁴ погибших сторонников властей, с которыми крестьяне жестоко и публично расправлялись.

Мятежников погибло 83 человека, но эта цифра, вероятно, занижена. Но даже по официальным данным погиб примерно каждый десятый из взрослого мужского населения восставших посёлков. Всего же после новой волны «раскулачивания», а также убийств и арестов в северной части Чумаковского района исчезло до трети работников. Каратели производили «самовольные без суда расстрелы, причём одна группа перед таким расстрелом учинила допрос посредством пыток (кололи вилками), после такого — допроса участники банды (три человека) были расстреляны». Секретарь РИКа Стакановский «на глазах публики избивал арестованных наганом», а заведующий райземотделом Непомнящий по приказу чекиста Сыроежкина сжёг посёлок в 10 дворов, причём, как отмечалось, без ведома райкома партии. При подавлении восстания также были сожжены два хутора. Власти во внесудебном порядке осудили 225 повстанцев, из них 33 чел. были расстреляны. Из числа остальных 40 чел. получили по 10 лет, 105 — по пять лет, 1 — шесть лет, 20 — по три года лагерей, остальным дали ссылку или зачли срок предварительного заключения¹⁵.

Для Чумаковского выступления было характерно не только планомерное истребление партийно-советского актива, но и создание мятежниками собственных органов власти. Обращает внимание факт достаточно долгого сопротивления — две недели, хотя обычно подобные мятежи подавлялись в течение считанных дней.

Через три недели в нарымской тайге вспыхнуло еще одно восстание — в Парбигской комендатуре Чаинского района Нарымского округа. Это был стихийный бунт ссыльных крестьян, которые отчаянно голодали и именно поэтому взялись за оружие. В данном случае достаточно организованно выступить им помогла случайность — в нарымской ссылке рядом оказалось много односельчан из Кузбасса, которым удалось договориться о выступлении. Это восстание, насчитывавшее от полутора до двух тысяч участников, не принесло заметных жертв властям, было подавлено в течение недели и сопровождалось многочисленными бессудными расправами. Так, уполномоченный Нарымского оперсектора ПП ОГПУ ЗСК по Чаинскому району К.О. Гладких организовал отряд для ликвидации «кулацкой банды», который совершил ряд убийств, в т. ч. 8-летнего мальчика. В 1932 г. по этим фактам было проведено следствие, Гладких арестовали за допущение и сокрытие преступления, но через семь месяцев он был освобождён с зачётом отбытого срока в качестве наказания. Исключение его из компартии произошло с формулировкой «за притупление классовой бдительности». Впоследствии Гладких был восстановлен на работе в НКВД и в партии: в 1938 г. он являлся поселковым комендантом Подгорненской комендатуры Чаинского района¹⁶. Вместе с тем спецификой отношения властей к захваченным участникам Парбигского бунта было отсутствие расстрельных приговоров по решению тройки при полпредстве ОГПУ¹⁸. В восточной части Сибири повстанческая активность сохранялась гораздо дольше, а сами

восстания отличались большей продолжительностью и ожесточённостью. Целый ряд особенностей Восточной Сибири способствовал обилию мятежей: множество мест с непроходимой тайгой и горами, относительная слабость карательных органов, которые в начале 1930-х гг. имелись ещё не в каждом районе, а также обилие казачества и старообрядцев, ненавидевших большевиков и охотно укрывавших не только повстанцев, но и такие шайки, что занимались в основном грабежом и разбоями. В первой половине 1930 гг. по всей территории Восточно-Сибирского края прокатилась волна стихийных крестьянских восстаний. Причём в ряде районов эти восстания неоднократно повторялись, что красноречиво говорит о степени недовольства аграрной политикой ВКП(б) значительной

¹⁴ В новейшей литературе до сих пор можно встретить ошибочные оценки Чумаковского восстания, как вызванного голодом, достаточного мирного и не приведшего к жертвам со стороны властей. См.: Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. — М., 2012. С. 103.

¹⁵ АУФСБ по Новосибирской обл. Д. П-20632. Т. 6. Л. 255; Т. 5. Л. 1981, 1995; Т. 3. Л. 231 об., 563; Т. 6. Л. 182 об., 4—4 об.; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1851. Л. 113—114.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 155. Л. 27; Д. 320. Л. 5; Д. 361, Л. 165; ГАТО. Ф. П-206. Оп. 1. Д. 292. Л. 399—400.

¹⁷ Красильников С.А. Серп и Молот. — М., 2003. С. 164—166.

части крестьян, в ответ на террористическое подавление своей повстанческой активности выступавших снова и снова.

Недавно нам удалось выявить документы о крупном антиправительственном восстании в Братском районе Восточно-Сибирского края в мае 1933 г. Оно было последним крупным вооружённым выступлением русского населения Сибири и, возможно, всей страны. И если в Западной Сибири после августа 1931 г. серьёзные восстания прекратились (при сохранении повстанческой активности хакасов и ханты в 1933 — начале 1934 гг.), то в Восточной Сибири насчитывалось несколько очагов повстанчества. Так, весной 1933 г. чекисты отмечали, что, например, с. Бичура Малетинского района является «одним из очагов почти ежегодных выступлений». Основной причиной Братского восстания в Приангарье в 1933 г. стал голод, вызванный непосильными хлебозаготовками. Играл роль и беспощадный террор: с 1 декабря 1932 г. по 15 марта 1933 г. в крае было арестовано св. 8 тыс. чел.; чекисты отчитались перед Лубянкой о ликвидации сфабрикованных ими за этот период 14 повстанческих организаций и около 200 «кулацких групп», занимавшихся «разложением колхозов». Тройкой при ПП ОГПУ ВСК с декабря 1932 г. по середину марта 1933 г. было осуждено: к расстрелу — 1 712 чел., к заключению в концлагеря — 758, к ссылке — 158 чел.¹⁸, что означало преобладание среди расправ крайней меры — смертной казни.

Таким образом, на фоне голода и массового террора в Братском районе неожиданно для властей 2 мая 1933 г. вспыхнуло очередное восстание из 600 участников, имевшее определённую специфику. Из находившихся в районе 600 адмссылных, 600 судебных ссыльных и 300 тылоополченцев (военнообязанную молодежь из лиц, лишённых избирательных прав), составлявших до четверти взрослого мужского населения района, около половины примкнула к восстанию. О том, насколько сильно голодали крестьяне, говорит тот факт, что захваченный у колхозников хлеб был отдан единоличникам и тут же размолот на муку. Наибольшие потери власти понесли в с. Громы, где местное население уничтожило 17 активистов; всего от рук мятежников погибло 33 чел. Обычно повстанческие отряды не выдерживали крупных потерь и рассыпались; в случае же с Братским восстанием видна значительная стойкость его участников. Прибывшие в Приангарье 90 чекистов и 425 бойцов районных партийных отрядов имели огромное военное превосходство и 10 мая нанесли решающий удар, разгромив основные силы повстанцев. Но бои продолжались до 15 мая. Из 604 восставших 74 было убито (12 %), 372 — взято в плен (61 %), явились добровольно — 143 (24 %), остальные скрылись. Из числа пленных 165 чел. были арестованы¹⁹.

Удивляет, что современный исследователь И.В. Наумов вполне одобрительно описывает меры властей по борьбе с повстанчеством в Восточной Сибири, отмечая как положительный факт, что при полпредстве ОГПУ и его оперативных секторах формировались специальные оперативные группы, которые направлялись в те районы края, откуда приходили сообщения о недовольстве населения и где возникала опасность восстаний. В задачу этих групп входило быстрое выявление недовольных, повстанчески настроенных лиц и их изоляция. Наумов пишет, что следствие по делам заподозренных в повстанческих намерениях проводилось в кратчайшие сроки, после чего дела передавались в тройку при ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, причём в 1932 г. для ускорения рассмотрения дел число заседаний тройки было увеличено до трёх раз в месяц. Иркутский историк хладнокровно пишет: «Деятельность оперативных групп позволила предотвратить немало крестьянских восстаний и тем самым сохранить многие человеческие жизни»²⁰. Жизни тех многих тысяч расстрелянных и отправленных в концлагеря на медленную смерть по ложным обвинениям в намерении восстать, Наумов не считает. Между тем, за 1930 — 1932 гг. власти Восточно-Сибирского края выселили 72,2 тыс. «кулаков», и столько же подвергли репрессиям иного рода: выселению из режимных районов по закону о паспортизации (30,3 тыс.) и арестам «по оперативной ликвидации контрреволюционного элемента» в сельской местности — 39,9 тыс. чел.²¹

¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 2.

¹⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 708. Л. 34–101.

²⁰ Наумов И.В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936) // www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm

²¹ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. — М., 2012. С. 94

Спецификой сибирских и дальневосточных бунтов начала 1930-х гг. было заметное участие бывших красных партизан, например, в случае Тасеевского восстания летом 1931 г. в бывшем Канском округе. А Братское восстание являлось уже не чисто крестьянским, хотя и поддержанным местным населением — его основу составили, насколько можно судить, ссыльные, в том числе уголовные, и военнообязанные лишенцы. Для хода восстаний и их

подавления характерны крайняя жестокость с обеих сторон, часто не уступавшая кропопролитиям периода Гражданской войны. Но в отличие от огромных мятежей начала 1920-х гг., вооружённые крестьянские выступления 1930–1933 гг. редко насчитывали более 1000 участников и нечасто держались более нескольких дней (активные противники власти были уже репрессированы, а органы ГБ и милиции сильно укрепились). Сказались послынное уничтожение, изоляция и запугивание активного элемента деревни на протяжении всех советских лет, поэтому даже суммарное число сибирских повстанцев начала 30-х годов далеко не доходило до численности Западносибирского мятежа 1921 г., насчитывавшего до 100 тыс. участников.

Часть крестьянских восстаний носила национальный характер (у хакасов, якутов, ханты), часть были партизанскими, в некоторых участвовал и уголовный элемент. Подавление всех этих восстаний привело к окончательному уничтожению активного антиправительственного слоя в деревне и сопровождалось массовыми репрессивными акциями не только на селе, но и в городах. После 1933 г. повстанческое движение терроризированных советских крестьян практически прекратилось, периодически давая вспышки в национальных районах, особенно на Северном Кавказе.

В.В.Сарнова (НГУЭ иУ)

ЭТНИЧЕСКИЕ СПЕЦКОНТИНГЕНТЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТЕСТА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1940-х гг.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-21-08881.

Спецпереселенцы воспринимали депортацию и новые условия жизни не одинаково: в докладных записках НКВД встречаются многочисленные примеры непокорности высланных поляков, уверенных в восстановлении независимого Польского государства. Нередки случаи, когда поляки открыто выражали свой протест, не подчиняясь требованиям властей.

Крупнейшие их выступления в Новосибирской и Омской областях в 1940–1941 гг. против произвола советских властей на почве невыносимых условий труда и быта пришлось подавлять с помощью вооружённой милиции. Депортированные калмыки и немцы не проявляли такой активности и «в большинстве своём молча терпели, смирившись со своей судьбой»¹. В.И. Бруль отмечает, что немцы, в отличие от других этнических «контингентов», не проявляли большой активности в попытках добиться освобождения от спецпоселения.

Для определённой части депортированных была характерна наивная вера в И.В. Сталина, которому об их положении, якобы, ничего не известно. Спецпереселенцы писали на имя И.В. Сталина письма с просьбами вернуть их на прежние места проживания. Типичны письма и высказывания, суть которых сводилась к тому, что нельзя переносить вину отдельных лиц, сотрудничавших с врагами, на целые народы. Так, 27-летняя учительница Бадмаева в начале 1944 г. говорила: «Нас выслали неправильно, мы совершенно ни в чём не виноваты, страдаем за людей, которые занимались разными пакостями...» Её поддерживал бывший начальник милиции член ВКП(б) Колусов: «За что я страдаю сам не знаю, сам я

¹ Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965). Сравнительный анализ // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ / Ред.-сост. И.Л. Щербакова. — М., 1999. С. 112.

член ВКП(б), работал восемь лет в органах милиции, за собой ничего плохого не чувствую, а меня прислали страдать — сию голодом»². Подобных заявлений немало зафиксировано среди представителей различных «контингентов». В них звучит обида на «неправильное», «безвинное» выселение, но при этом не меньшее, если не большее негодование вызывают «враги», из-за которых честные советские граждане оказались на положении спецпереселенцев. Для значительной части подвергшихся депортации наличие в их этнической среде шпионов, диверсантов и пр. считалось фактом, который не подвергался сомнению, собственное же выселение рассматривалось как ошибка.

Наименее благонадёжными в политическом отношении считались ссыльнопоселенцы из Прибалтики. По данным спецорганов, подтверждаемым воспоминаниями самих бывших ссыльнопоселенцев, в их среде активно велись разговоры, что в случае англо-американской агрессии против Советского Союза следует уйти в тайгу и вести партизанскую войну против СССР. Среди них оказалось «выявлено» наибольшее количество «антисоветских организаций», одна из которых была «раскрыта» в Томской обл.³ Следует отметить, что, как правило, вся «антисоветская деятельность» представляла собой лишь разговоры и смутные намерения.

На основе многочисленных документальных свидетельств можно сделать вывод, что большинство спецпереселенцев считало своё выселение незаконным и ошибочным. Многие поляки и ссыльнопоселенцы из Прибалтики верили в восстановление своих независимых государств на буржуазной основе и мечтали вернуться на Родину. Немцы и калмыки также считали своё пребывание в Западно-Сибирском регионе временным. Они, в свою очередь, надеялись на восстановление национальных автономий и возвращение на прежние места жительства.

На 1 января 1945 г. в Новосибирской обл. «на оперативном учёте» состояло 1 144 чел., в т. ч. по агентурным делам — 71, по делам-формулярам — 132, по учётным делам — 941 чел. Весь «подучётный элемент» делился на следующие категории «по окраскам»: «диверсия» — 2 чел., «террор» — 15, «контрреволюционный националистический элемент» — 17, «саботаж» — 19, «вредители» — 20, «шпионаж всех видов» — 21, «изменники Родины» — 32 чел., члены их семей — 154, «пособники немцев» — 66, «бандитский дезертирствующий элемент» — 79, «разный уголовный преступный элемент» — 250, «разный антисоветский элемент» — 446 чел.⁴

Характерной чертой жизни бывших польских граждан с осени 1941 по 25 апреля 1943 г. было обращение за помощью к представителям делегатур и «Польских комитетов», представители которых выплачивали пособия особенно нуждающимся семьям, организовывали медицинскую помощь, как правило силами самих спецпереселенцев, среди которых были профессиональные врачи, и т. п. Несмотря на то, что помощь зачастую была незначительной, это давало полякам иллюзию защищённости и не позволяло забыть о своей национальной принадлежности⁵.

Среди прекращённых архивно-следственных дел (АСД), хранящихся в отделе спецдокументации Управления архивного дела администрации Алтайского края, находится дело главы «Польского комитета» Ойрот-Туры, «доверенного представителя польских граждан» Б.А. Сохоня, в котором сохранились отчёты за использованные средства, действительно очень скромные («в отчётном месяце я выплатил из суммы 2 тыс. рублей пособие 37 лицам, но сумма эта совсем не поправила положение...»), посылавшиеся делегату польской амбасады в Барнауле⁶. Неудивительно, что нередко размеры помощи не устраивали поляков, и последние обращались к вышестоящим лицам. Для периода работы польских

² ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 22–23 об.

³ ГАТО. Ф.Р-588. Оп. 1. Д. 725. Л. 72.

⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 — первая половина 1950-х годов / Под ред. Ю.Н. Афанасьева, П. Грегори, В.П. Козлова и др. Сб. док-тов в 7 т. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. — М., 2004. — С. 456–457.

⁵ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19325. Т. 1–2.

⁶ Там же. Т. 2. Л. 203–205.

делегатур характерно то, что расселённые в Сибири польские граждане почти все свои просьбы и обращения адресовали польским представителям, а не местной советской администрации. Вероятно, этим «граждане бывшей Польши» подчёркивали свой статус, отличный не только от статуса спецпереселенцев, но и коренного населения Западной Сибири, которому они себя нередко противопоставляли.

Недовольство деятельностью представительства выражено в «Обращении на имя Польского посла и полномочного министра Фаддея Ромера», написанное 3 января 1943 г. «осадником» С.А. Бердовским и отправленное в польское посольство в Куйбышеве. В этом обращении С.А. Бердовский очень жёстко критиковал деятельность «...панов и пани Барнаульской делегатуры под началом делегата Маттошко», полагая, что они недостаточно активны, и даже прямо обвинил представителей делегатуры в расхищении продуктов, предназначенных для распределения по районам: «...другие продукты, что так торжественно присылали польские власти, пожрала свора делегата Маттошко» и т. д.⁷ Несмотря на объективное улучшение их положения, представители польского «контингента» становились ещё требовательнее. В том же письме можно найти требования «дать соответствующую опеку... старикам и детям», «освободить из советского рабства» и пр.

Особенно настойчиво поляки требовали подтверждения статуса граждан самостоятельного государства и скорейшей отправки на Родину. Однако, как уже отмечалось, этот период не был долгим, за ним последовало очередное охлаждение отношений между СССР и правительством В. Сикорского. 16 января 1943 г. правительство Советского Союза вновь лишило польское население польского гражданства, признав их гражданами СССР. Деятельность делегатур польского посольства на местах была вскоре запрещена, а большинство сотрудников посольства арестованы. Архивно-следственное дело служащих Барнаульской делегатуры оказалось в том же архивном фонде, что и дела С.А. Бердовского, Б.А. Сохоня и многих других.⁸

Вскоре после закрытия делегатур был организован Союз польских патриотов (СПП), куда, по мнению А. Гловацкого, вошло до 70 % взрослых поляков. С конца 1944 г., а особенно в 1945–1946 гг. наблюдалось массовое вступление в ряды СПП. Э. Треля-Мазур связывает этот процесс с тем, что «уже все знали результаты международных конференций, определивших новый раздел мира». В это время поляки в СССР жили надеждой на скорейшее возвращение на Родину, и именно СПП мог воплотить их мечты в реальность. Эта организация помогала депортированным принять решение о месте будущего проживания, а затем осуществляла их репатриацию. Следует подчеркнуть активное участие польских ссыльных в работе отделений СПП и огромные ожидания, которые связывались с деятельностью данной организации.

Некоторые из местных жителей, несмотря на тяжёлые условия, помогали вновь прибывшим, выражали сочувствие, рискуя навлечь на себя гнев местных властей. Всё это отражено в документах. Но те же документы говорят о недоброжелательном и даже враждебном отношении к спецпереселенцам со стороны значительной части коренного населения и местных руководителей разного уровня.

В некоторых колхозах и совхозах депортированные получали «худшее и в самую последнюю очередь», т. к. считались «врагами» и должны были сами устроиваться, как смогут. Особенно враждебным было отношение к тем, кто принадлежал к титульным национальностям государств, воевавших против СССР. Репрессированные немцы вспоминают, что «работали сутками, и поблажек никаких не было, а женщина-бригадир угрожала: «Утоплю вас — фашистов, никто слова не скажет, вас привезли умирать»». Случалось, что местные дети обзывали немецких. Порой дело даже доходило до драк, когда право на уважение к своему этносу со стороны окружающих приходилось доказывать кулаками. Бывали случаи и посерьезнее: «В нашего товарища Адольфа Шенберга выстрелили из ружья. К счастью, он «легко» отделался — дробинка попала в глаз, и он на

⁷ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20526. Л. 76–77.

⁸ Там же. Д. 20120. В 4 т.

всю жизнь остался одноглазым. Хотя стрелявший был известен, он никакого наказания не понес. Просто считалось, что он следовал призывам И. Эренбурга и К. Симонова: «Убей немца»...» Те же из местных жителей, кто относился к депортированным с сочувствием, сразу попадали под особый контроль НКВД как «антисоветские» элементы⁹.

Обычно спецпереселенцы держались замкнуто и не общались с местным населением. Как уже было сказано ранее, основной круг общения приходился на узкие, и как правило моноэтнические группы внутри «контингентов». Контакты с местным населением были редки и вызывались производственной необходимостью. До депортации народы, оказавшиеся в Западной Сибири, имели разный образ жизни, различные ценности, исповедовали разные религии. Многие депортированные поляки, евреи, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, особенно выселенные из городов, считали местное население необразованным, малокультурным и не желали вступать с ним в контакт. В свою очередь местные жители считали «некультурными» прибывающих спецпереселенцев-калмыков, с которыми даже отказывались жить в одном доме. Что до самих калмыков, то они нередко заявляли, что предпочли бы расселяться среди немцев, объясняя своё желание тем, что им хорошо жилось «при немцах».

Особого внимания заслуживают отношения вновь прибывших спецпереселенцев с «бывшими кулаками». Это в основном касается депортированных из западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, и отчасти немцев. В ряде случаев можно было наблюдать сближение «контингентов», что вызывало серьёзное беспокойство НКВД и местной администрации. Так, секретарь Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанов 20 июля 1941 г. докладывал в обком, что «вновь привезённые поляки, живущие у речки Омелич, ведут разговоры, что Гитлер всё равно победит, что в Польше всё было дёшево и жить было хорошо», что «с момента привоза поляков... открыто появляются контрреволюционные разговоры», причём «необходимо отметить тот факт, что этот контингент находит себе питательную среду в отдельных людях ранее выселенного кулачества». В подтверждение этого приводился ставший уже хрестоматийным случай, когда спецпоселенцы («бывшие кулаки») «приносили лук и давали его вновь присланным бесплатно, в то же время ни за какую цену не продавали служащим»¹⁰. Кроме того, высланные ранее выражали своё сочувствие, в частности высказывались мысли о том, что «выселение поляков — варварство» и т. п.¹¹ Среди спецпереселенцев были те, кто отказывались работать, портили орудия труда или

намеренно наносили себе раны. Их наказывали, но это не уменьшало числа подобных случаев. Занятые в большей степени экономическими проблемами, такими как организация труда или повышение его производительности, местные власти, как явствует из большинства отчётов о жизни спецпосёлков, совсем мало внимания уделяли «культурно-воспитательной работе». В связи с этим спецпереселенцы не имели газет, журналов и фактически были лишены связи с внешним миром. Радиоприёмники были не везде. Кроме того, в соответствии с «правилами пользования» разрешалось слушать только определённые каналы (т. к. на приёмниках стояли пломбы) и только на собраниях. Впрочем, если учесть, что «культурно-воспитательная работа» имела две основных составляющих: культурную и политизирующую, возможно, что отсутствие жёсткой и массивной деятельности в этом направлении, которая бы проникала в сферу семейных отношений спецпереселенцев и затрагивала их психологию, способствовало сохранению особенностей национальной культуры. В этой ситуации вполне естественным и понятным было обращение к религии, чтение привезённых с собой Библий, на что также сетовали проверяющие¹².

Не менее важным сюжетом является протестное поведение спецпереселенцев. Чтобы исследовать его, обратимся к ряду источников, в частности рассмотрим факты, о которых осведомители сообщали в карательные органы. Так, в среде спецпереселенцев «бывших

⁹ Жеребцова И. Репрессированная культура... М. 2003.

¹⁰ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 86. Л. 80–81.

¹¹ Там же. Д. 87. Л. 6 об. — 7.

¹² ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 113.

польских граждан» были широко распространены различного рода выражения недовольства. Это и «пораженческие», и «профашистские» настроения в связи с войной. В докладных записках о положении в спецпосёлках отмечалась активность «наиболее непримиримо настроенной части «контингента» — «преимущественно осадников». К проявлениям такой активности относили отказ спецпереселенцев поддерживать резолюции, «осуждавшие зверства фашизма», «поиск виноватых» (здесь, среди прочего, имелись и вспышки антисемитизма), погромы в красных уголках и, разумеется, высказывания, которые фиксировались в больших количествах и были характерны для всех спецпереселенческих «контингентов» без исключения.

Летом 1941 г. в Чигаринском сельсовете Нарымского окр. Б. Якобсон, Л. Домопольская «говорили, что война через два месяца кончится, победа будет за Гитлером нам и вам (имеются в виду спецпереселенцы бывшие «кулаки», выселенные ранее) будет жить хорошо». В том же сельсовете «вновь прибывшие поляки говорили, что местное учительство безкультурное... должно быть снято с работы», а они как высокообразованные должны ¹³ «занять его место», а не заниматься физическим трудом».

Ссылнопоселенец Л. Кромка заявлял: «Немцы уничтожают только коммунистов. Во всяком случае, они продвигаются успешно, и если ещё поможет Япония, то к весне освободят и нас из этой проклятой сибирской ссылки, тогда уж и мы по-стариковски примем участие в истреблении коммунистов». Следующее высказывание принадлежит М. Ремандель, которая, согласно данному документу, говорила следующее: «...правительство забирает все продукты у крестьян, а люди умирают от голода, ...жизнь наладится только тогда, когда немцы заберут Россию, тогда все освободимся от невыносимых лишений». Другая ссылнопоселенка поддержала приведённую реплику: «Только тогда жизнь ¹⁴ ссылных и трудпоселенцев будет спасена, когда немцы свергнут советскую власть». Сходные настроения были распространены среди представителей всех этнических «контингентов». Следует предположить, что спецпереселенцы поддерживали в своих высказываниях немецкую армию и её действия не потому, что согласны с ними или их не устраивала советская власть, а вследствие того, что на данный момент они находятся в ссылке по вине советской власти, с которой в этот период боролась Германия.

С начала Великой Отечественной войны резко возросло количество «дел», связанных с «организацией повстанческих групп», «попытками осуществления диверсионно-вредительских и террористических актов», «созданием контрреволюционных групп за счёт разведок Германии и Японии». В этот период на шахтах Прокопьевского рудника была «вскрыта контрреволюционная организация», состоявшая в основном из «кулаков-спецпереселенцев кабардинской национальности», проводившая среди населения «активную профашистскую агитацию». Участники этой группы якобы собирались покинуть спецпоселение и уйти в тайгу «с последующим поднятием там восстания против советской власти». Руководителем данной группы считался Власов, бывший офицер белой армии, долгое время находившийся в германском плену. В пос. Красный Яр Кривошеинского р-на органами НКВД с помощью противопобеговой агентуры «была вскрыта контрреволюционно-повстанческая группа», в состав которой входило 6 спец- и трудпереселенцев. По данным НКВД, они «призывали население к вооружённому восстанию для свержения советской власти, изготавливали и распространяли листовки» ¹⁵.

В сходных преступлениях обвинялись группы Мутуля, Росса, Граге, Райхерта и др. Большинство «врагов» было «обнаружено» среди «немцев-кулаков» и «немцев-переселенцев». Кроме «немецких», «вскрывались» также «украинские», «татарские» и т. п. «контрреволюционные организации», по мнению местных властей имевшие целью организацию забастовок и вооружённых восстаний, приобретение оружия, убийство работников милиции и разоружение её состава, а также «переход на сторону немцев, если будут взяты в РККА и

¹³ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 5. Д. 87. Л. 6.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 106. Л. 223.

¹⁵ ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д. 133. Л. 251; Д. 84. Л. 137-144.

отправлены на фронт». Реальность таких «организаций» представляется сомнительной. В докладных записках, сводках, обзорах не сообщалось данных о каком-либо уставе, постоянном членстве, а иногда и об их «руководителях». Скорее всего, местные спецорганы значительно преувеличивали масштаб «вредительства», не выходявшего за пределы традиционных для сельской местности протестных действий: поджогов, порчи инвентаря и скота, бегства с поселения и пр. К тому же нередко у ссыльных не было ни сил, ни средств для подготовки восстания, и всё оставалось на стадии намерений и возмущённых разговоров, дававших депортированным видимость того, что они ещё могут что-то изменить в своей жизни¹⁶.

Среди массовых форм выражения протеста преобладали пассивные, к их числу относились высказывание пораженческих и прогерманских настроений, бегство с поселений (иногда такие попытки удавались, хотя по справке из Васюганского р-на Нарымского округа «беглых удавалось задержать, кроме единичных случаев»; среди немцев были нередки побеги на фронт, при этом они изменяли фамилии и назывались представителями других национальностей), отказ от участия в мероприятиях, проводимых местными властями.

Согласно приказу НКВД СССР и Прокурора СССР № 0041 от 9 января 1941 г. о порядке возбуждения розыска и предания суду лиц, бежавших из трудовых и специальных посёлков НКВД, розыску подлежали «все спецпереселенцы, высланные из западных областей УССР и БССР... в возрасте от 16 лет и выше, водворённые в спецпосёлки и бежавшие из последних»¹⁷. Данный приказ появился в связи с запросами с мест о том, какие категории труд- и спецпоселенцев подлежат розыску и в каком порядке следует возбуждать уголовные дела против беглецов. Розыск лиц, бежавших из спец- и трудпосёлков, объявлялся 1-м спецотделом НКВД СССР. Бежавшие спецпереселенцы при обнаружении немедленно арестовывались и привлекались к уголовной ответственности по ст. 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик с передачей дел на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. По отбытии срока наказания указанные лица возвращались в спецпосёлки.

Меры, принимавшиеся в отношении трудпоселенцев, были значительно более мягкими. Так, трудпоселенцы попадали под суд лишь в том случае, «если к моменту задержания не имели определённых занятий и постоянного местожительства», а также если бежали не в первый раз и со времени последней попытки прошло не более пяти лет¹⁸. Несмотря на угрозу уголовного наказания, некоторые спецпереселенцы всё-таки решались на побег, зачастую мотивируя свой поступок тем, что хуже уже не может быть. Так, спецпереселенка Н. Пелькос заявляла: «если меня не освободят из ссылки, то я буду вынуждена уехать самовольно. В тюрьме мне будет лучше, чем здесь, с малым грудным ребёнком работать не могу, вещей у меня для продажи уже нет»¹⁹.

Увеличение или уменьшение числа побегов из спецпосёлков находилось в прямой зависимости от условий жизни спецпереселенцев. Следует также отметить, что бегство не имело массового характера, т. к. возможности беглецов были весьма ограничены, бежать же из отдалённых посёлков в зимнее время вообще было невозможно. Профилактика побегов, розыск бежавших и создание «противопобеговой агентуры» находились в ведении комендантов районных и поселковых комендатур.

Динамика размеров бегства из спецпосёлков прослеживается по полугодовым справкам о движении спецпереселенцев. В таких справках отражается не только количество беглецов, но и данные о рождаемости, смертности и общей численности представителей того или иного контингента по областям расселения. Так, статистика по спецпереселенцам «осадникам» с февраля–марта 1940 г. (т. е. момента их прибытия на поселение) по 1 января 1941 г. выглядела следующим образом (см. табл. 5):

¹⁶ Там же. Д. 133. Л. 252.

¹⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 311–312.

¹⁸ История сталинского ГУЛАГа... Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 311–312.

¹⁹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 282

В целом по системе спецпоселений по состоянию на 1 июня 1944 г. ситуация с побегами и «противопобеговой работой», судя по докладу нач. ОСП М.В. Кузнецова руководству НКВД от 5 сентября 1944 г., выглядела следующим образом (см. табл. 6):

Таблица 5

Динамика численности размещённых в Сибири спецпереселенцев «осадников» по состоянию на 1 января 1941 г.*

Область (край)	Семей	Чел.	Бежало	Возвращено	Родилось	Умерло
Новосибирская	670	3 105	9 (0,3 %)	–	38 (1,2 %)	93 (3 %)
Омская	1 489	7 278	3 (0,04 %)	3 (100 %)	123 (1,7 %)	442(6,1 %)
Иркутская	2 231	10 578	5 (0,04 %)	–	149 (1,4 %)	499(4,7 %)
Алтайский край	1 270	6 171	5 (0,08 %)	3 (60 %)	69 (1,1 %)	132(2,1 %)
<i>В среднем</i>					1,5 %	4,6 %

* Составлена по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 67.

Таблица 6

Данные о «противопобеговой работе» по состоянию на 1 июня 1944 г., чел.*

	Бежало	Задержано	Предотвращено побегов
калмыков	246	138	51
чеченцев и ингушей	1079	758	290
балкарцев	438	172	0
бывших кулаков	215	77	68
карачаевцев	77	19	19
немцев	17	10	9
ссылно-поселенцев	4	4	0
<i>Всего</i>	2076	1173	437

* Составлена по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 150–161.

К активным формам протеста относились сравнительно крупные волнения, такие как широко известные события августа 1940 г. в Томасинлаге, принявшие форму «волынки», т. е. организованного, массового отказа от работы. Они были вызваны стремлением государственных органов повысить выработку деловой древесины за счёт увеличения количества работавших. При этом игнорировалась непригодность значительной части прибывшего контингента к тяжёлой физической работе (из 10 300 чел., по официальным данным, работать могли только 4 100 чел.), а также перенаселённость лагерей (по мнению начальника Томасинлага Борисова и начальника политотдела Бекбулатова, лагерь был рассчитан «максимум на 13 тыс. заключённых», тогда как 18 июля 1940 г. в нем находилось 18,5 тыс. чел.). Вопрос о переброске части «контингента в другие лагеря был поставлен на заседании Новосибирского обкома ВКП(б) 19 июля 1940 г. в связи с докладной запиской Бекбулатова, но так и не был решён, несмотря на всё нараставшее волнение спецпереселенцев.

15 августа спецпереселенцы «беженцы» спецпосёлка Асино перестали работать. Из пос. Тайга Берегаевского лесозаготовительного участка «все беженцы ушли на пристань г. Берегаево» с вещами и отказались работать. С 15 августа началась забастовка в с. Кица, проходившая «организованно» и сопровождавшаяся «предъявлением ультимативных требований о выселении из спецпосёлков». С 16 августа не работали все спецпереселенцы пос. Берегаево.

17 августа по распоряжению обкома ВКП(б) в Асиновский, Зырянский и Тегульдетский р-ны Новосибирской обл. была командирована комиссия в составе Почкая (УНКВД), Гончаренко (облисполком), Днепровского (обком) со специальным заданием предотвратить бунт, прекратить забастовку, расследовать их причину и принять на месте «меры по урегулированию создавшегося положения»²⁰. Комиссия установила, что во всех посёлках действовали «комитеты», «подготовившие и организовавшие выступления». Можно допустить, что первоначально идея сопротивления действительно сформировалась в сравнительно узком кругу, однако говорить в данном случае о «контрреволюционном активе» и «организации бунта» было бы серьёзным преувеличением. К тому же документы не отмечают никакого насилия со стороны «волынщиков» (только демонстративный отказ от работы). Тем не менее, «в течение двух суток спецмерами был установлен персональный состав этих комитетов».

Выводы, сделанные комиссией, оказались неоднозначными. С одной стороны, отмечалось «бездействие оперативно-чекистского отдела Томасинлага», благодаря чему «контрреволюционный элемент нашёл благоприятную почву для контрреволюционной работы», отсутствие на местах «в самый разгар бунта» начальника оперативно-чекистского отдела Томасинлага Салтымакова и начальника политотдела Бекбулатова. С другой стороны, спецпереселенцам не было создано «хотя бы минимальных условий по налаживанию жилищ, быта, питания и по трудоустройству беженцев». В результате этого «семьи беженцев были расселены в совершенно неподготовленных жилищах», а «все спецпосёлки Томасинлага... до невозможности перенаселены». Что касается администрации лагерей, то низовые работники, ...привыкшие к обслуживанию заключённых,²¹ эти методы полностью переносили на беженцев, что вызывало возмущение и недовольство²¹.

В течение двух — трёх суток в шести спецпосёлках Томасинлага было арестовано 49 чел., входивших в т. н. оргкомитеты, а также «проведены «спецагмероприятия» и разъяснительная работа, после чего было восстановлено нормальное положение»⁴⁴. С 20 августа спецпереселенцы начали выходить на работу, 22 августа работало 100 % всех трудоспособных «беженцев». Вина за происшедшее была возложена на ГУЛАГ НКВД СССР и руководство Томасинлага, при этом ни в одном документе не упоминалось об ответственности областных органов власти.

Во избежание повторения таких опасных ситуаций административными органами активизировалась работа органов НКГБ и НКВД, в районах создавались боевые группы «на случай ликвидации открытых выступлений», а также «заслоны» в глухих и отдалённых местах. Всё боевое и учебное оружие ставилось на строгий учёт и хранилось НКВД «на условиях строгой конспирации и охраны», оружие у «лиц не вызывающих доверия», изымалось. Организовывались районные дружины «для общественной самообороны предприятий и складов». Областные власти также обязывались оказывать помощь районам людьми, оружием, боеприпасами, горючим. Управление НКВД по Новосибирской обл. рассматривало вопрос об «открытии в Нарыме закрытого лагеря для наиболее активной части спецпереселенцев и местных кулаков»⁴⁵. Что касается повседневного поведения депортированных, настроений в целом и форм протеста, то следует обратиться к сводкам НКВД, докладом и докладным запискам о состоянии спецпосёлков. Последние, как правило, представляют собой многостраничные документы, состоящие из стандартных разделов, в числе которых «культурно-воспитательная работа» и «политико-моральное состояние» (настроения и разговоры спецпереселенцев, в т. ч. по агентурным данным). Часть докладных записок целиком посвящалась настроениям спецпереселенцев, обычно в связи с теми или иными «отрицательными явлениями» или экстраординарными событиями в жизни спецпосёлков.

²⁰ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33 а. Д.238. Л.45.

²¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33 а. Д.238. Л. 32–33.

²² Там же. Л.33

²³ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 5. Д.87. Л. 60-64

КОНФОРМИЗМ ИЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ? СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА

Актуальность изучения истории Новосибирского Академгородка определяется, прежде всего, ролью Сибирского отделения РАН не только в развитии российской науки, но и в социально-культурной жизни региона и страны в целом. Не менее значим исторический опыт сибирского Города науки в контексте становления современной демократической культуры, формирования в России гражданского общества.

В данном контексте приоритетный интерес представляет история не только СО АН СССР/РАН, но и Новосибирского Академгородка как сложного социально-культурного феномена. Последний не сводится лишь к собственно научным аспектам, но включает также социальные, градостроительные, экологические, политико-идеологические, духовно-ментальные и другие компоненты.

Особый интерес представляет своеобразная, яркая и самобытная общественная жизнь сибирского Города науки. В настоящее время ряд наиболее ярких страниц общественной жизни Академгородка нашел отражение не только в мемуарах, но и в работах профессиональных историков, — речь идет прежде всего о прежде всего о различных проявлениях неконформизма. Первая попытка обобщающей характеристики политической истории сибирского Города науки была предпринята американским историком П. Джозефсоном¹. Его монография «Возвращение новой Атлантиды: Академгородок — сибирский Город науки» (1997) является единственным на сегодняшний день обобщающим трудом по истории Новосибирского Академгородка. В интересующем нас контексте наиболее значима заключительная глава книги под названием «Спротивление: Коммунистическая партия и академическая свобода в Академгородке»². Автор раскрывает процесс постепенной утраты Академгородком относительной независимости от партийно-идеологических структур. Американский историк приходит к выводу о постепенной эрозии первоначальной модели «республики ученых», нарастании в жизни «сибирской Атлантиды» консервативных тенденций — особенно после событий 1968 г.

В отечественной историографии первым значимым шагом в реконструкции политической истории сибирского Города науки стали публикации Е.Г. Водичева и Н.А. Куперштох, где основное внимание уделено событиям 1968 г. («письмо 46-ти»)³. Особенно же много для изучения данной проблематики сделал профессор НГУ А.Г. Борзенков⁴. Его работы отличаются исключительным богатством источниковой базы, в том числе небывало широким привлечением материалов личного происхождения (воспоминаний и интервью участников событий). В дальнейшем вклад в изучение общественно-политических аспектов

¹ Josephson P. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 351 p.

² Ibid. P. 263–304.

³ См. особенно: Водичев Е. Г., Куперштох Н. А. Социальные настроения ученых Новосибирского Академгородка в 1960-е гг. (история «письма 46-ти») // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. Новосибирск, 2002б. С. 80–84.

⁴ Борзенков А. Г. Молодежь и политика: Возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961–1991), в 2-х ч. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. Ч. 1. 242 с.; Ч. 2. 245 с.; Он же. Молодежь и политика: Фотографии, факсимиле, плакаты и рисунки по истории студенческой политизированной самодеятельности на востоке России (1961–1991 гг.). Документальный сб. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. 204 с.; Он же. Бардовский фестиваль 1968 г. в Новосибирском Академгородке через призму документов // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 2. Вып. 2: История. Новосибирск, 2003. С. 152–165.

истории Академгородка внесли публикации автора настоящей статьи ⁵. Из работ других авторов значительную ценность в интересующем нас ракурсе представляет монография Е.Н.Савенко о «самиздате» ⁶.

Помимо работ профессиональных историков, не меньшее значение имеют некоторые мемуарно-публицистические тексты, исходящие от ветеранов Академгородка, активных участников описываемых событий. Наиболее высокой оценки, не только как источники, но и как аналитические работы, заслуживают публикации А.И. Бурштейна и И.И. Коршевера. Анатолий Израилевич Бурштейн был президентом знаменитого клуба «Под интегралом», деятельности которого и посвящены его мемуары. Впервые они были опубликованы в журнале «ЭКО», а затем, с небольшими дополнениями, дважды были переизданы ⁷.

Наиболее аналитический характер имеет работа И.И. Коршевера, где особое внимание уделяется общественной активности комсомола ⁸. Игорь Иосифович Коршевер — канд. техн. наук, на момент публикации — ведущий научный сотрудник Института автоматизации и электрометрии СО РАН, был одним из лидеров НПО «Факел». К сожалению, в опубликованные варианты не вошли наиболее содержательные разделы этого произведения, — его полный текст имеется только в электронном виде ⁹.

В целом же, несмотря на аккумуляцию в указанных работах значительного фактического материала, целостная картина общественной жизни Академгородка пока не воссоздана. Данная публикация представляет собой очерк, где прослеживаются основные этапы и особенности политической истории сибирского Города науки с момента его создания до конца советской эпохи.

В имеющихся работах присутствуют три основных взгляда на общественно-политическую жизнь Новосибирского академгородка. Чаще всего в мемуарно-публицистической литературе фигурируют стереотипные суждения об Академгородке как «оазисе свободы», уникальном социально-политическом феномене. В противовес этому немногие авторы высказывали скептические оценки общественной жизни сибирского наукограда. Видимо, впервые это имело место в книге М.А. Поповского «Управляемая наука», опубликованной в 1978 г. в Лондоне. Названный автор был одним из наиболее известных в нашей стране журналистов по проблемам науки, за свои острые публикации он подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать. По оценке М.А. Поповского, создание в СССР научных городков имело лишь кратковременный позитивный эффект, а затем все худшие черты административно-командной системы воспроизвелись в них в наиболее законченном виде. В названной книге утверждалось: «В городках науки исследователь еще более зависим от администрации, чем в Москве, Ленинграде или Киеве; проявление личной или общественной инициативы там еще менее возможно, чем в больших городах; общественное мнение доведено до нулевой отметки» ¹⁰.

⁵ Кузнецов И. С. Инакомыслие в Новосибирском Академгородке: «Дело инициативной группы». Документальное издание. Новосибирск: Б/и. 2006а. 220 с.; Он же. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск: Б/и, 2007а. 332 с.

⁶ Савенко Н. Н. На пути к свободе слова: Очерки истории самиздата Сибири. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. 198 с. С. 29, 37–39, 46–47, 60–62, 66–67, 84–87, 92–97.

⁷ Бурштейн А. И. Реквием по шестидесятым или под знаком интеграла // ЭКО. 1992. № 1. С. 86–105. См. также: Научное сообщество физиков СССР. 1950–1960-е гг.: Документы, воспоминания, исследования. Спб.: Б/и, 2005. Вып. 1. С. 569–618; «И забыть по-прежнему нельзя...»: Сборник воспоминаний старожилов Академгородка Сибирского отделения Академии наук об общественной жизни Городка в первые десятилетия его существования. Новосибирск: Б/и. 2007. С. 136–146.

⁸ Коршевер И. От города солнца к городу зеро: Из истории молодежных движений Новосибирского Академгородка // Наука в Сибири. 2001. № 32–33 (авг.). См. также: «И забыть по-прежнему нельзя...»... С. 127–136.

⁹ См.: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/2001/n32-33/f25.html>.

¹⁰ Поповский М. Управляемая наука. Лондон, 1978. С. 123.

В свою очередь, в трактовке П. Джозефсона, общественно-политическая история Академгородка прошла два принципиально разных этапа, рубежом между которыми стали события 1968 г.

Автор настоящей статьи не считает возможным безоговорочно принять какую-либо из обозначенных версий, хотя каждая из них, как представляется, содержит немалое рациональное зерно.

В самом деле, в первые годы существования Новосибирского академгородка его общественно-политическая атмосфера, действительно, носила во многом уникальный характер. Как представляется, это определялось двумя основными детерминантами. Во-первых, Город науки характеризовался небывалой концентрацией интеллектуальных сил, общественное сознание которых было «разбужено» «оттепелью». Во-вторых, в годы становления Академгородка имела место его относительная независимость от партийно-идеологического контроля. Это, в свою очередь было обусловлено как высоким статусом СО АН, близостью его основателя академика М.А. Лаврентьева к высшему руководству (Н. С. Хрущеву), так и самим расположением Академгородка, его удаленностью от обкома КПСС и других властных структур.

Однако, как представляется, все обозначенные моменты неправомерно абсолютизировать: им уже в период «рождения» Академгородка противостоял ряд других факторов, воздействие которых шаг за шагом усиливалось. Во-первых, партийно-идеологические структуры непрерывно предпринимали попытки поставить научное сообщество Академгородка под более жесткий контроль. Во-вторых, само научное сообщество с точки зрения его политической культуры и общественной активности было весьма неоднородно. Максимальную политическую активность проявляла научная молодежь, в наибольшей степени воспринявшая обновляющий импульс «оттепели».

Среди старшего поколения конформистские настроения были распространены гораздо в большей степени. Этому способствовали не только обычные возрастные особенности и тяжелые воспоминания о сталинских порядках. Следует иметь в виду и саму систему социальных отношений в нашем научном сообществе. Ведь в нем смелость, самостоятельность и относительная демократичность таких научных лидеров, как М.А. Лаврентьев, соседствовала с жесткой иерархией, огромной властью «научных князей».

Это, в частности, отмечается в ряде текстов сборника «Городок. Ru.», выпущенного в 2003 г. под руководством академика В. Е. Накорякова. Особенно характерна в данном плане публикация Л. С. Труса. Леонид Соломонович Трус — канд. геогр. наук, до своего отъезда в Израиль в 2007 г. был сотрудником Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, а также известным общественным деятелем — лидером местного отделения общества «Мемориал». Он подчеркивает поверхностный характер академгородского «демократизма», доминирование здесь своеобразных «феодалных» отношений³⁶.

Все эти разнонаправленные векторы весьма рельефно проявились в связи с первым в истории Новосибирского Академгородка оппозиционным выступлением в мае 1960 г. Его официальная версия в решении бюро Советского райкома КПСС от 5 июля указанного года выглядела следующим образом: «21 мая на митинге коллектива Института неорганической химии, посвященном одобрению позиции советской делегации на Парижском совещании глав великих держав, выступил член ВЛКСМ, кандидат наук Бреусов и вместо осуждения вероломных действий американских агрессоров внес предложение выразить сожаление по поводу отказа делегации СССР начать совещание в верхах. Организаторы митинга в лице руководства института и партийной организации проявили растерянность и беспечность, поставив на голосование провокационное и вредное предложение политически незрелого человека (предложение не было поддержано). Как установлено проверкой, а также в ходе

³⁶ Городок. Ru. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия: Воспоминания, размышления, проекты. Новосибирск: Б/и. 2003. С. 67–75.

обсуждения этого факта в партийной и комсомольской организациях института, на парткоме СО АН СССР, это выступление явилось следствием невнимания к изучению политических и моральных качеств молодых научных работников, серьезных недостатков в организации политико-воспитательной работы среди молодежи...»¹³

В многочисленных документах, посвященных разбирательству описанного инцидента, он объяснялся «недостаточной воспитательной работой» с научной молодежью» и личными качествами О. Н. Бреусова. В частности, в докладе секретаря парткома СО АН г. С. Мигиренко на отчетно-выборной конференции партийной организации Сибирского отделения в ноябре 1960 г. была дана следующая безапелляционная оценка: «Бреусов представляет собой тип испорченного молодого человека, не прошедшего школы жизни, не наученного преодолевать трудности, нуждающегося в производственном опыте. Эта возможность ему в настоящее время предоставлена»¹⁴.

На самом же деле дерзкое и, быть может, действительно, не совсем уместное выступление молодого ученого, не было случайным, стало своего рода «вершиной айсберга». В какой-то мере оно отразило нарастающее недовольство в коллективе Института неорганической химии и, быть может, в целом в Сибирском отделении. Дело в том, что строительство Академгородка затягивалось, большинство его институтов не имели достаточных площадей и не могли развернуть полноценной работы. Тяжелыми были жилищно-бытовые условия научной молодежи, нередко ютившейся в перенаселенных общежитиях Новосибирска. Это признавалось даже в некоторых официальных документах, а сейчас об этом можно узнать из воспоминаний ветеранов СО АН¹⁵.

«Дело Бреусова» имело и еще более глубокие предпосылки. Дело в том, что комсомольские организации в СО АН концентрировали наиболее активных и «горячих» представителей научной молодежи. Воодушевленные «оттепелью», они стремились к ее углублению, к подлинной демократизации нашего общества и особенно резко реагировали на различные проявления бюрократизма. Поэтому уже в период «рождения» Академгородка имели место конфликты комсомольских активистов с «бюрократами». Одним из первых симптомов этого стала острая ситуация на II комсомольской конференции Советского района в октябре 1959 г., где ряд «начальников» и комсомольцы-строители упрекали молодых ученых в «зазнайстве», «барстве» и т. п.¹⁶ Активную позицию здесь занимали комсомольские лидеры Института неорганической химии, которые позднее резко критиковали деятельность партийной и профсоюзной организации данного НИИ. В таком контексте их сочувственное отношение к О.Н. Бреусову воспринималось как продолжение определенной целенаправленной линии.

«Дело Бреусова» вызвало чрезвычайный резонанс во властных инстанциях, — в соответствующих заседаниях принимали участие представители не только обкома, но и ЦК КПСС. Инструктор ЦК КПСС Н.А. Дикарев, курировавший Сибирское отделение, сказал по этому поводу: «Мы не остановимся даже перед ликвидацией института, где есть такие сотрудники»¹⁷. До таких крайних мер дело не дошло, однако репрессии имели место. Десять сотрудников института, комсомольских активистов — включая О. Бреусова, отлучили от научной работы — заставили перейти на «временные рабочие места» на предприятиях города. Все это свидетельствовало об усилении вмешательства партийных органов и КГБ в жизнь формирующегося научного сообщества. Можно сказать, что всем недовольным и слишком активным указали их место, и большинство сделало соответствующие выводы. За

¹² ГАНУ. Ф. П-269. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–5.

¹³ Там же. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

¹⁴ См. напр.: Михайлов В. А. У истоков института // Академик А. В. Николаев: Книга воспоминаний. Новосибирск: Институт неорганической химии СО РАН, 2002. С. 80–81 (автор — д-р хим. наук, проф., в данном НИИ работал с 1958 по 1986 г.).

¹⁵ ГАНУ. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 30. Л. 80–81.

¹⁶ Цит. По: Водичев Е. Г., Куперштох Н. А. Формирование этноса научного сообщества и его эволюция в 1960-е гг. (на примере Новосибирского научного центра) // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 44.

всю последующую историю Академгородка Советского периода случаев прямой публичной критики высшего руководства не отмечалось.

Своеобразная ситуация в общественной жизни сибирского Города науки прослеживается вскоре после отставки Н.С. Хрущева, в середине 1960-х гг. Доминирующей тенденцией с этого момента было постепенное усиление давления партийно-идеологических структур на Академгородок в общем контексте активизации в стране консервативных, «неосталинистских» тенденций. Причем это наступление чаще всего носило малозаметный, «ползучий» характер. Нередко для тех или иных мер консервативного характера использовались реальные поводы, в том числе те или иные очевидные недостатки в повседневной жизни локального научно-образовательного сообщества. Так, партийно-идеологические структуры различного уровня неоднократно отмечали серьезные упущения в воспитательной работе со студентами НГУ. Знакомясь с такого рода официальными документами, порой трудно оценить, чего в них больше — искреннего стремления улучшить положение дел или, пользуясь случаем, ослабить позиции СО АН.

Характерно, что уже в начале 1965 г. Новосибирский горком КПСС организовал всеобъемлющую проверку положения дел в университете, результатом чего стало постановление бюро горкома КПСС от 17 мая 1965 г. «О работе партийной организации НГУ по улучшению идейно-политического воспитания студентов». В нем утверждалось: «В идейно-политическом воспитании студентов имеются крупные недостатки. <...> Некоторые студенты попадают под влияние незрелых элементов, проявляют нездоровые настроения, высказывают политически ошибочные взгляды, пьянствуют, совершают кражи, занимаются азартными играми». В связи с этим горком принял беспрецедентные по тем временам репрессивные меры: был объявлен партийный выговор секретарю партбюро НГУ В. Н. Борисову и заместителю секретаря парткома СО АН И.А. Молетотову. На него данное взыскание было наложено за «недовлестворительное руководство деятельностью партийной организацией университета и беспринципное отношение к фактам аполитичного поведения отдельных студентов университета»¹⁷.

Для тех, кто знал Ивана Афанасьевича Молетотова, такого рода обвинения звучат нонсенсом: понятно, что их следовало рассматривать, как серьезный «залп» по Сибирскому отделению АН, памятуя, что его партком фактически был «карманной» структурой М.А. Лаврентьева.

Вместе с тем в середине 1960-х гг. в общественной жизни Академгородка прослеживалась и противоположная тенденция. Дело в том, что отставка Н.С. Хрущева была многими воспринята как низвержение «самодура» и начало более разумной политики. Критика хрущевского «волюнтаризма» дала определенный импульс общественной активности, на какое-то время возродила надежды на более глубокую демократизацию нашего общества. В условиях Академгородка этому всплеску политической активности способствовало завершение к тому моменту формирования и консолидации локального научного сообщества, а также преодоление наиболее острых бытовых проблем. Освобожденные от сложностей повседневной жизни, характерных для периода строительства Города науки, молодые ученые теперь могли полностью сосредоточиться на научной и общественной деятельности.

В этой необычной, в какой-то мере уникальной ситуации на общественных мероприятиях в некоторых коллективах Академгородка звучали небывало резкие суждения, подвергалось критике «начальство», выдвигались смелые предложения о демократизации нашей политической системы. Так, весьма остро прошло закрытое партийное собрание НГУ 23 октября 1964 г., где первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Ф.С. Горячев выступил с докладом об отставке Н.С. Хрущева. Один из участников прений, задался вопросом «почему товарищи, ставшие на путь насаждения нового культа, могли действовать безнаказанно». Тот же оратор выразил политическое недоверие Ф.С. Горячеву, поскольку

¹⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 47. Л. 7–12.

этот «партийный вельможа» с легкостью перешел от восхваления Н.С. Хрущева к его поношению¹⁸.

Наибольший интерес в этом плане представляли партийные собрания в Институте автоматике и электрометрии в январе и марте 1966 г. На первом из них состоялось небывало развернутое обсуждение путей улучшения партийной работы, фактически была сформулирована своего рода программа демократических реформ. В частности, прозвучали следующие предложения: «Генеральный секретарь ЦК КПСС избирается съездом отдельным голосованием на срок не более двух созывов (8 лет) большинством $\frac{3}{4}$ съезда. Генеральный секретарь может быть смещен по требованию более половины членов Президиума ЦК на очередном или внеочередном пленуме ЦК КПСС»; «Необходимо каждый созыв менять не $\frac{1}{4}$, а наполовину для центральных и областных органов и на $\frac{1}{4}$ при выборах райкома»¹⁹. В свою очередь, на мартовском партсобрании прозвучали предложения о выдвижении нескольких кандидатур при выборах в партийные органы и советы депутатов трудящихся²⁰.

Отмеченная тенденция определенной активизации общественной жизни наиболее рельефное выражение нашла в деятельности комсомольских организаций Города науки. Об этом детально повествуется в упоминавшемся тексте И.И. Коршевера (в электронной версии), который образно назвал описываемые далее события «комсомольским бунтом».

На VI районной конференции ВЛКСМ в декабре 1965 г. развернулись острые споры о судьбе комсомола, о путях его демократизации. Эти дискуссии вполне закономерно выходили на более общие проблемы политического развития страны. Характерно, что одним из самых решительных было выступление молодого научного сотрудника Института катализа Г.С. Яблонского, который стал затем активным участником событий 1968 г.²¹ Главным итогом конференции было то, что в отличие от периода строительства Академгородка, райком комсомола теперь возглавили представители научной молодежи. И.И. Коршевер так характеризует эту ситуацию: «Конференции предшествовало длительное бурление молодежи (в основной студенческой) за обновление комсомола. Совершенно неожиданно для них самих. Инициаторы этого движения одержали на конференции организационную победу. Это был тот редкий в советской истории случай, когда на короткий период молодежь и комсомол оказались вместе. <...> Первым секретарем РК был избран Всеволод Костюк...»²².

Необычайно острая конфронтация имела место на XVIII Новосибирской городской конференции ВЛКСМ в декабре 1965 г. В ходе этого форума, вне регламента, по требованию участников заседания, слово было предоставлено делегату из Академгородка А.М. Казанцеву. В то время он был сотрудником ВЦ СО АН и одним из лидеров НПО «Факел». Молодой ученый вступил в резкую полемику с секретарем обкома КПСС Н.К. Дыбенко. После завершения конференции состоялся первый организационный пленум горкома ВЛКСМ, на котором Н.К. Дыбенко огласил рекомендацию горкома КПСС об избрании первым секретарем горкома ВЛКСМ Е.С. Шибанова (он был в то время секретарем Кировского райкома комсомола). Решение о снятии с этого поста предшествующего лидера, А.Б. Слуцкого, видимо, было связано с его демократическими инициативами, во многом вдохновленными примером Академгородка. За неделю до этого в «Комсомольской правде» появилась статья А. Б. Слуцкого, где немало теплых слов было сказано о комсомоле СО АН. Ряд представителей комсомольской организации Академгородка выступили против такого кадрового решения²³.

Кульминацией этого кратковременного общественного подъема, видимо, стала VIII партийная конференция Советского района в январе 1966 г. Ряд выступавших на ней с одобрением отзывались о комсомольских инициативах. Дело не ограничилось только

¹⁸ Там же. Ф. П-5419. Оп. 1. Д. 4. Л. 67–68.

¹⁹ ГАНУ. Ф. П-5429. Оп. 1. Д. 10. Л. 53–64.

²⁰ Там же. Л. 89–90; Там же. Ф. П-4. Оп. 64. Д. 21. Л. 198–201.

²¹ Там же. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 136. Л. 85–97.

²² «И забыть по прежнему нельзя...»...С. 127.

²³ ГАНУ. Ф. П-198. Оп. 4. Д. 2. Л. 120–132.

дискуссиями: конференция записала в своем постановлении: «Просить областной комитет партии поставить вопрос перед ЦК КПСС о необходимости улучшения оперативности внутрипартийной и государственной информации»²⁴.

Эти события, вероятно, следует расценивать как последнюю попытку консолидации общественно активных сил, взаимодействия формальных и неформальных структур. Далее их пути все более расходятся: формальные структуры — КПСС, а затем и комсомол все более претерпевают бюрократическое «окаменение», а в неформальном движении нарастают антикоммунистические тенденции.

Характерно, что отмеченная демократическая тенденция в деятельности комсомола наиболее рельефное выражение нашла не в собственно политических действиях, а в работе знаменитой «фирмы» (научно-производственного объединения) «Факел». Созданная в 1966 г. «при Советском райкоме ВЛКСМ» эта структура постепенно превратилась в мощную организацию, где молодежь Академгородка успешно занималась внедрением научных достижений в производство. Не беря ни копейки из государственного бюджета и обходясь без бюрократического аппарата, «Факел» зарабатывал огромные по тем временам деньги. Это позволяло научной молодежи не только улучшать свое материальное положение, но и добиваться экономической самостоятельности, в том числе и независимости от академической бюрократии. Мало того, «Факел» стал щедрым спонсором многообразной общественно-культурной жизни Академгородка, которая во второй половине 60-х гг. достигла невиданной за всю историю нашей страны активности. Можно сказать, что именно в Академгородке того периода прослеживался уникальный для России процесс зарождения элементов гражданского общества, включающего в качестве неотъемлемых его элементов экономическую независимость и общественную активность.

Не удивительно, что такого рода процесс вызвал растущее противодействие всех этажей бюрократии, начиная от районных и областных и кончая московскими инстанциями. В конечном счете с «Факелом» разделались с помощью финансовых органов: в мае 1970 г. Госбанк РСФСР запретил его финансовые операции. Затем еще около года продолжалась борьба за спасение «Факела», которая закончилась в 1971 г. закрытием фирмы.

Помимо прочего, такой финал свидетельствовал о дальнейшем ослаблении позиций СО АН и М. А. Лаврентьева во властной иерархии. Ведь на протяжении 1970–1971 гг. в различные московские инстанции была адресована целая серия документов за подписью председателя СО АН в защиту «Факела». Кульминацией этой небывалой активности стало обращение к Л. И. Брежневу, направленное в апреле 1971 г. от имени М. А. Лаврентьева и первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Ф. С. Горячева²⁵. Однако все это осталось «гласом вопиющего в пустыне».

Возвращаясь к ситуации середины 1960-х гг., следует подчеркнуть, что отмеченная демократическая линия в деятельности комсомола Академгородка не была определяющей в общественной жизни нашего наукограда. Как и в стране в целом, здесь все более дает о себе знать консервативно-охранительная тенденция. В связи с этим вряд ли можно согласиться со следующим высказыванием Л. А. Боярского (д-р физ. мат наук, многолетний руководитель киноклуба «Сигма»): «В Новосибирске оттепель закончилась не в 1964 году, как в Москве, а лишь в 1969»²⁶.

На самом деле еще до событий 1968 г. в результате действий партийно-идеологических структур шаг за шагом, пока что без особых эксцессов, на обочину общественной жизни Академгородка оттесняются его наиболее активные, независимо мыслящие элементы. Общественная атмосфера меняется на глазах, все более заметными становятся опасения «как бы чего не вышло». Еще раз напомним, что данные процессы развивались в русле общих тенденций, характерных для всей страны, в атмосфере непрерывного неосталинистского давления на всех, даже самых умеренных, инакомыслящих.

²⁴ Там же. Ф. П-269. Оп. 1. Д. 216. Л. 46, 49, 52, 67, 77, 78, 91, 105, 176.

²⁵ Публикацию документа см.: Век Лаврентьева. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. С. 449–450.

²⁶ «И забыть по-прежнему нельзя...»... С. 165.

Это не только вело к постепенному обеднению, а затем и деградации общественной жизни Академгородка, но и способствовало радикализации оппозиционных настроений. Данная тенденция наиболее рельефно прослеживается в деятельности самой известной неформальной структуры сибирского Города науки — клуба «Под интегралом». О ней наиболее детально повествуется в мемуарах его президента А. И. Бурштейна, которые, как представляется, являются весьма тенденциозным источником. Анатолий Израилевич Бурштейн изображает это сообщество прежде всего как объект давления со стороны партийно-идеологических структур, избегая давать политические оценки.

Еще более своеобразная интерпретация рассматриваемого феномена была дана в связи с 40-летием знаменитого «фестиваля бардов». По поводу этого юбилея в Академгородке прошел целый ряд ярких мероприятий, в т. ч. встреч участников событий 1968 года. При этом А. И. Бурштейн и другие «интегральцы» упорно повторяли, что их деятельность носила «чисто культурный характер», якобы, они были «вне политики». Это было довольно странно не только в плане полного несоответствия историческим реалиям. Казалось бы, постаревшие «шестидесятники» должны были, напротив, подчеркивать свои заслуги в идеологическом подрыве «чудовища коммунизма», как это делает, например, академик В. Е. Захаров. В целом ряде публикаций и интервью Владимир Евгеньевич с удовольствием вспоминает о формировании своих антикоммунистических взглядов уже к середине 1960-х гг.²⁷

Что касается версии об «аполитичности» клуба «Под интегралом», то конечно сложно делать суммарные оценки, однако стоит напомнить, что именно В. Е. Захаров был одним из лидеров этого клуба и даже автором его названия. Другой ключевой фигурой там был С. Л. Андреев. Сейчас опубликованы его художественные произведения 1960-х гг., которые шокируют крайним антикоммунизмом, а также ненормативной лексикой²⁸.

В связи с этим следует напомнить, что «лебединой песней» «интегральцев» стало проведение в марте 1968 г. знаменитого «фестиваля бардов», «гвоздем» которого были сенсационные выступления Александра Галича. При всем желании, их трудно упрекнуть в «аполитичности». Если называть вещи своими именами, то происходившее тогда в Академгородке правомерно квалифицировать как самую масштабную оппозиционную акцию в истории СССР второй половины XX в. — вплоть до перестройки. Историки это знали и раньше, а сейчас это особенно наглядно прослеживается по наиболее полной публикации мемуарных источников и устных свидетельств о данном событии. Речь идет о книге М. Аронова, где события марта 1968 г. в Академгородке прослежены буквально по часам²⁹.

В связи с этим бывший комсомольский лидер Академгородка В.И. Костюк отмечает: «Клуб —Под интегралом|, созданный при участии райкома комсомола ранее Совета творческой молодежи, отказался войти в Совет. Заняв, к сожалению, автономную позицию и став тем самым центром притяжения оппозиционных комсомолу (и советской власти, как в итоге оказалось) сил в Академгородке. <...> Для лидеров —Под интегралом| были характерны непонятные нам конспиративность и двурушничество, наиболее отчетливо проявившиеся при проведении фестиваля бардов в 1968 г.»³⁰.

В контексте всех рассмотренных тенденций, становится более понятной глубокая подоплека неоднократно упоминавшихся событий 1968 г.³¹ Они стали своего рода самым крупным «политическим кризисом» в истории Академгородка. Напомним, что начале 1968 г. 46 сотрудников СО АН и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против нарушения гласности в ходе судебного процесса над четырьмя московскими «диссидентами». Это послание было адресовано Верховному суду РСФСР и Генеральному прокурору СССР, его копии были направлены также Генеральному секретарю ЦК КПСС,

²⁷ См. напр.: Захаров В.Е. Мы были диссидентами Новосибирского Академгородка //Посев. 2006 № 6. С. 26–27.

²⁸ Андреев С.Л. Дым отечества. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 68 с.

²⁹ Аронов М. Александр Галич: Полная биография. М.: НЛЮ, 2012. 880 с.

³⁰ «И забыть по прежнему нельзя...» — С. 120.

³¹ См.: Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году...

Председателю Президиума Верховного Совета СССР и Председателю Совета Министров СССР, а также в редакцию газеты «Комсомольская правда». Однако далее события — по невыясненным до сих пор причинам — приняли неожиданный оборот: 23 марта информация о «письме 46-ти» была опубликована в газете «Нью-Йорк таймс», а 27 марта его текст был оглашен радиостанцией «Голос Америки» с указанием всех фамилий «подписантов», а также их научного и должностного статуса. По этому поводу зарубежные СМИ подняли шум о чуть ли не «восстании ученых» в Академгородке.

Данный инцидент вызвал чрезвычайно негативную реакцию властей, тем более что не прошло и месяца со времени скандального «фестиваля бардов». В связи с названными событиями по распоряжению руководящих партийных инстанций была развернута массированная «проработочная» кампания: во всех учреждениях Академгородка были проведены соответствующие мероприятия (партийные и общие собрания, заседания ученых советов и т. п.), где «подписанты» подвергались почти единодушному осуждению. В итоге члены КПСС И.С. Алексеев, Л.Г. Борисова, В.А. Конев, Э.С. Косицына, С.П. Рожнова, Г.С. Яблонский получили партийные взыскания, в том числе трое последних были исключены из партии. Были отстранены от преподавания в НГУ известные ученые Г.П. Акилов, А.В. Гладкий, М.М. Громько, Г.М. Заславский, А.И. Фет, М.И. Черемисина, А.Б. Шабат.

Итоги и последствия событий 1968 г. для Академгородка, видимо, были неоднозначны. Позитивом было то, что в результате твердой позиции М.А. Лаврентьева и ректора НГУ С.Т. Беляева участники оппозиционных акций не подверглись жестким репрессиям (во всяком случае, не было не только арестов, но, как правило, — и увольнений). Однако, по общему мнению, общественная атмосфера в Академгородке с этого времени существенно изменилась, причем характер этих перемен сложно свести к одному вектору. Как бы то ни было, в последующий период наблюдается определенная стабилизация отношений между научно-образовательным сообществом и властными структурами в вопросах идеологии. Общественная жизнь сибирского Города науки теперь маркируется новыми направлениями (например, «интердвижение»), которые не вызывают претензий со стороны партийно-идеологических инстанций.

В целом же все более усиливаются консервативно-охранительные тенденции, что становится особенно заметным в условиях неуклонного падения рейтинга СО АН во властной иерархии. Изменение общественной атмосферы Академгородка наглядно прослеживается в событиях 1979 г., которые стали в это время одним из немногих ярких проявлений общественной жизни не только ННЦ, но и страны в целом³². В начале указанного года в обком КПСС и другие партийные инстанции была направлена «Записки о проблеме создания культурно-научного центра в развитие идей Н.К. и Е.И. Рерих». Она была подготовлена группой энтузиастов этого учения, среди которых выделялись А.Н. Дмитриев (в настоящее время известный геофизик, автор многих работ по проблемам взаимодействия Земли и космоса) и Ю.М. Ключников (сейчас — известный поэт и философ). При этом если «письмо 46-ти» представляло собой небольшой текст с вполне конкретными и весьма частными требованиями, то упомянутая записка являлась обширным произведением с изложением определенного мировоззрения. В сущности, здесь были сформулирована цельная концепция духовного обновления страны на базе своего рода синтеза марксизма и «Живой этики» (учения Н.К. Рериха). Характерно, что авторы «Записки» не только не были противниками существующего строя, но, напротив, выступали с позиций его защиты, последовательно выражая свою приверженность социализму и «идеям Ленина». Разумеется, это сейчас может восприниматься неоднозначно. Записка стала единственным в тот момент таким проявлением инакомыслия не только в Академгородке, но и в целом в стране. Действия «подписантов» вызвали негативную реакцию официальных органов, неоднократно осуждались на различных собраниях и заседаниях, трое участников этой акции, будучи членами КПСС, едва не были исключены из партии (получили строгий выговор).

³² См.: Кузнецов И. С. Инакомыслие в Новосибирском Академгородке...

Весьма показателен ход обсуждения в соответствующих коллективах: в отличие от 1968 г. не прослеживается стремления объективно подойти к ситуации, преобладает набор разоблачительных штампов. При чтении соответствующих протоколов иногда возникает сомнение, действительно ли это происходило в Академгородке, в сообществе «суперинтеллектуалов».

В дополнение к сказанному следует добавить, что в таком неблагоприятном повороте в «деле рериховцев» немалую роль сыграли не только партийные бюрократы, но и некоторые представители научного сообщества. Позиция партийных чиновников, которые, естественно, не были компетентны в учении Н.К. Рериха, в значительной степени сформировалась под влиянием экспертов-философов. Проведение экспертизы взглядов участников «инициативной группы» обком КПСС поручил докторам философских наук В.П. Фофанову и В.В. Целищеву, которые дали однозначно негативное заключение. Видимо, это также в какой-то мере характеризует моральную атмосферу Академгородка в конце «застойного периода».

Можно предположить, что рассмотренные процессы в немалой степени определили основные векторы общественной жизни нашего наукограда в последующие времена — в годы «перестройки» и в посткоммунистический период. Академгородок, ранее слывший «оазисом свободы», не блеснул в период «перестройки» какими-то особенно яркими проявлениями демократической активности. Зато в это время сибирский Город науки «прославился» на всю страну деятельностью «Добровольного общества трезвости», разделявшего ориентиры пресловутой организации «Память». Антисемитские выпады «дотовцев» вынудили райком КПСС объявить выговор А.А. Гордиенко³³, который в последующие годы до недавнего времени являлся главой администрации Советского района.

Сейчас, как известно, Академгородок не отличается особой общественной активностью, хотя, казалось бы, для нее есть особые основания, — хотя бы для спасения его зеленой зоны, а теперь и в защиту РАН. Что касается политических ориентаций, то в сибирском Городе науки, как нигде, сильны позиции КПРФ. Как же «оазис свободы» превратился в «крепость коммунизма»? Сыграли в этом определяющую роль современная социально-экономическая ситуация или предшествующий ход событий — многолетнее подавление всех активных и инакомыслящих представителей научного сообщества? Для объективного ответа на эти вопросы необходимы дальнейшие фундаментальные историко-социологические исследования.

³³ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 32. Д. 7. Л. 142; Там же. Оп. 34. Д. 1. Л. 42.

РАЗДЕЛ II ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ, ПУБЛИЦИСТИКА, ВОСПОМИНАНИЯ

О.А. Донских (НГУЭиУ)

О НАШЕЙ ПАМЯТИ

История России последнего столетия радикально пересматривалась по крайней мере три раза. Это создало ситуацию, что можно и выгодно «ловить рыбку в мутной воде», и любая даже весьма легковесная позиция способна себя оправдать. В частности, неоднократно переоценивались события Февральской и Октябрьской революций и участвовавшие в них деятели. Соответственно кардинально менялись оценки того, что было связано с этими событиями: это касается роли большевиков и других партий, того, что произошло с Учредительным собранием, и т.д.

Возьмем образы вождей. Легко показать, насколько по-разному оценивалась роль Ленина и Сталина. Если первоначально их деятельность представлялась хотя бы относительно близкой к реальности, то уже сразу после смерти Ленина его начали активно превращать в икону. Достаточно сравнить очерки Горького «Ленин». Первый был написан к пятидесятилетию вождя, где Горький определяет Ленина как «гильотину, способную мыслить». Второй был написан в 1924 году и неоднократно редактировался, особенно в части упоминаний Троцкого. И образ поднимался все выше и выше до песен со словами «Ленин — это весны цветенье...»

Сталина начали превозносить с конца 20-х годов. Если в книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» Сталин катастрофически уступает тому же Троцкому, то движение его к абсолютной власти прямо коррелирует с ростом культа личности. То, что происходило во время празднования его семидесятилетия, вполне граничит с безумием. К юбилею были срочно созданы «народные» песни вроде «Хорошо у нас в колхозах, Чаем мы богаты, Поспевают мандарины В Хварбети, Чонкати. Мысли Сталина повсюду, — Он взрастил все это. Мы поем о нем, заботой Сталинской согреты». Или «Стал народов надеждой ты, Солнцу блеск твой подобится, Там, где пешим тащился я, Ныне мчусь на автобусе. Мы готовы, как Берия, На труды на могучие, Ученик твой вернейший он, Сам работая, учит нас». (Цитаты взяты из книги «Поэзия Грузии. М.-Л.: Госиздат, 1949.)

Естественно, что возврат к реальному образу диктатора во время хрущевской оттепели был уже невозможен. Потому что вместо объективного представления шла реакция на искусственный образ. Икону нужно было вывалить в грязь. Соответственно, следующий пересмотр был реакцией на реакцию, и т.д. А результат всех этих движений в области памяти состоит в том, что Сталин, согласно опросам, остается одним из трех самых великих россиян, иногда уступая Петру и Пушкину и, как правило, несколько превосходя Ленина.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что если память государства определяется его принятой идеологией и относительно последовательна, то память народа, которая с памятью государства не совпадает, кардинально различается у разных социальных групп. Понятно, что импульс к позитивному образу диктатора дает чувство унижения, которое нация испытала в конце брежневского времени, а затем во время саморазрушительного признания поражения в Холодной войне в период перестройки и образа президента, который далеко не всегда удерживался в образе лидера великой страны. И это после того, как СССР был одной из двух сверхдержав. И уж, конечно, вовсе не позитивный и вполне

оскорбительный образ страны рисуется, когда думаешь о той нефтегазовой игле, на которую Россия наколота как бабочка у западного коллекционера.

Думается, что самая серьезная проблема с нашей государственной и народной памятью состоит в том, что целый ряд периодов в истории не оказался однозначно осужденным, и в результате возможны (в зависимости от линии руководства) регулярные переоценки прошлого «в сторону объективности». И если обнародование Хрущевым на 20-м съезде даже небольшой толики того, что происходило в 30-е годы, вызвало шок. А дальше незавершенная оттепель, и, несмотря на работу комиссии по реабилитации и т.п., позже, особенно в брежневское время (которое только москвичи по известным причинам вспоминают как положительное, особенно период Олимпиады 1980, когда «было все в магазинах и никаких приезжих»), начинается пересмотр оттепельных перегибов и утверждение их исторической необходимости.

По этому поводу хочется заметить следующее. Численность населения России составляет на 2012 год около 145 млн человек. А возьмем те данные численности, которые приводит замечательный наш ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Примерно столько жителей было в России между 1905 и 1906 гг. По его оценке в 1910 в России должно было проживать 155,6 млн человек, в 1950 — 282,7 млн, в 2000 — 594,3 млн. Т.е. к концу XX века Россия не досчиталась примерно 450 млн человек. Мне представляется, что одной этой цифры достаточно, чтобы оценить качество управления страной. Это цена за то, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомным оружием. Не слишком ли большая?

Конечно, тут вмешиваются и объективные процессы вроде переселения в города и последующего естественного снижения рождаемости. Но нигде в мире урбанизация не проходила в такой чудовищной форме, как коллективизация. Да и нынешнюю ситуацию опустошения деревни вряд ли можно назвать естественной. И когда говорят о репрессиях, следует иметь в виду и то, как это отразилось на возможности начала войны с Германией. Из воспоминаний Кейтеля известно, что он отказывался от разработки плана «Барбаросса» до тех пор, пока Гитлер ему не сказал: «А чего бояться, у них же все лучшие военачальники репрессированы?»

Совершенно справедливо пишет И.С. Кузнецов, когда констатирует необычайно резкую «политизированность и поляризацию концептуальных подходов» (Кузнецов И.С. Проблемы истории России 1941–1991 годов. Новосибирск: НГУ, 2013. С. 15). Это говорится по отношению к историографии Великой Отечественной войны, но абсолютно то же самое можно сказать в целом о послереволюционной истории и в ретроспективе об истории России в целом. В конечном счете история оказывается игрушкой, которой можно вертеть как угодно. По-видимому, единственный способ избежать непредсказуемости нашей истории — это однозначно оценить определенные события. Так, представляется, что если бы та же коллективизация была безоговорочно осуждена, наряду с некоторыми другими преступлениями советского периода, то уже невозможен был бы возврат к «объективизму» за счет отрицания очевидного.

Можно представить себе, как отнеслись бы в США к учебнику, в котором рабство было бы представлено как объективно необходимый процесс, который имел важную позитивную составляющую, хотя бы и наряду с отдельными негативными проявлениями. Или как в Германии отнеслись бы к историческому исследованию, доказывающему, что Гитлер задал импульс немецкой промышленности, объединил нацию, расширил территорию страны, и т.д., и хотя это происходило с отдельными перегибами, вроде концлагерей, и закончилось поражением, в целом это было позитивно? Самое интересное, что, базируясь на однозначном осуждении фашизма, мы требуем от других стран соответствующих реакций на неофашистские проявления. Эти требования выглядят весьма лицемерно при том, что мы отказываемся негативно оценивать репрессии в отношении к церкви, заданные, в частности, руководящим письмом Ленина в 1922 г. по поводу шуйских событий, уже упомянутую коллективизацию, которая спровоцировала чудовищный голод, использование ядовитых газов при подавлении крестьянского

восстания в 1921 г., и некоторые другие преступления.

Возникает интересный провокационный вопрос: а нужна ли народу объективная история? И в пользу ее нужности не так легко найти аргументы. Но, по крайней мере, можно привести такой: история великой страны должна объединять нацию. Здесь сразу напрашивается аргумент, что история никому ничего не должна и что, более того, будучи наукой, она принципиально не может писаться в модальности долженствования. Но восприятие истории от чувств не освобождает. Скажем, если мы читаем сухое изложение дела какого-нибудь насильника и убийцы, то объективность изложения фактов не означает, что мы принимаем его преступления как данность. И точно так же объективность истории не достигается за счет превращения палачей в эффективных менеджеров, что делается для того, чтобы оправдать любое насилие. В русской истории достаточно великих деятелей, которые работали на единство нации, не будучи палачами.

Несколько слов о едином учебнике истории. Здесь произошла некая подмена понятий и представлений. Да, перед войной появился «Краткий курс истории ВКП(б)», который давал образ партии и ее вождя в духе Эпоса о Гильгамеше. После осуждения культа личности появляются его поправленные варианты, сохранявшие основные вехи и главные акценты. После Перестройки появляется множество учебников, по-разному трактующих разные этапы нашей истории. И это на фоне общей деградации образования. В результате школьники в большинстве своем просто перестали знать историю. Сейчас поставлена задача написать один учебник, который не будет политизированным и объективно ответит на все вопросы, избегая полярных оценок. (Попутно замечу, что в США несколько сотен учебников для школ и университетов. И они написаны с разных позиций. Здесь и либерализм, и консерватизм, и религиозный фундаментализм. Но в то же время есть ряд исторических событий, отношение к которым вполне четко определено.) По-видимому, коллективизация будет выглядеть так: с одной стороны существовала объективная необходимость индустриализации страны, которая в условиях враждебного окружения вынуждала государство идти на тяжелые меры в отношении крестьян... С другой стороны, колхозное строительство не обошлось без перегибов... Такой подход кажется объективным лишь на первый взгляд, только если мы не принимаем в расчет ценностной природы культуры. Если государство оказывается за пределами человеческого, событие должно быть оценено соответствующим образом. Этого требует ценностная установка на гуманизм.

Дело вовсе не в едином учебнике, а в объективно оправданной оценке определенных событий. Если этого нет, то никакой учебник положения не поправит. Дело не в нем, а в нашей больной памяти.

А.Ф. Ярошенко

ПОЛУПРАВДА О РЕПРЕССИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ НЕ ПРИНЕСЕТ

Ярошенко Андрей Федорович в 1945 г. участвовал в военных действиях в Маньчжурии. После окончания войны служил в воинских частях на территории Китая, затем в СССР. Завершая военную службу, учился заочно, получил высшее образование (историк). Защитив кандидатскую диссертацию по военной истории, долгое время преподавал студентам историю партии в НЭТИ. Выйдя на пенсию, посвятил себя, наряду с историческими исследованиями советского периода, литературному творчеству. Его произведения (стихи, рассказы) напечатаны в литературных журналах. Пишет и в жанре публицистики.

28–29 октября 2013 года, в Новосибирской государственной областной научной библиотеке состоялся научно — практический семинар «Репрессированная сибирская провинция».

Вел заседания и выступил с докладом «Доктрина и технология сталинского насилия: идентификация, дискриминация, репрессии» заведующий кафедрой отечественной истории НГУ, профессор, д.и.н. Красильников Сергей Александрович.

Приветствие семинару и пожелание успехов прислали уполномоченный по правам человека Российской Федерации Владимир Лукин и председатель правления международного общества «Мемориал» Арсений Рогинский.

Однако Правительство Новосибирской области и мэрия города Новосибирск семинар игнорировали. Ни присутствия, ни приветствия¹. В эти дни, как потом выяснили, у них были более важные мероприятия. Не потому ли город Новосибирск пестрит символами прошлой эпохи, что некоторые руководители все еще не осознали трагедию, совершенную советской властью над народом своей страны, когда были уничтожены без суда и следствия миллионы лучших людей — генофонд нации, чего не совершало ни одно государство, ни в один исторический период, ни одним диктатором! Ведь уничтожали не просто свой народ, как иногда бывало и в других странах, а уничтожали миллионы ЛУЧШИХ представителей своего народа! Уничтожали мгновенно, после липовых приговоров, чего не делал даже Гитлер. Эрнста Тельмана — вождя немецких коммунистов, своего главного политического противника, казнили почти через десять лет после приговора, в 1944 году, когда исход войны уже был виден.

Мы не называем политику культа, террора фашизмом только потому, чтобы не обидеть чувства тех, кто перенес трагедию немецкого фашизма. Но заглянем в большой толковый словарь: фашизм — «Латинское слово пучок прутьев, в Древнем Риме служивший символом власти. Политическое течение, в основе которого лежит идеология культа сильной власти, вождизм...». Ну и дальше те последствия. Разве в Советском Союзе было по- иному? Почему же и сегодня многие требуют вождя, а кое-кто даже его пытается создать, «вылепить»? Потому, что не осознали той трагедии, которую пережил народ нашей страны. Вот где наша недоработка, вот где наше поле деятельности.

На семинаре с докладами выступили больше тридцати человек, из них: пять профессоров — докторов наук, семь кандидатов наук, ветераны Великой Отечественной войны, бывшие узники сталинских лагерей, аспиранты, преподаватели общеобразовательных школ. Были и средства массовой информации.

Выступающие дали массу нового материала, привели новые факты, подтверждающие последствия вождизма. Были высказаны предложения и пожелания по дальнейшей активизации работы правозащитного общества «Мемориал». Однако, здесь можно и нужно использовать Программу Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте Российской Федерации: «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Но никакая Программа не может быть выполнена, если в ней не будет решаться первостепенная задача — разъяснительная работа среди населения, и прежде всего, среди школьников, молодежи вообще. Всякая неосознанность, «вероломство» в такой работе, наносит только вред и действует противоположно.

Доведение до глубокого сознания опасности властных методов репрессий важно, быть может, больше для будущего, чем для тех, кто уже это пережил. Если нынешнее поколение, особенно молодежь, не осознает той трагедии, то и нет гарантии, что она не повторится в нашем государстве. В этом ответственность нашего старшего поколения. Непосредственно в период подготовки к юбилею — 70-летию Дня Победы, очевидно, необходимо всю разъяснительную работу сосредоточить на разъяснении вреда,

¹ В работе семинара принимал участие, начальник отдела по взаимодействию с общественно-политическими организациями управления общественно-политических связей министерства региональной политики Новосибирской области, к.и.н. Виктор Зеленцов — член оргкомитета семинара. Мэрию оргкомитет

неприглашал, и это наше упущение (прим. АР).

нанесенного в 1937–1938 гг. вооруженным силам нашей страны, в результате уничтожения сотен тысяч командиров советской армии всех уровней. Именно это явилось одной из главных причин того, что в первые дни Великой Отечественной войны миллионы наших солдат и офицеров попали в плен, была уничтожена техника, самолеты... оккупирована большая территория Советского Союза и миллионы граждан оказались в нацистском рабстве. Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, А.М. Василевской и другие высокие военачальники, в своих мемуарах дают однозначную оценку: репрессиям 1917–1938 гг. Г.К. Жуков назвал их «...противоестественными, не обоснованными, совершенно не отвечающими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 году... в нарушение социалистической законности...». А уж кому лучше знать, как не этим Великим полководцам! Да, победили! Но какими жертвами, и почему вынуждены были приносить такие жертвы? Причина в значительной мере и от репрессий. Это тоже надо учитывать, оценивая «полководческую гениальность» вождя.

Следующее: по увековечению памяти, — создание памятников, наименование школ, институтов, библиотек, улиц, но ко всем таким новшествам необходимо готовить народ, тогда и «большинства» будет меняться сознание и понимание в оценке той трагедии. При царской власти народ воздвигал огромные храмы, памятники, не привлекая государственных средств. Людей мобилизовала Церковь. Не может быть мира, стабильности в обществе, когда душа не сострадает.

Следующее, проведение олимпиад в школах, других учебных заведениях, написание рефератов... Например, в городе Норильске, практикуются такие мероприятия в школах, как конкурсы на темы политических репрессий в советское время. Доклады на такие темы, как «Дети в сталинских лагерях», «Лагерные дети, рожденные в заключении». Были дети врагов народа, чьи родители были арестованы по 58-й статье. В 1936–1938 гг. дети старше 12 лет осуждались особым совещанием по статье «член семьи изменника родины». Указ от 10 декабря 1940 года предусматривал расстрел детей, начиная с 12 лет за «повреждение ...железнодорожных или иных путей». Все эти документы, а их в интернете достаточно, необходимо доводить до школьников, студентов, до молодого поколения.

Можно использовать такую форму работы, как встречи с узниками ГУЛАГа. Такие люди еще есть. Коли Совет при Президенте признал ответственность СССР за геноцид², за политические репрессии, то нельзя достичь примирения в обществе, занимая позицию страуса пряча голову в песок и создавая вид, что примирение придет само собой. Однако, Закон, который бы ограничивал пропаганду сталинизма, как вредную, антинародную идеологию не принят. Здесь никакие оправдания не могут быть приняты. Его отсутствие позволяет некоторым чиновникам, ученым и работникам правоохранительных органов, своей демагогией вносить раздор в российское общество, неразбериху в школьные программы. Затрудняет работу учителей-историков. Отсутствие закона позволяет не только игнорировать предложения Совета, но и отвергать факт политических репрессий. Сталинисты поставили предложения Совета на рейтинговое голосование, где большинство высказалось против предложения Совета. Наблюдать со стороны такие факты, недопустимо.

После анкетирования начали высказываться предложения, что политические репрессии были закономерны, а стало быть, и реабилитации никакой быть не может. Начали предлагать — внести в школьные учебники понятие о политических репрессиях, как о закономерном явлении, а главного организатора и руководителя террористического штаба, пытаются обелить и вновь поднять на пьедестал. Обелить палачей и предать забвению миллионы их жертв!?

² В законодательном порядке факты геноцида народов Советского Союза признаны Федеральным законом «О реабилитации репрессированных народов» №1107-1 от 01 июля 1993 года (прим. редактора).

Недопустимо использовать принцип: «При Сталине было много хорошего». Но сколько было уничтожено лучших людей своей страны ради того «хорошего». Страна развивалась бы и без него, как она развивалась и при царском режиме. Но речь идет не о развитии страны вообще, а об уничтожении лучших человеческих жизней. А человеческие жизни цены не имеют, и при их сохранении несомненно страна развивалась бы еще лучше и быстрее. А главное, недопустимо ставить вопрос о виновности или невиновности, обелять главаря, да и весь штаб террористов — Политбюро той партии, по прямому указанию которых уничтожены миллионы невиновных граждан нашей страны.

По той же причине нет смысла и сравнивать любых государственных деятелей различных эпох: кто был лучше, кто больше сделал для страны, а кто меньше. И при Петре I, и при Иване Грозном, и при других Царях много было жертв, но многомиллионного уничтожения ЛУЧШИХ людей своей страны, во всех сферах деятельности, не было ни при одном правителе.

Материальные успехи не могут перевесить духовность — человеческие жизни.

Почему Российская власть, все еще не заняла принципиальную позицию по данному вопросу, и тем самым дает «подкормку» демагогам?

Почему все еще недоступны архивы даже 80-летней давности и российским гражданам, и ученому миру?

Вот где причина отсутствия национального примирения. Вот где причина того, что у многих душа не сострадает.

Ибо нет полной П Р А В Д Ы ! А полуправда примирения не принесет.

Г.М. Чичулин (НГО РФ «Колокол»)

КОГДА ЖЕ РОССИЯ ПОБЛАГОДАРИТ СВОИХ РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН И ИЗВИНИТСЯ ПЕРЕД НИМИ?

Мы — дети наших отцов, матерей, прошедшие ГУЛАГ, собрались здесь, чтобы еще раз вспомнить 30–50 гг. 20 века — годы террора.

Поводом были политические, идеологические, церковные мотивы расстрела сотни тысяч безвинных людей, а также высылки их на стройки и другие объекты. Салманов, Урванцев, Королев, Туполев и многие другие внесли громадный вклад в создание индустриальной мощи страны, в повышении ее обороноспособности. Другие пилили лес, строили каналы, шахты, возводили Магнитку, Норильский комбинат, Беломорканал, Днепрогэс и другие объекты индустрии. В трудовых сражениях они несли потери не меньшие, чем на фронте. Собрав по ГУЛАГам бывших военачальников, и ценою многочисленных народных

жертв удалось переломить ход войны. Об этих людях не говорят как о защитниках Отечества. О них говорят как о людях обиженных и несчастных, но не как героически трудившихся, несмотря на ежедневную угрозу смерти.

Но если даже репрессированных считать только жестоко и несправедливо обиженными, то перед ними по всем цивилизованным законам положено извиниться. Немцы (в лице канцлера Коля) принесли извинения евреям за их преследование в нацистской Германии. Японцы извинились перед народами, против которых воевали. Даже Папа Римский извинился перед всеми людьми за грехи католической церкви. А у нас извинений не положено! Выходит, всё, что происходило с репрессированными, как бы ими заслужено?

Мы ни разу что-то не можем услышать в каком-то учреждении (правоохранительном,

судебном и т.д.), чтобы перед репрессированными извинилось какое-то официальное лицо.

Процесс покаяния у нас начался и закончился Федеральным законом «О реабилитации жертв политических репрессий», в котором были установлены некоторые льготы

реабилитированным. Этим законом начался процесс покаяния, им и закончился! Но он после многократных редакций превратился в глумление над пострадавшими. Согласно ему компенсация за незаконно отобранный дом ограничена 10 тысячами рублей, а компенсация за десятилетия рабского труда оценивается менее чем по полбуханки в месяц. Вот и всё.

У наших СМИ тоже пропал интерес к теме репрессий. Репрессий больше нет. Когда мы покаемся, то это будет означать признание страданий жертв политических репрессий, принесение им извинений и примирений.

По православной христианской традиции страдания человека, его смертные муки — это и есть подвиги. Но мы это забыли?

Конечно, в сталинские и послесталинские времена об этом и не могло быть и речи. Жертвы репрессий были просто изгоями. В эту касту легко было попасть, но уйти — невозможно. Выжившие и возвратившиеся домой должны были молчать, что с ними было. А что сейчас? Жертвы репрессий не достойны извинений, об этом не сказано даже в справке о реабилитации. Они не достойны называться защитниками Отечества, хотя самоотверженно работали на благо страны, трудились на износ, стояли насмерть, как на фронте. Их никогда не поблагодарили за труд, не говоря уже о медалях. От родственников реабилитированных до сих пор скрывается, где они были расстреляны и упрятаны в землю. А сегодня в Новосибирске прах их собирается экскаватором и вывозится на свалку.

К ним отношение такое же, какое было определено им великим вождем и учителем¹.

Не пора ли изменить эти ненормальные традиции, противоречащие принципам человеческой и христианской морали? Поэтому трудно ожидать положительных сдвигов в нравственном развитии общества.

К.Я. Витман (НГО РФ «Колокол»)

О ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

28 августа 2013 года исполнилось 72 года со дня издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Этот документ стал очередной черной страницей в истории народа российских немцев и начала их национальной трагедии. Весь народ полностью был необоснованно огульно обвинен в пособничестве врагу и поголовно незаконно репрессирован по национальному признаку.

В результате последовавшей противоправной насильственной депортации российские немцы в 1941 году были незаконно лишены своей республики, общественной и

¹

«4.2. Приговора по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение...» [Секретный](#)

[оперативный приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г.](#) «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

частной собственности, вывезены и дисперсно расселены в Сибири и Казахстане. Аналогичной была участь российских немцев, проживающих на Украине, Кавказе и других районах Советского Союза.

Затем все взрослое население российских немцев, в том числе и женщины, на все время войны было мобилизовано в трудовую армию, в основном, в условиях ГУЛАГа, где около 450 тысяч из них погибли от каторжного труда, голода и холода.

Нет надобности описывать все то, что произошло и происходило в начале 40-х годов и в послевоенное время — об этом было немало публикаций.

Сделаем краткий вывод. Десятилетия сохраняется преследование российских немцев по национальному признаку, послевоенное спецпоселение (комендатура) «навечно», длительная дискриминация по национальному признаку, запрет на использование немецкого языка и на получение образования — все это явилось прямым ограничением их конституционных прав и основательно подорвало основу национального существования, сохранения и развития народа, его культуру, образования и языка. Официальное отождествление российских немцев во время войны с врагом определило общественное мнение и отношение к ним на долгие десятилетия. Такое отношение государства к российским немцам нельзя квалифицировать иначе как геноцид.

Нельзя сказать, что российские немцы мало прикладывали усилий для изменения отношения к ним со стороны государства. За эти десятилетия осуществлялись невероятные усилия общественности российских немцев для цивилизованного решения их проблем. Конечно, какие-то проблемы были решены, но второстепенные.

А основная стратегическая проблема — восстановление государственности российских немцев путем их полной реабилитации осталась не решенной. Этого добиться не удалось. Имеется в виду ее решения и осуществления по тому принципу, как она осуществлена по отношению других репрессированных во время войны народов России (чеченцев, калмыков, кабардинцев, балкар и др.). Российские немцы остались не реабилитированы — единственные из всех репрессированных народов. Почему? На этот вопрос должно ответить руководство России. А оно не желает это делать, а, возможно, и не будет, т.к. это связано с историей Великой Отечественной войны.

Объективности ради надо отметить, что в самом начале 90-х годов появилась надежда, что наконец-то сдвинули с мертвой точки проблему полной реабилитации российских немцев. Возможно, это был маневр в национальной политике России. Имеется в виду издание Закона «О реабилитации репрессированных народов» и Протокол Межправительственного российско-германского соглашения о поэтапном восстановлении государственности российских немцев. Появившейся надежде было суждено недолго существовать. Похоронил эту надежду первый президент России Борис Ельцин, издевательски предложивший российским немцам вместо республики поселиться на военном полигоне (Капустин Яр), выкапывать там снаряды с помощью Германии.

Вдумайтесь в этот выпад по отношению к своему народу России — российским немцам. Что можно ждать в будущем после такого заявления президента России. Этот шаг перечеркнул веру и надежду в справедливом решении проблемы российских немцев в России. И результат не заставил себя долго ждать, основная масса российских немцев около 2,5 млн человек, потеряв веру и надежду, уехали в Германию¹.

А ведь российские немцы были одними из самых трудолюбивых, талантливых, преданных и законопослушных граждан России. И они ведь не пришли в Россию как вооруженные колонизаторы, а пришли как мирные колонисты, приглашенные Российской Империей как свободный и привилегированный народ. Поселились на. Периферии Российской Империи, осваивая её окраинные земли и тем самым расширяя

¹ В общей сложности, по данным Министерства внутренних дел ФРГ, в Германию с 1950 по 2006 год переселилось 2 334 334 российских немцев и членов их семей. (прим. редакции).

границы её территории, увеличивая её богатство и могущество, в течение нескольких веков верой и правдой служа России. Это уникальный случай в мировой истории трагедия российских немцев — это крупный промах России в её национальной политике, дипломатии и экономике. Где подобающая преемственность и ответственность, обязательность власти государства Российского?

Далее в последние примерно 15 лет в России, по сути, почти перестали заниматься национальной политикой. Ликвидировали Министерство по делам национальностей, передав выполнение его функции Министерству регионального развития Российской Федерации, чиновники которого, судя по их работе в национальной политике, не наделены и не обладают соответствующими полномочиями для решения подобного рода вопросов. Практически в этот период любой неудобный вопрос к властям в части национальной политики на любом уровне власти встречался стеной молчания.

После самой масштабной эмиграции в 90-х годах XX века и её существенного спада к Всероссийской переписи населения 2002 г. в России осталось 597,2 тыс. человек российских немцев, в том числе семей со смешанным браком в пределах 80 %. Это свидетельствует, что народ, российские немцы, находятся на грани исчезновения из-за ассимиляции. Естественно российские немцы предпринимают и будут предпринимать всё от них зависящее, чтобы избежать последнего. Им не нужна полная ассимиляция. А нужна полная реабилитация.

В России национальная политика, как уже отмечалось, возложена на Минрегионразвития РФ. В чем суть национальной политики Минрегионразвития по

отношению к российским немцам? Идеология этого Министерства коротко состоит в следующем. Для возрождения, сохранения и развития российских немцев, как народа, предложено по всей стране организовать культурные центры Российско-Немецкие дома {(РИД), центры встреч (ЦВ.), клубы и т.д.}. Их в связи с дисперсным проживанием немцев в России уже насчитывается около 400.

Причем на оплачиваемых должностях в этих центрах работает мизерное количество российских немцев и то, только те, кто поддерживает эту идеологию, а основная масса работающих в них — не российские немцы. По нашему мнению, это не плохое решение по созданию рабочих мест для сокращения процента безработицы в России. Некоторые культурные центры превращены в центры раскола движения российских немцев. Используя административный ресурс и финансовую возможность, они оказывают давление на сторонников полной реабилитации.

Потолок возможности этих культурных центров ограничен: они могут организовать художественную самодеятельность, организовать шумный, помпезный фестиваль и то с привлечением артистов профессионалов, отметить какие-то торжественные даты, выставки и т.д. Решение и постановка каких-либо национальных вопросов не в их компетенции. Им такое право не дано.

Теперь вдумайтесь сами как этой идеологией, т.е. этими культурными центрами можно возродить, сохранить и развить народ численностью 597,2 тыс. человек, проживающих дисперсно от Владивостока до Калининграда?

О каком возрождении, сохранении и развитии народа может идти речь при полном отсутствии у российских немцев:

- какой-либо собственной базы (экономической, правовой и т.д.);
- государственности;
- компактного проживания;
- детских дошкольных учреждений;
- школ;
- средних и высших учебных заведений;
- театров;
- телевидения;
- радио и т.д.

На наш взгляд эта циничная политика, практически, приводит только к полной ассимиляции. Наверное, легче и проще построить коммунизм в России, чем этой идеологией возродить, сохранить и развить народ.

Ликвидировав АССР НП, государство отобрало у российских немцев не только всё вышеуказанное, но даже и общечеловеческие ценности: Отечество — Родину, семью, церковь, честь и так далее, чтобы сделать их народом «перекати поле», людей не помнящих родства.

Практически по отношению к российским немцам в настоящее время в России продолжается советский геноцид, но только в более мягкой, но изощренной форме.

Наиболее убедительным и объективным доказательством этого являются данные Всероссийской переписи населения, проведенной в октябре 2010 г. Согласно этой переписи российских немцев осталось в России 394,1 тыс. человек. Следовательно, с 2002 по 2010 г. их численность сократилась более, чем на 200 тыс. человек или более, чем на треть стало меньше в течение 8 лет.

Цель этой статьи привлечь внимание российского общества к позорным для России фактам, что геноцид российских немцев в России продолжается при попустительстве международного сообщества, что совершенная в годы войны несправедливость по отношению целого народа до сих пор не изжита. Это тем более важно, что другие пострадавшие от геноцида народы были реабилитированы, смогли вернуться на родину и восстановить свою государственность. Российские немцы не могут пробить стену молчания и достучаться до руководителей России по решению проблемы их полной реабилитации в соответствии с Федеральным законом «О реабилитации репрессированных народов»

№1107-1 от 26 апреля 1991 года и Протокола от 10 июля 1992 года Межправительственного Российско-Германского Соглашения.

Протоиерей Игорь Затолокин (Искитимская епархия РПЦ)

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ ЦЕРКВИ РУССКОЙ В НОВОСИБИРСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Доклад был прочитан на конференции, посвященной 400-летию учреждения Дома Романовых и 1025-летию Крещения Руси

XX век для Русской Православной Церкви стал веком мученическим. В России миллионы наших соотечественников — православных христиан — отдали свою жизнь за веру Христову. Десятилетия советской эпохи были связаны с репрессиями, с наибольшей жесточенностью направленными против Русской Православной Церкви. В научной литературе приводятся данные, согласно которым только за 1937–1938 гг. было арестовано более ста шестидесяти тысяч священнослужителей, из которых более ста тысяч были расстреляны. За 70 лет Россия потеряла более семидесяти тысяч храмов, были закрыты и разрушены сотни монастырей.

Особенно много верующих пострадало в Сибири, их привозили сюда со всей России. Сибирь стала именоваться «Российской Голгофой».

Вот уже 13 лет Русская Православная Церковь отмечает День памяти святых новомучеников и исповедников земли Русской. Число новопрославленных святых сегодня превышает 2000 человек, их память совершается почти 300 дней в году.

На Архиерейском Соборе 2011 года был принят документ, касающийся сохранения памяти новомучеников и исповедников Российских, в котором дана развернутая программа по распространению их почитания, а также подведен итог XX столетию, одному из самых трагичных и кровавых, с большим количеством жертв, причем имевших

место в условиях отсутствия войны. В марте 2013 года был создан Церковно-общественный совет по увековечению памяти новомучеников и исповедников Российских, призванный проводить в жизнь решения Собора.

С 1993 года в Новосибирской епархии ведется сбор сведений о священно- и церковнослужителях и мирянах, подвергшихся политическим репрессиям. После крушения Советского Союза для исследователей стали доступны прежде закрытые архивные фонды, многие документальные материалы о гонениях на Церковь.

По-новому предстала та страшная реальность, в которой жили и совершали свой мученический подвиг во имя Христа новые святые Его Церкви. Эта часть истории нашего народа, нашего Отечества десятилетиями преподносилась в искаженном виде. Росли поколения, которые были воспитаны на лжи. И сейчас те настроения, которые доминируют в обществе, не очень располагают к углублению в печальные страницы прошлого. Люди настроены на получение чего-то легкого и приятного. Тот культ потребления, который насаждается, в корне противоречит ценностям, за которые умирали наши новомученики. Зараженное культом потребления общество оказывается слабовосприимчивым к подвигу тех, благодаря кому наш народ выстоял и сохранил совесть и достоинство в годы гонений. Так, на пересечении улиц 1905 года и Нарымской в Новосибирске с середины 20-х до начала 60-х годов прошлого века находилось здание, в котором сначала размещалась пересыльная тюрьма НКВД, а затем психоневрологический диспансер. В течение трёх десятилетий эта тюрьма являлась одним из главных тюремных распределителей в СССР: через неё с запада на восток и с востока на запад непрерывным потоком шли каторжные этапы. В общей сложности через неё прошли сотни тысяч арестантов. Есть основания полагать, что часть приговоров была исполнена в самой тюрьме — такая практика известна для основной части крупных городов СССР. Часть узников покончила с собой, многие умерли, не перенеся мучений. Здание тюрьмы могло стать настоящим памятником мученичеству огромного количества людей. Но в прошлом году здание снесли, и нашлись люди, которые начали там строительство жилого дома. На костях!

В этом году в день празднования Собора новомучеников и исповедников Святейший Патриарх сказал, что спасти от идолопоклонства Россию может сильная вера и память о наших новомучениках, «которые даже перед угрозой смерти не поклонялись идолам».

В Новосибирской епархии работа по выявлению документов советского периода началась в тесном содружестве с Государственным архивом Новосибирской области. Сегодня группой церковных исследователей совместно с архивом и Институтом истории СО РАН готовится сборник документов по церковно-государственным отношениям советского периода.

Территория нынешних границ митрополии совпадает с территорией Новосибирской области. Само образование Новосибирской епархии во многом обязано выделению из Томской губернии в 1921 году самостоятельной Новониколаевской губернии. В декабре 1921 года прошло общее собрание прихожан и духовенства церковью города Новониколаевска. На нем было принято решение ходатайствовать перед высшей Церковной властью об учреждении в Новониколаевске особого викариатства. Вскоре была выделена самостоятельная Новосибирская епархия, чье 90-летие мы торжественно отметили в этом году.

Анализ источников Государственного архива Новосибирской области позволяет утверждать, что в 1920-е годы на территории Новосибирской области находилось более 350 храмов и часовен.

С конца 20-х и в 30-е годы XX века началось массовое закрытие и разрушение храмов. Сотни священнослужителей и мирян Новосибирской епархии были арестованы и расстреляны.

Распоряжением по Новосибирской епархии от 10 января 2002 года была образована епархиальная Комиссия по канонизации святых под председательством

архиепископа Новосибирского и Бердского Тихона.

Комиссия по канонизации начала работу по сбору материалов о жизни и подвигах репрессированных. За время работы в Государственном архиве Новосибирской области, архиве Управления ФСБ РФ по Новосибирской области и Информационном центре ГУВД Новосибирской области были получены данные о сотнях священников, монашествующих и мирянах, пострадавших в годы гонений. Собрано большое количество архивных справок и фотографий, установлены и устанавливаются судьбы расстрелянных и умерших в лагерях священников. Но материал еще требует детальной систематизации и обработки.

Изучение эпохи новомучеников, а также жизни каждого отдельного человека, подвергнутого гонениям, чрезвычайно сложно. Дело в том, что объемы материалов, оставшихся от того времени и касающихся репрессированных властью людей, могут быть незначительны или огромны. Но при этом нельзя сказать, что они содержат полную информацию о человеке, о его взаимоотношениях с государством и другими людьми.

Архивный отдел Управления ФСБ регулярно ведет работу по изучению подобных уголовных дел, направляя результаты проверки на рассмотрение в прокуратуру. С 1991 по 2008 годы было рассмотрено более шестнадцати тысяч заявлений и писем от граждан и родственников граждан, пострадавших в годы массовых политических репрессий, а также запросов из государственных и общественных организаций.

Поиск материалов о новомучениках осложняется тем, что почти не сохранились семейные архивы. С 1920–30-х гг. в семьях боялись не только хранить записи о своих пострадавших родственниках, но зачастую даже детям боялись рассказать, что прадед или дед был священником, что он расстрелян за веру. Родственники «врагов народа» испытывали определенный страх, недоверие по отношению к окружающим, скрывали то небольшое памятное, что у них оставалось от дедов, родителей. Ведь часто и сами они, в 1980–90-е уже пожилые люди, в детстве прошли через ужасы репрессий.

В советских школах учили другую историю страны, из которой всех этих людей вычеркнули и, можно сказать, убили дважды — сначала уничтожили физически, а потом столько лет не разрешали упоминать их имена даже в кругу семьи. Можно было не знать, что дома хранятся иконы, письма.

Почти не сохранилось информации о частной жизни, о пастырстве, о проповедях репрессированных священнослужителей. Остались только материалы допроса, а кто этот человек был как личность, кого больше почитал, к кому в молитвах обращался, как с людьми беседовал — об этом мы почти ничего не знаем.

Есть трудность и в том, что органы НКВД письменно не фиксировали фактов страдания за веру, за Христа. Необходимо находить факты исповедничества, выраженные иным образом, нежели ответ на прямой вопрос — верует ли человек во Христа. В то же время множество документов остается и сегодня закрытыми, и уже само по себе это призывает нас благоразумно воздерживаться от поспешных решений.

Очень важно создать информационную сеть, благодаря которой любой желающий мог бы получить всю необходимую информацию о репрессированных священнослужителях.

По результатам работы епархиальной Комиссии по канонизации святых в лике новомучеников и исповедников Российских в 2002 году прославлены священномученики Николай Ермолов и Иннокентий Кикин.

21 февраля 2011 года в Новосибирской епархии образована епархиальная богослужебная Комиссия для составления службы священномученикам Новосибирским — протоиерею Николаю Ермолову (1874–1937) и священнику Иннокентию Кикину (1878–1937), включенным в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века. Текст службы был утвержден архиепископом Новосибирским и Бердским Тихоном, а затем послан для утверждения в Синодальную богослужебную комиссию.

17 июня 2011 года Епархиальный совет Новосибирской епархии решил установить общеепархиальным Днем празднования памяти новомучеников и исповедников Российских ближайшее воскресенье к 26 октября (н. ст.) — дню памяти

священномучеников Новосибирских Николая Ермолова и Иннокентия Кикина.

Во исполнение этого решения уже два года общепархиальное празднование в честь священномучеников Николая и Иннокентия, пресвитеров Новосибирских, проходит в Искитиме на Святом источнике, рядом с которым воздвигается храм в честь Новомучеников и Исповедников земли Русской. Именно в этих местах когда-то действовал один из самых зловещих спецлагерей тоталитарного режима — Искитимский штрафной лагерь Сиблага.

В цокольном этаже храма планируется разместить музей. Одна из экспозиций будущего музея, названная «Сибирские новомученики», была представлена на выставках «Православная Русь», «Православная осень», «Искитим православный», прошедших в Новосибирске и Искитиме в 2012–2013 годах. В рамках выставки можно было познакомиться с уникальными экспонатами, посвященными подвигу исповедничества на территории Сибири. Ими стали переданные Новосибирской епархии в 2009 г. Управлением УФСБ РФ по НСО двадцать единиц архивных документов, относящихся к первой половине XX века. Среди этих документов свидетельства о рукоположении в сан, о прохождении миссионерских курсов, о присвоении иерархических наград. Все они принадлежали нескольким церковно-священнослужителям, расстрелянным в середине 1930-х годов по обвинению в контрреволюционной деятельности и пропаганде. Также были представлены личные вещи, семейные портреты и фотографии священномученика Николая Ермолова; копии документов и фотографии священномученика Иннокентия Кикина; пострадавших в годы лихолетья священников Новосибирской епархии Василия Гоголушко, Василия Топоркова, Николая Конины; последнего священника разрушенного искитимского Никольского храма Иосифа Юхто. Можно было увидеть страшные снимки перезахоронения останков Волчанских новомучеников. На выставке постоянно действовали мультимедийные презентации, фильмы о подвиге новомучеников и исповедников Сибири. Данные материалы были предоставлены из разных регионов Сибири.

В рамках торжеств, посвященных подвигу новомучеников и исповедников, в Искитиме уже дважды прошли конференции «Новомученики Российские». В прошлом году в конференции приняли участие более 100 юношей и девушек, представлявших 16 школ г. Искитима и с. Завьялово, ученики воскресных школ Искитима и студенты Новосибирской Духовной семинарии. Докладчиками на конференции стали победители конкурса на лучшую научную работу «История России XX века: новомученики на Новосибирской земле (в Западной Сибири)».

На образовательном портале Новосибирской митрополии «Образование и Православие» был создан специальный раздел, посвященный Новосибирским новомученикам: <http://orthedu.ru/novomucheniki/>. Здесь выкладываются новости и сведения, посвященные сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех, невинно пострадавших от богоборцев в Новосибирской митрополии в годы гонений.

Сегодня в епархиях митрополии проводится работа, направленная на сотрудничество с органами власти с целью установления мемориальных досок и памятников на местах страданий, смерти и погребения новомучеников, а также с целью переименования в их честь улиц, площадей, бульваров и скверов. Естественно, ставится вопрос о переименовании некоторых улиц, в настоящее время носящих имена людей, ответственных за преследование и уничтожение народа — должно быть нравственное отторжение от преступлений прошлого. И тем более необходимо знать не только имена, но жизнь и подвиг тех новомучеников, имена которых, надеемся, будут носить улицы, на которых мы живем. Мы должны понимать, что в значительной степени именно благодаря их подвигу совершается ныне процесс духовного возрождения нашего Отечества.

Период гонений показал, что в Церкви было немало людей огромной внутренней силы, которые готовы были идти на мученичество за Христом. Память о трагедии такого масштаба очень важна. Если подобное забывается, есть опасность вернуться к подобным реалиям.

Новомученики — ярчайший пример веры и верности. Это были живые люди, которые боялись мучений и смерти. Но они оказались готовы умереть за то, во что

верили.

Мы должны знать, какой ценой сохранялась наша вера, чтобы нам не только в будущем не повторять таких трагических ошибок, но чтобы и сейчас укрепляться в истине, помня слова Тертуллиана: «Кровь мучеников — семя христианства».

А.Л. Рудницкий (НО ИППО «Мемориал»)

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПАЛАЧЕЙ

27 марта 1953 г. по предложению министра Внутренних дел Л.П. Берии Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии», по которому на свободу вышло около 1,2 млн человек (Л.П. Берия считал, что из 2,5 млн заключенных, только 220 тысяч являются особо опасными государственными преступниками³. Но реабилитация их началась только в 1956 г.

В преддверии XX съезда КПСС по поручению Президиума ЦК 31 декабря 1955 г. была создана комиссия во главе с секретарем ЦК КПСС П.Н. Поспеловым, доклад которой ЦК КПСС и Президиуму ЦК КПСС «Об установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии» и лег в основу исторического доклада Н.С. Хрущева на XX съезде — «О культе личности и его последствиях».

По этой версии, ставшей официальной после доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде, были назначены виновные — Сталин, Берия, Ягода, Ежов с их соратниками, а остальные члены ЦК были оправданы — они ничего не могли сделать. При этом в целом террор был признан исторической необходимостью, а простить Сталину истребление партийных и советских кадров было невозможно, а также руководство армии. Даже говоря о геноциде народов Северного Кавказа Хрущев как

особую категорию пострадавших от репрессии выделил коммунистов и комсомольцев.

В своем докладе Хрущев доложил съезду что «Военной коллегией Верховного суда уже реабилитированы 7679 человек, многие из них посмертно».

В первые 7 879 реабилитированных попал первый секретарь Новосибирского обкома и кандидата в Политбюро **Роберт Индрикович Эйхе**, который закончил двухклассное училище, член партии с 1905 года. 29 апреля 1938 г. его по клеветническим материалам (троцкистов как уверял на съезде

Хрущев!) арестовали, зверски пытали, 2 февраля 1940 г. он был осужден, а 4 февраля расстрелян .

1 и 25 октября 1939 г. Эйхе написал верноподданные письма Сталину. Второе Хрущев зачитал полностью на съезде. В суде
31.07.1890 - 04.02.1940

Эйхе заявил: «Я умру так же с верой в правильность политики

партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы!» и

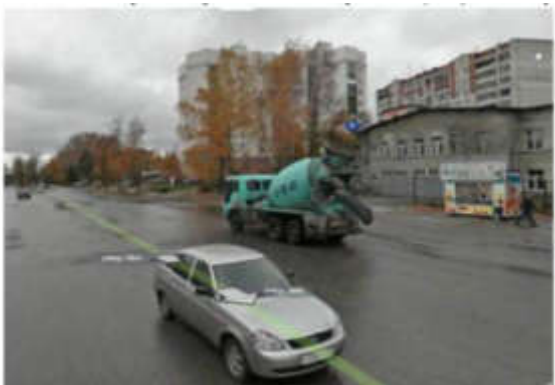
заверил суд, что «лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью

разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства»

¹ Интересно, что одним из первых решений Л.П. Берии, ставшим в 25 ноября 1938 наркомом внутренних дел, было создание «Бюро по рассмотрению писем и жалоб», которое с 1 января 1939 г. приступило к пересмотру дел. Всего покинули места заключения около 140 тыс. человек. Многие из них были реабилитированы. Первая амнистия Берии, «Русская планета», 17.09.13 <http://rusplt.ru/society/Beria.html/>

⁴ Все было еще ужаснее: после приговора его пытали, выбили ему глаз, а когда Берия убедился, что в шпионаже он не признается, приказал его расстрелять. (Хотелось бы, чтобы об этом не забыли, когда будут реабилитировать Берию).

«В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован,» (14 марта 1956 г. АР) — успокоил Хрущев делегатов съезда. Добавим, что 22 марта 1956 г. решением КПК при ЦК КПСС Эйхе был восстановлен в партии, и его именем названа улица в Новосибирске.

В этой героической биографии смущает лакуна от 1905 до 1938 года. Чем занимался товарищ Эйхе, например, на посту первого секретаря Западно-Сибирского края или на посту первого секретаря Новосибирского обкома, когда он «полностью разделял политику партии»?

А он занимался тем же, чем занимались все секретари обкомов ВКП(б) (также как и секретарь Московского областного комитета ВКП(б)

Хрущев. Только Хрущев имел возможность почистить архивы от компрометирующих его

документов, а Эйхе — нет.

Поэтому известно, что за 1937 год тройка ОГПУ Западной Сибири, в которую входили Эйхе и Заковский, осудила 16 553 человек, в том числе 4 762 — к расстрелу, 8 576 — к отправке в лагеря, 1 456 — в ссылку, 1 759 — к высылке. В этом же году тройкой под руководством Эйхе были репрессированы 34 872 человека по сфабрикованным делам «Белогвардейско-монархической организации РОВС», «Сибирского филиала Трудовой Крестьянской партии», «Церковно-монархической повстанческой организации» и другим.

Не надо богатого воображения, чтобы представить, какие чувства испытывают граждане, видевшие под расстрельными документами своих близких подпись этого палача, когда идут по улице Эйхе.

Существует версия, что Сталин обратил внимание на Эйхе на пленуме ЦК ВКП(б), в декабре 1936 г., когда тот упрекнул его: «Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!» и критиковал за мягкотелость Ежова. Сталин подобных выпадов не прощал.

Голощекин Филипп Исаевич был реабилитирован через полтора года после XX съезда КПСС.

Он окончил зубоветеринарную школу, работал зубным техником, в 1903 г. вступил в партию большевиков.

В 1918 г. — комиссар юстиции Урала, член обкома партии и областного совета. В 1922–1925 гг. — председатель губернских исполкомов в Костроме, Самаре.

Как член Екатеринбургского Советов и членом исполкома Уральского области Голощекин участвовал в организации и принимал участие в расстреле царской семьи, а потом в тайном их захоронении.

В 1925–33 гг. — секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана.

Руководил коллективизацией в республике, которая им с

подручными была превращена в геноцид кочевого населения. Жертвами голода стали 1 млн 750 тысяч человек казахов (42 %), 200 тысяч украинцев (23 %), 125 тысяч узбеков (54 %), 27 тысяч уйгуров (43 %). Еще 1 млн 30 тысяч человек в 1931 г. успели откочевать, из них 616 тысяч безвозвратно. Сотни тысяч бежали в Китай, где был даже образован Или-Казахский автономный округ (ИКАО) с центром в Кульдже.

С 1933 г. — Главный государственный арбитр при СНК СССР. Член ЦК ВКП(б) 15 октября 1939 г. по распоряжению Берии был арестован. В постановлении о предъявлении обвинения изобличался, «что являлся участником антисоветской организации, проводил борьбу против ЦК ВКП(б), а также занимался педерастией».

Определением ВК ВС СССР от 28 октября 1956 г. реабилитирован. Но еще до этого, 27 мая 1955 г. восстановлен в партии решением КПК при ЦК КПСС. Под Самарой на месте расстрела установлен памятный знак, на котором начертано: «Установлен на

месте захоронения жертв репрессий 30–40-х гг. Поклонимся памяти невинно погибших...»

Маршал Советского Союза Тухачевский Михаил Николаевич

16.02.1893 – 12.06.1937

Известный советский полководец, руководил подавлением Тамбовского восстания. В борьбе с восставшими крестьянами, доведенными до отчаяния размером продрозверстки, применял химическое оружие и взятие заложников.

Из Приказа Тухачевского № 0116 от 12 июня 1921^[23]: ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нём пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.
3. Начальнику боевых участков настойчиво и энергично выполнить настоящий приказ.
4. О принятых мерах донести.

**Командующий войсками Тухачевский
Начальник штаба войск Генштаба Какурин**

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о взятии и расстреле заложников в случае разрушения мостов N 189, г. Тамбов 9 июля 1921 г.

Разгромленные банды прячутся в лесах и вымещают свою бессильную злобу на местном населении, сжигая мосты, портя плотины и прочее народное достояние. В целях охранения мостов Полком ВЦИК приказывает:

1. Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать.

2. Местным жителям организовывать под руководством ревкомов оборону мостов от

бандитских налетов, а также вменить населению в обязанность исправление разрушенных мостов не позднее, чем в 24-часовой срок. 3. Настоящий приказ широко распространить по всем деревням и селам.

**Предисполком ВЦИК Антонов-Овсенко
Командвойск Тухачевский
Предгубисполкома Лавров**

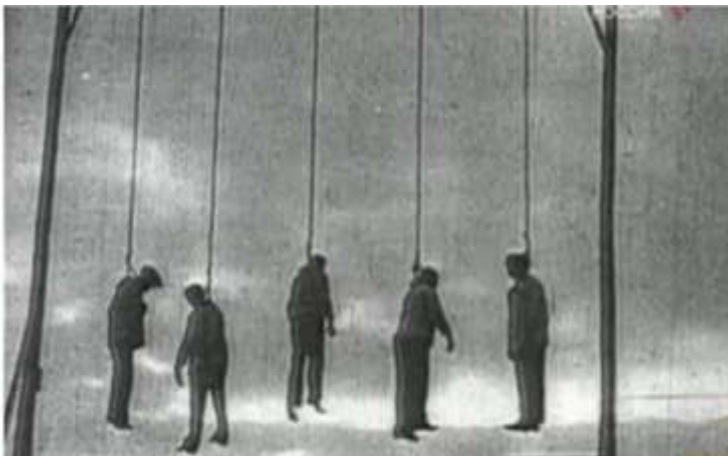
Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о порядке чистки в бандитски настроенных волостях и селах:^[23]

N 116, г. Тамбов 23 июня 1921 г.

Опыт первого боеучастка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются наиболее бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители политкомиссии, особотделения, отделения РВТ и командования, вместе с частями, назначенными

проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60 — 100 наиболее видных заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд из волости должны быть на время операции запрещены. После

этого созывается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полнком ВЦИК N 130 и 171' и написанный приговор для этой вол[ости]. Жителям дается два часа срока на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения взятые заложники через два часа будут расстреляны. Если население не указало бандитов и не выдало

оружие по истечении 2-часового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желающие это исполнить становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию [из] представителей особотдела РВТ. Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства производятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей, [которые] направляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция. Настоящее Полнком ВЦИК приказывает принять к неуклонному руководству и исполнению.

**Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко
Командующий войсками М.Тухачевский Предгубисполкома
Лавров РГВА. Ф.235. Оп.2. Д.13. Л.25. Заверенная копия**

11 июня 1937 г. маршал Советского Союза Тухачевский, командарм 1-го ранга Уборевич и Якир, командарм 2-го ранга Корк, комкоры Фельдман, Эйдеман, Примаков и Путна, обвиненные в шпионаже, измене Родине и подготовке террористических актов, были приговорены к расстрелу и сразу после суда расстреляны.

Главная военная прокуратура и КГБ при Совете министров СССР в 1956 г. установили, что данное уголовное дело было фальсифицировано и 31 января 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговор отменила и уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления.

Некоторые комментаторы обращают внимание на то, что в 1921 г. применение на войне химического оружия не являлось воинским преступлением: Женевский протокол (1925) о запрещении его применения был ратифицирован СССР в 1928 г. Это утверждение не соответствует действительности — применение химического оружия на поле боя было запрещено Конвенцией о законах и обычаях войны (4 гаагская конференция 18.10.1907 г.) Гаагской конвенцией 1907 г. На поле боя, а не против стариков, женщин и детей, не участвующих в военных действиях. Как офицер, побывавший в плену, и как командующий войсками, Тухачевский не мог не знать, что взятие заложников даже из военнопленных и их расстрел в соответствии с этой же конвенцией является воинским преступлением. А содержание заложников с грудными детьми в концентрационных лагерях запрещено даже на вражеских территориях.

Поэтому есть все основания считать командарма Тухачевского палачом. По этому поводу возникла дискуссия. Три уважаемых историка, преподающих в вузах, со степенями доктора и кандидатов исторических наук высказали мнение, что называть палачом Тухачевского нельзя, потому что он действовал по приказу во время гражданской войны, террор была единственная возможность для большевиков сохранить свою власть.

У меня есть возражение по всем трем пунктам.

Палач это есть профессионал, который по приказу казнит людей — ничего личного. Ссылка на приказ не помогла нацистским преступникам в Нюрнберге.

Гражданская война, действительно, связана с повышенным уровнем озверения противников, но это не значит, что ее участники не должны отвечать за свои преступления. Мародеров и насильников, например, расстреливали обе стороны.

Как сказала одна мама своей дочке: «Понять — это значит простить!» Большевики вместе с о своими союзниками — левыми партиями — обманом захватили власть, обещая «заводы — рабочим, землю — крестьянам!» Потом избавились от союзников и приступили к превентивному истреблению всех политических противников и тех, кому по классовым соображениям они не могли доверять. Одновременно Военный коммунизм и грабительская продразверстка отнимали у крестьян все средства существования и обрекали их вместе с семьями на смерть, как это удалось Голощекину в Казахстане или организованному Голодомору на Украине.

Если террор, который продолжался в разных формах все 70 лет существования советской власти, единственный способ ее сохранения, значит это не власть, а тирания, которая не признает никаких обязательств перед населением и не имеет права на существование. А организаторы и исполнители террора — преступники и палачи своего народа.

Главная военная прокуратура решила удивить весь мир и реабилитировала **Агранова Якова Сауловича**,

закончившего 4 класса городского училища, но преуспевшего в фальсификации судебных процессов. Он руководил расследованием Кронштадского восстания, Антоновского крестьянского восстания и деятельности «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева». Это дело считается одной из первых крупной фальсификацией, сфабрикованной ГПУ. По этому делу было арестовано 833 человека, в основном представителей интеллигенции, погибли 96 из них, расстреляно 96 человек, отправлено в концентрационный лагерь — 83, освобождено — 448. Самым известным из расстрелянных был поэт Н.С. Гумилев, не причастный к борьбе с советской властью. Это уголовное дело до сих пор закрыто, как и уголовное дело самого

Агранова.

12.10.1893 - 01.08.1938 Агранову было поручено составление списков пассажиров
Философских пароходов, затем он курировал

творческую интеллигенцию. Принимал активное участие в организации
открытых процессов против г.И. Зиновьева и Л.Б. Каменева.

В феврале 1934 г. был назначен первым заместителем наркома внутренних дел г.Г. Ягоды, руководил расследованием убийства С.М. Кирова. В декабре 1936 г. назначен на должность ГУГБ НКВД, но уже в апреле 1937 г. был понижен в должности до заместителя наркома внутренних дел, и в конце карьеры занимал должность начальника УНКВД Саратовской области.

20 июля 1937 года . Агранов был арестован и 1 августа 1938 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР на Расстрельном полигоне «Коммунарка».

Решением Главной военной прокуратуры от 22 января 2013 года Агранов был реабилитирован, но 27 августа 2013 года Верховный суд России отменил решение о его реабилитации.

Недавно Главная военная прокуратура подала представление об отмене отказа в реабилитации руководителей НКВД областного масштаба: **Ивана Бочарова, Николая Деткина, Прокофия Долгопятова, Константина Валухина, Анатолия Гречухина, Михаила Жигунова и Ефима Либенсона.**

Очевидно, что инспирированные всем перечисленным выше деятелям партии и НКВД преступления — шпионаж, измена родине... — не имеют ничего общего с действительностью, (так же как и обвинения в этих преступлениях Ягоды, Ежова и Берии!), но они сами активно участвовали в создании этой безумной системы террора и сами подписывали тысячи приговоров по не менее абсурдным обвинениям.

Строго говоря, для отмены этих обвинений есть все основания. Но, мне кажется, инициаторы этих реабилитаций просчитались. Факты преступлений против человечности, геноцида, массовых убийств признаны в законодательном порядке. Кроме того, в установленном порядке реабилитированы сотни тысяч людей, то есть расстрелы жертв террора являются убийствами. Виновные в этих преступлениях, а некоторые из них не имеют срока давности, в судебном порядке не установлены.

Рассмотрение дел об этих преступлениях не может происходить в секретном от общественности режиме. Поэтому, если у государства созрело желание отменить отказ в реабилитации в связи с предъявленными обвинениями в абсурдных преступлениях, следует рассекретить все уголовные дела и принять обоснованное судебное решение о виновности этих лиц, претендующих на реабилитацию, в участии во вполне реальных преступлениях, жертвами которых были тысячи людей, уже реабилитированных в установленном порядке.

Кроме того, нормы ст.4 ФЗ «О реабилитации жертв политических репрессий» устанавливают, что не подлежат реабилитации лица, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений:

б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных;

г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Верховный суд, отказав в реабилитации Агранова, сослался не преступления против правосудия. Полагаю, этот довод применим ко всем фигурантам данной статьи, в том числе и к маршалу Тухачевскому.

Вторая часть ст.18 ФЗ «О реабилитации жертв политических репрессий» содержит норму: «Признанные в установленном порядке виновными в преступлениях против правосудия работники органов ВЧК, ГПУ — ОГПУ, УНКВД — НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек», работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати. Государством формально реабилитированы сотни тысяч людей, погибших в годы террора и геноцида из-за своего социального происхождения, национальности, вероисповедания или по абсурдным обвинениям без всякого повода. То есть массовое уничтожение миллионов людей признано убийством. Но виновность в этих преступлениях «может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда» п. 1 ст. 49 Конституции РФ. Прокуратура обязана возбудить расследование дел организаторов и исполнителей преступлений, пол крайней мере тех, которые не имеют срока давности.

Вместо этого прокуратура пытается обелить палачей под формальными предложениями.

Дочь расстрелянного наркома внутренних дел Н. Ежова Наталья Хаютина много лет невольно размышляла на эту тему и пришла к выводу: «Я много лет думаю о вине отца и считаю, что Бог его, может быть, когда-нибудь и простит. А вот люди никогда, потому что тогда не будет виноватых».

В Главной военной прокуратуре РФ, как, очевидно, и на других вершинах «вертикали власти», служат другие люди. Они, отвергая обычные во времена террора обвинения в шпионаже, участия в антисоветских организациях и пр., классифицируют преступления палачей — геноцид, преступления против человечности и массовые убийства людей, не имеющие срока давности, как банальное превышение полномочий.

**А.Л. Рудницкий, А.А. Сергеев
(НО ИППО «Мемориал»)**

КАРАТЕЛЬНАЯ ПСИХИАТРИЯ В СССР

В 1939 года распоряжением Л.П. Берия флигель Казанской психиатрической больницы¹, где раньше, с 1999 по 1917 гг. располагалась первая в России специализированная судебно-психиатрическая больница, в 1939 г. был передан в подчинение НКВД. А.П. Подрабинек высказал предположение², что Л.П. Берия таким образом создавал альтернативное и более гуманное место заключения для избранной публики.

С 1935 по 1991 гг. через эту больницу прошло 10 тысяч пациентов, из них 1802 зарегистрированы в Книге памяти Республики Татарстан как погибшие³.

Граждане направлялись на принудительное лечение во внесудебном порядке, по определению Особого совещания при НКВД СССР.

В начале оттепели, комиссия Генерального прокурора СССР, действовавшая по поручению ЦК КПСС, обнаружила нарушения в деятельности Казанской специализированной психиатрической больницы вплоть до существования забытых больных. На 1 июля 1956 года из 413 находившихся в КТПБ пациентов 270 были осуждены по статье 58 УК РСФСР. 84 из них были выписаны в обычные больницы или переданы на попечение родственникам.

После разоблачения на XX съезде КПСС культа личности, с одной стороны, была расформирована система ГУЛАГ и ограничены карательные полномочия НКВД, с

¹ Казанская психиатрическая больница (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением

² Подрабинек А.П., Карательная психиатрия, под ред. Людмилы Алексеевой, «Хроника», Нью-Йорк, 1979

³ Более детально предыстория и история развития карательной психиатрии в СССР изложена в книге «Карательная психиатрия», Международная хельсинская федерации по правам человека, Москва, 2004

другой – хрущевскую оттепель многие с энтузиазмом встретили как возвращение демократии, люди вспомнили о свободе слова, появились диссиденты. Руководство страны в этих условиях почувствовало себя безоружным. В это время и были заложены основные принципы и приемы злоупотребления психиатрией в политических целях, которые позднее назовут

«карательной психиатрией». Она имеет все признаки психиатрического террора. Правильный взгляд на проблему еще в 1951 г. сформулировал генеральный секретарь КПСС Н.С. Хрущев, заявивший что «только сумасшедшие могут бороться с советской властью».

В 1961 году Минздрав СССР утвердил «Инструкцию по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность», от 10 октября 1961 года № 04-14/32. С этой инструкции, согласованной с Прокуратурой СССР и Министерством охраны общественного порядка СССР, можно начинать отсчёт карательной медицины.

По этой инструкции «при наличии явной опасности психически больного для окружающих или для себя самого органы здравоохранения имеют право без согласия самого больного и его родственников или опекунов (в порядке неотложной психиатрической помощи) поместить его в психиатрический стационар».

Среди симптомов, определяющих необходимость принудительного психиатрического лечения пунктом г) ст.3 определялись *«ипохондрические бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям».* Причем *«перечисленные выше болезненные состояния, таящие в себе несомненную общественную опасность, могут сопровождаться внешне правильным поведением и диссимуляцией».*

Ст.7 предусматривалось, что *«местные органы милиции в случае необходимости (при возражении родственников, опекунов больного и оказании ими сопротивления), по представлению лиц, указанных в п. 5 настоящей инструкции, обязаны оказывать содействие медицинским работникам в неотложной госпитализации психически больных».*

И, наконец, ст.10. О выписке больного психиатрическая больница информирует ближайших родственников больного и психоневрологический диспансер, где такие больные должны находиться на особом учете, подвергаясь систематическому профилактическому лечению.

Попав однажды в эту систему, даже вырвавшись из нее, человек навсегда был обречен на психиатрический надзор и мог быть изолирован в любой момент, например, на время Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

31 августа 1967 г. «Андропов, Данилов, Руденко и Щелоков информировали ЦК КПСС, что *число общественно опасных проявлений и уголовных преступлений, совершаемых психически больными, из года в год растет... В 1966—1967 гг. в Ленинграде психически больные совершили семнадцать убийств, в девятнадцати случаях оказались причастными к распространению антисоветских листовок и анонимных документов, двенадцать раз пытались нелегально перейти государственную границу. Аналогичное положение наблюдается на Украине и в ряде других регионов страны»*⁴. Они предложили увеличить существующую стационарную сеть в 2,8 раза и до 15 октября 1967 года госпитализировать проживающих в Москве, Ленинграде и Киеве психически опасных граждан, —*со стороны которых возможны общественно опасные проявления и действия*»

⁴ Прокопенко А.С., Безумная психиатрия. «Совершенно секретно», 1997, С21 <http://userdocs.ru/pravo/35112/index.html?page=21>

Апофеозом юридического оформления полного бесправия жертв карательной психиатрии стала утвержденная Приказом Минздрава СССР от 21 марта 1988 г. N 225 "Временная инструкция о порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния». Данная инструкция позволяла принудительно содержать человека без ограничения срока в психиатрических больницах (общего типа, специальных и с усиленным наблюдением – две последних категории были тюрьмами с предельно жестким режимом содержания) на основании критериев, не имеющие ничего общего с психиатрией - непризнание пациентом своей вины за совершенное им правонарушение, возможно, и фальсифицированное, непризнание им своего диагноза, зачастую бессимптомное⁵, и даже отсутствие прописки.

Хотя пациент признавался невменяемым на момент совершения вменяемого ему правонарушения и освобождался от уголовной ответственности, материалы дела использовались как самый важный и тоже непсихиатрический критерий – тяжесть совершенного пациентом деяния. Причем, так как психиатрическая экспертиза проводилась во время следствия, достоверность материалов дела, на которые врачи-психиатры ссылались в своем заключении, еще не была установлена судом⁶. Попав в больницу, пациент регулярно проходил обследования, по результатам которых суд принимал определение о необходимости продления лечения. Но практически психиатры с медицинским дипломом исходили из того, что время лечения не должно быть меньше срока заключения, предусмотренного инкриминированной следствием «больному» статьи Уголовного кодекса⁷.

То есть это были не врачи, а тюремные надзиратели с врачебным дипломом. Специальные знания они зачастую использовали для изощренных пыток пациентов, жестокость которых ограничивались только степенью садистских наклонностей и фантазией палачей - обсуждаемая инструкция обеспечивала полное неведение пациентов и их законных представителей о диагнозе, применяемых методах лечения и лекарствах. По данной инструкции при выписке из больницы больной имел право получить только справку о времени пребывания в ней.

Таким образом, был сформирован надежный юридический фундамент для борьбы с инакомыслием. Но, как известно, одного фундамента недостаточно. Председатель КГБ В.Е. Семичастный был откровенен с партийным руководством: *«Лица, страдающие душевными заболеваниями, пристают к иностранным туристам, в беседах с ними создают неправильное представление о советской действительности, клеветают на условия жизни в нашей стране. Душевнобольные создают напряженную обстановку и усложняют работу государственного аппарата. Они пишут большое количество необоснованных жалоб, клеветнических заявлений, что вызывает ненужную проверку, отрывает от работы многих должностных лиц»*.

ЦК КПСС на этом святом деле денег не экономил. Вот несколько цифр, иллюстрирующих непрестанную заботу государства о здоровье граждан: на территории СССР в 1935 году функционировало 102 психиатрических больницы и 33 772 коек; к 1955 — около 200 психиатрических больниц, имевших 116 тысяч коек, а с 1962 года по 1974 количество коек в психиатрических больницах возросло с 222 600 до 390 тысяч. В

⁵ Признание вины и диагноза иногда были основанием для выписки из больницы.

⁶ Интересно, что даже когда в суде часть доказательств признавались недостоверными, в последующих заключениях эксперты-психиатры спокойно ссылались на них, не считая необходимым познакомиться с решением суда

⁷ В инструкции «по неотложной госпитализации психиатрических больных, представляющих общественную опасность» 10.10.1961, утвержденной Минздравом, прокуратурой и МВД, оговаривалось, что особенности характера не могут служить основанием для помещения человека на принудительное лечение.

психиатрических больницах специального типа МВД СССР с 1968 г до 1979 г. число пациентов выросло 2465 человек до 6308 человек.

29 апреля 1969 года председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов направил в ЦК КПСС предложение об использовании психиатрии для борьбы с диссидентами, после чего появилось секретное постановление Совета министров СССР. Врачам поручили составить перечень психических заболеваний, диагностирование которых позволяло бы признавать обвиняемых невменяемыми и отправлять их в спецбольницы МВД. Врачи исполнили поручение партии и правительства.

Советские психиатры партию не подвели. В 1971 г. школой академика А.Н. Снежневского была открыта вялотекущая шизофрения – замечательная и очень удобная особенность которой заключалась в том, что она могла протекать бессимптомно⁸. То есть без объективно обнаруживаемых проявлений факт болезни доказать не возможно, но зато этот диагноз невозможно опровергнуть. Все определяется совестью врача и его преданностью делу партии. Тем более, что достаточным основанием для принудительного помещения в психиатрическую больницу считался диагноз, поставленный, например, Н.Е. Горбаневской: «Не исключена возможность вялотекущей шизофрении»

Новосибирский психиатр с мировой известностью проф. Ц.П. Короленко так отозвался о вялотекущей шизофрении⁹ *«В 1969 г. Снежневский использует термин "вялотекущая шизофрения". В соответствии с диагностическими критериями вялотекущей шизофрении практически каждый вид поведения, который не совпадал с социально одобряемыми паттернами, мог получить психопатологическое значение. Многие формы личностных нарушений, с точки зрения Смулевича, были связаны с эндогенным процессом. Их развитие приводило к возникновению формы, называющейся резидуальной шизофренией. Клиническое описание вялотекущей шизофрении по Смулевичу чрезвычайно элюзивно. Оно включает в себя практически все возможные изменения в психическом состоянии, и частично состояния, которые возникают у человека без психической патологии, такие, как эйфория, гиперактивность, необоснованный оптимизм и раздражительность, взрывчатость, сенситивность, неадекватность и эмоциональный дефицит, истерические реакции с конверсивными и диссоциативными симптомами, инфантильность, обсессивно-фобические состояния, упрямство (Смулевич, 1987)».*

Другой очень удобный диагноз, часто применявшийся для обоснования необходимости принудительного психиатрического лечения - параноидное развитие личности. Как паранойяльное развитие трактовались присущие диссидентам уверенность в своей правоте, потребность в справедливости, обострённое реагирование на ситуацию, унижающую человеческое достоинство. Диагностирование сутяжно-паранойяльного развития у диссидентов почти всегда приводило к признанию их невменяемыми, тогда как в других случаях (без политической подоплёки), лица с подобным диагнозом признавались вменяемыми.

На эту сторону использования данного диагноза недавно обратил внимание в своем заключении В.Ю. Завьялов¹⁰ - д.м.н., профессор по кафедре психиатрии, врач-психиатр и врач-психотерапевт высшей категории с 38 летним стажем работы в области психиатрии и пограничной психиатрической патологии, психотерапии и медицинской психологии

⁸ Точно также нацистские психиатры с помощью «замаскированного слабоумия» санкционировали уничтожение коммунистов, пацифистов, демократов, представителей тех или иных конфессий или этнических групп или тунеядцев, правонарушителей, алкоголиков и любые другие категории людей «обременяющих общество».

⁹ Короленко Ц.Д., Дмитриева Н.В., Социодинамическая психиатрия – М: Академический проспект, Екатеринбург: «Деловая книга», 2000

¹⁰ Завьялов В.Ю., Заключение специалиста, Новосибирск, 02 марта 2013 г. <http://cfs.folkos.com?dl=52306>

(психология личности):

«Диагноз «параноидное развитие личности»... является устаревшим и не используется в современных классификациях психических заболеваний. В МКБ-10, которой вынуждены пользоваться все российские психиатры имеется «параноидное расстройство личности. По установившейся практике 60-70 годов «параноидное развитие» (тогда говорили о «паранойальном развитии» у кверулянтов, например) приравнивалось к психозу (паранойя или наличие паранойального синдрома), при этом всегда учитывалась «тяжесть содеянного». Например, если какой-нибудь бытовой сутяга писал бесчисленные жалобы в милицию и мешал работать государственным органам, то его признавали невменяемым. А если кто-то со сверхчеловеческими идеями изобретательства (без бредовых идей) досаждал своими докладами академию наук, то такое деяние не считалось достаточным, чтобы квалифицировать «невменяемость» изобретателя...Самый авторитетный источник в российской (и советской) психиатрии П.Б. Ганнушкин в своей известной монографии «Статика и динамика психопатий» установил четкие критерии наличия патологического характера (а не «личности», как в американской и позднее в европейской психиатрии): тотальность (на все психические сферы распространяется), стабильность (не исчезают никогда, начиная с юности и до старости), дезадаптивность».

«Поскольку «расстройство личности» не является болезнью и не имеет начала и конца, существует всю жизнь у человека, поэтому не понятно, как он умудрился потерять вменяемость именно в момент совершенного, но не доказанного судом правонарушения, а всю остальную жизнь прожил и проживает вменяемым? Расстройство личности, по старому - психопатия, не является основанием признания человека «невменяемым», хотя в дореволюционной практике России в суде присяжных была практика «уменьшенной вменяемости», когда русские психиатры в судебном заседании призывали присяжных к милости и не судить строго того, у кого имелись изъяны характера, сильные страсти или иные обстоятельства, способствующие снижению контроля над собственным поведением, т.е. призывали уменьшить наказание, но не лишить подсудимого самого наказания. Принудительное лечение не может быть заменой наказания, а назначение фармакологического лечения без медицинских показаний на то всегда считалась и считается «медицинской ошибкой».

Еще один, часто используемых в карательных целях диагноз, был «бред сутяжничества»: не соответствующее действительности убеждение, что личные права индивида нарушаются, попираются; написание многочисленных жалоб и заявлений с требованием восстановить «справедливость». Известными судебно-медицинскими экспертами прямо высказывались утверждения, в соответствии с которыми идеи борьбы за правду и справедливость наиболее часто формируются именно у личностей паранойальной структуры.

Проф. Ц.П. Короленко поставил советской психиатрии следующий диагноз (см. сноску 9): *«Психиатрия брежневского периода использовалась в качестве орудия для устранения политических оппонентов ("диссидентов"), людей, которые открыто выражали взгляды, противоречащие официально декларируемым догмам. В это время появилась тенденция к расширению границ понятия психического заболевания. Этот процесс был усилен депсихологизацией психиатрии и ее ориентацией на упрощенный диагностический подход — симптом, синдром, диагноз.*

международная классификация заболеваний МКБ-9 формально использовалась в СССР с 1982 г., но в реальности она была "адаптирована" для применения в СССР. Этот диагностический справочник содержит некоторые интересные «случайные» ошибки».

Главную опасность советского варианта психиатрии проф. Ц.П. Короленко с соавтором видит в ее антигуманности: *«В условиях бывшего СССР антигуманные черты*

психиатрии тщательно скрывались за декларацией "наиболее гуманной советской медицины". Анализ антигуманных черт позволяет выделить некоторые их особенности:

- 1) скрытый характер антигуманизма¹¹;*
- 2) изоляция психиатрии от других специальностей и особенно от психологии и социологии;*
- 3) отсутствие какого-либо социального контроля за деятельностью психиатрических служб;*
- 4) не информированность общества в области психиатрических проблем;*
- 5) дефицит влияния основных гуманистических ценностей в социальном менталитете как результат отказа от общепринятой системы демократических ценностей в мире;*
- 6) нарушение прав человека, атеистическое воспитание и дискриминация религии;*
- 7) изоляция психиатрии от психиатрии других стран;*
- 8) использование в средствах массовой информации психиатрической терминологии в унижающем и саркастическом смысле для дискриминации политических оппонентов, которые идентифицировались в социальном менталитете с образом врага. Эта процедура объективно вела к росту отрицательного отношения общества к психически больным;*
- 9) диагностика психических заболеваний, особенно "вялотекущей шизофрении", стирающая границы между нормой и патологией;*
- 10) ограничение прав психически больных пациентов, запрещение или ограничение их возможности получить образование, невозможность получить квалифицированную работу, отсутствие юридических прав;*
- 11) эксплуатация труда психически больных пациентов под маской трудотерапии.*

Стирание границы между нормой и патологией - гипердиагностика, когда любое отклонение от обычного или предписанного поведение трактуется как психиатрическое расстройство, требующее принудительного лечения, основной принцип психиатрического террора. Точно также как во времена террора 1917-53 годов анекдот или шутка карательными органами трактовались как попытка свержения советской власти¹².

В общественном мнении карательная психиатрия связывается с борьбой с инакомыслием, потому что именно аресты диссидентов и пыточные условия их содержания получили широкую огласку за рубежом. Сведения о злоупотреблении психиатрией в СССР стали поступать в западные страны в начале 60-х годов, и ставшие известными факты неоднократно обличалось на конгрессах Всемирной психиатрической ассоциации. В конце 1970-х годов А.С. Есенин-Вольпин, В.Я. Тарсис, Ж.А. Медведев, П.П. Григоренко, донесли информацию об этом до правительств иностранных государств. В 1979 г. была опубликована книга А.П. Подрабиника (см. сноску 2). Убедившись в бесперспективности дальнейших попыток повлиять на преступную деятельность советских психиатров, в 1983 г. Международная психиатрическая ассоциация на очередном съезде решила исключить из своих членов Всесоюзное научное общество невропатологов и психиатров. Но представители СССР на съезде не явились и подали заявление о добровольном выходе из Международной психиатрической ассоциации. Фактически, это было признание в преступной деятельности советских врачей-психиатров.

Постепенно школа акад. А.Н. Снежневского с приспешниками - Г.В. Морозов, Д.Р.

¹¹ Проф. Ц.П. Короленко антигуманизм советской психиатрии называет «скрытым» только из политкорректности по отношению к коллегам, или из гуманности. На самом деле в основе отношения к бесправному пациенту, как к объекту лечения, культивируемое школой акад. Снежневского, лежит традиционная в России убежденность, что интересы государства выше интересов личности.

¹² Подобная тенденция, наблюдаемая систематически, имеет все признаки паранойи.

Лунц, Я.Л. Ландау, Т.П. Печерникова, Н.И. Фелинская, Р.А. Наджаров, З.Н. Серебрякова
- заняла.
монопольное положение, а Институт им. Сербского стал диктовать советским психиатрам, кого и как надо лечить в соответствии с указаниями Партии.

Протесты врачей, отстаивающих гуманные принципы своей профессии, жестоко подавлялись. На этом фоне героически выглядит поведение некоторых психиатров, заведомо рискуя свободой, отстаивающих гуманные принципы своей профессии: С.Ф. Глузман, Ф.Ф. Детенгоф¹³, Марина Войханская, О.В. Макарова, В.В. Москаленко, А.Н. Барабанов и многие другие, чьи имена не известны. Их гражданское мужество сравнимо с подвигом восьмерки, которые не смогли в 1968 г. не выйти на Красную площадь. Только врачи рисковали в одиночку и в течение продолжительного времени.

В 1989 г. Советский Союз подал заявление о возвращении во Всемирную психиатрическую ассоциацию. В октябре 1989 года на конгрессе ВПА в Афинах Всесоюзное научное общество невропатологов и психиатров было вновь принято в международное психиатрическое сообщество, но восстановление было обусловлено жесткими требованиями, которые Советский Союз обязался выполнить:

1. публично признать имевшие в Советском Союзе место злоупотребления психиатрией в политических целях;
2. реабилитировать пострадавших от карательной психиатрии;
3. принять закон о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании;
4. не чинить препятствий процедурам инспекционной деятельности ВПА в СССР;
5. обновить руководство официальной советской психиатрии.

Эти требования были выполнены лишь частично.

В члены Всемирной ассоциации психиатров была принята Независимая психиатрическая ассоциация России¹⁴.

В начале 90-х годов директор Государственного Научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского И.Б. Дмитриева принесла извинения за тотальное применение психиатрии в политических целях - возглавляемое ею учреждение было главным оплотом карательной психиатрии. Но в 2001 г. она передумала и заявила, что если в СССР и были злоупотребления в психиатрии, то не больше, чем в западных странах. Можно верить людям, способным на подобные аморальные кульбиты?

2 июля 1992 г. был принят Федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В нем установлено, что все пациенты психиатрических больниц и учреждений независимо от того, добровольно они согласились на лечение или лечатся принудительно, обладают всеми гражданскими правами. Постановлением Верховного совета РФ от 02 июля 1992 г. №3186-1 были отменены все правовые акты, противоречащие этому закону.

Советские и международные комиссии, допущенные в психиатрические больницы СССР, установили, что около 2 млн. граждан СССР были поставлены на психиатрический учёт, связанный с поражением их прав и моральным ущербом, без каких-либо медицинских оснований. Около 800 тысяч здоровых людей, переживших ад психиатрической больницы,

¹³ Проф. Ф.Ф. Детенгофу было заведомо известно, кто заинтересован в постановке «правильного» диагноза генералу П.П. Григоренко и реальная опасность признания его дееспособным. Поэтому представляется не этичным подвергать сомнению мотивы его поступка (см. сноску 2), если нет достоверных фактов, его компрометирующих.

¹⁴ 20 лет НПА России, Независимый психиатрический журнал, №1, 2009, <http://npar.ru/journal/2009/1/01-20.htm>

были реабилитированы. Но никто перед ними не извинился!

В.Н Подрабинек (см. сноску 2) привел белый список, в который входят 201 человек, направленных на принудительное лечение в психиатрические больницы по политическим мотивам, и черный список из 103 врачей-психиатров, замаравших свою репутацию участием в преступных действиях¹⁵.

Помещение в психиатрический стационар здоровых людей – уголовное преступление (Ст. 128 УК РСФСР от 27.10.1960 г.):

- «1. Незаконное помещение лица в психиатрический стационар - наказывается лишением свободы на срок до трех лет.*
- 2. То же деяние, если оно совершено лицом с использованием своего служебного положения либо повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, - наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».*

Но никто за эти преступления не ответил, никто не получил свои минимальные три года лишения свободы за незаконное помещение 800 тысяч здоровых людей на принудительное психиатрическое лечение? Никто из черного списка А.П. Подрабиника не был лишен права занимать свои ответственные должности?

Акад. А.В. Снежневский до конца своей плодотворной жизни в 1987 г. был директором Института психиатрии АМН СССР. По его справочнику¹⁶, переизданному в 1985 г., до сих пор обучают студентов.

Его соратник директор Всесоюзного НИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского с 1957-1990 акад. Г.В. Морозов 1975 -1988 гг. - председатель правления Всесоюзного Научного Общества невропатологов и психиатров, а в 1995 г. постановлением РАМН назначен куратором этой Федерации.

Акад. Т.Б. Дмитриева, с 1981 г. связавшая свою жизнь с Государственным Научным центром социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского и возглавлявшая его с 1998 по 2010 гг., с 1996 по 1998 г. была министром здравоохранения Российской Федерации (лучшего врача в России на этот ответственный пост не нашлось!).

Комиссиям, проверявшим психиатрические больницы в 1989 г. «Мемориал» предоставил списки лиц, направлявшихся на принудительное лечение в психиатрические больницы по политическим мотивам (около 2000 человек). В результате проверки оказалось, что число таких пациентов составляет около 2000 человек. Можно считать это достоверной оценкой числа диссидентов и иных противников тоталитарного режима, направленных на принудительное лечение.

То есть, как и во всех других случаях, государство, создав карательный аппарат, не может и не считает необходимым рационально его контролировать. Простаивать этот аппарат не должен и не хочет, поэтому неизбежно выходит далеко за рамки поставленных задач. Созданный для подавления инакомыслящих, он не может ограничиться столь скромным масштабом своей преступной деятельности, и жертвами карательной психиатрии становятся граждане, никакой угрозы для существующей власти не представляющие.

Вот один только пример. Любящая бабушка привела пятилетнего внука к психиатру, надеясь, что ему помогут избавиться от заикания и страха темной комнаты. Ему поставили

¹⁵ Мы эту традицию продолжим – см. папку «Черное с белым»: <http://cfs.folkos.com?dl=100331>

¹⁶ Справочник по психиатрии. Издание второе, переработанное и дополненное. Под ред. А. В. Снежневского, М: «МЕДИЦИНА», 1985

диагноз, поставили на учет и искалечили всю его жизнь¹⁷. Школу он не закончил, в техникум его не брали. И только в 29 лет (в 1989 г.) он получил справку¹⁸, что никакого психиатрического заболевания у него нет и никогда не было. Но материалы его дела ждали своего часа (и в 2012 г. дождались!).

Зато наследники палача - акад В.Н.Снежневского и сегодня повторяют его циничный довод: «И инакомыслящие остались живы, и общество стало чище». Подразумевается, что попавшие на принудительное лечение были спасены от тюрем и лагерей. Как всегда в таких случаях цифры заменяются эпитетами, позволяющие доказать любое утверждение. Во-первых, обсудим «живы». В Казанской СПБ с интенсивным наблюдением из 10 000 её пациентов именина 1802 погибших попали в книгу «Памяти Республики Татарстан». То есть в среднем погибло 18% пациентов. За неимением других цифр примем эту за среднюю. Если отбросить войну, то в довоенное время смертность в концентрационных лагерях составляла около 4%, после войны она падала от 4% и в 1956 г. сравнялась со смертностью гражданского населения – 0,4%.¹⁹. Мы не будем здесь анализировать причины столь высокой смертности в психиатрических больницах - они очевидны, но утверждать, что в психиатрических больницах она существенно ниже, чем в местах заключения, нет никаких оснований.

И.А. Бродский, который два месяца провел в психиатрической больнице на экспертизе, пришел к выводу, что это гораздо страшнее тюрьмы и ссылки, а у него был опыт. Это мнение разделяют многие. Во-первых, в лагере, а тем более в ссылке, заключенный знает свои сильно ущемленные права, знает, когда у него закончится срок, знает, когда он может получить передачу, и даже, когда он сможет встретиться с близкими. О каких-либо правах пациента в психиатрической больнице говорить не приходится. То есть человек, признанный приговором суда преступником, находился в значительно более выгодном положении, чем человек, освобожденный судом от уголовной ответственности как невменяемый в момент совершения правонарушения.

Один из главных рисков в заключении – это криминальная среда. Но в психиатрических больницах те же уголовники часто работают санитарями, а по правосознанию некоторые врачи мало отличается от таких санитаров. Помимо физических пыток, пациент в любой момент в наказание по самому ничтожному поводу и без повода может быть подвергнут гораздо более страшным лекарственным пыткам. Под постоянной угрозой находит здоровье пациента, которое в любой момент может быть необратимо разрушено. Свидетельств этому достаточно. В самих психиатрических больницах существует дискриминация лиц, находящихся на принудительном лечении. В частности, им в отличие от остальных пациентов не представляется лечебный отпуск.

На одно обстоятельство почему-то редко обращают внимание. Полное бесправие пациентов психиатрических больниц, террор, которому они подвергаются со стороны персонала и врачей, уверенных в полной своей безнаказанности, разрушает личность и здоровье палачей. И обстановка от этого становится еще более беспросветной.

Метаастазы карательной психиатрии сегодня

Многие уверяют, что со времен Советского Союза уже прошло 20 лет, надо смотреть вперед, а эти печальные страницы нашей истории давно пора закрыть. К сожалению, считать, что времена карательной психиатрии ушли в прошлое, нельзя²⁰. Просто существенно сократился

¹⁷ Рудницкий А.Л., Одиссея Владимира Леконта по авгиевым конюшням российской правоохранительной системы/ ЖЖ, 15.06.13 <http://arudnitsky.livejournal.com/158547.html>

¹⁸ Справка В.Л. Леконта/ <http://cfs.folkos.com?dl=100329>

¹⁹ Пушкарев Б.С., Две России XX века. Обзор истории 1917 – 1993, М: «Посев», 2008

²⁰ Пятибратов Виктор, Психиатрическая атака или психическая оборона? /«Новая Сибирь» № 40 (1042), 12.10.12; Рудницкий А.Л., Карательная психиатрия шагает по России/ ЖЖ, 27.02.13 <http://arudnitsky.livejournal.com/179238.html>

ее масштаб, но разработанные в те годы методы систематически используются в коммерческих²¹ и политических целях.

В.Л. Леконт (см. сноску 17) надоел своей правозащитной деятельностью прокуратуре и судам. Против него было инспирировано уголовное дело, но у следствия возникли сложности из-за обнаружившейся у правозащитника легальной аудиозаписи судебного заседания. По ходатайству следствия тот же суд направил его на амбулаторную, а затем и на стационарную (в течение месяца) психиатрическую экспертизу. Эксперты-психиатры не рискуют утверждать, что клиент невменяем, но, как обычно, случай оказывается настолько сложным, что в амбулаторном режиме и за месяц наблюдения в палате психиатрической больницы «определить его вменяемость не представляется возможным», и издевательство продолжается. В своих заключениях ангажированные следствием эксперты-психиатры каждый раз вспоминали, что он 20 лет состоял на психиатрическом учете и неоднократно направлялся в психиатрическую больницу, а про справку, что в 1989 г. он не был болен и никогда не болел, злонамеренно забывают. Но в этот раз экспертам Центра им. Сербского нескольких минут беседы оказалось достаточно, чтобы твердо установить вменяемость В.Л. Леконта. Ответственность за направление на психиатрическую экспертизу без каких-либо оснований законом не предусмотрена.

Авторы этой статьи познакомились в 2012 г. в психиатрической больнице: один был пациентом, другой – защитником. А.А. Сергеев своей правозащитной деятельностью изрядно надоел мэру г. Бердска А.Г. Терепе, милиции и прокуратуре. Тогда ему подстроили уголовное дело, а когда липовые доказательства следствия стали разваливаться, обвиняемого командировали на экспертизу в Центр им. Сербского, укомплектовав его дело доказательствами, часть из которых не нашла подтверждения в суде. Полтора месяца назад суд отменил ему принудительное лечение, но два года он провел в психиатрических больницах.

А.А. Сергеев подал в суд на главного врача Новосибирской психиатрической больницы №6 специального типа И.И. Королькову, вопреки закону отказавшейся ознакомить его и его представителей с медицинской карточкой и другими медицинскими документами. В суде выяснилось, что главный врач И.И. Королькова, действует по нормам Временной инструкции о порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния», утвержденной Приказом Минздрава СССР от 21 марта 1988 г. N 225, как уже упоминалось, отмененной постановлением Верховного совета РФ от 2 июля 1992 г. Признав в суде, что нормы этой инструкция противоречит Конституции РФ и ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», И.И. Королькова заявила, что вынуждена пользоваться ею: «У меня есть инструкция – приказ министерства (Минздрава СССР) № 225 от 1988 г. Да, он старый. Но он, во-первых, согласован с Верховным судом, с прокуратурой, с МВД. Этот приказ никто не отменял... Лучшей инструкции у меня нет!»

Главный врач И.И. Королькова не единственная в своей привязанности к временной инструкции времен психиатрического террора. Если стоит задача упрятать в психиатрическую больницу здорового человека, в рамках существующего законодательства этого сделать невозможно, тогда из запасников достается временная инструкция.

Вот типичный пример. Федеральный судья Держинского районного суда г. Новосибирска Е.В. Девинойкина постановила 26.12.2012²² продолжить принудительное лечение в психиатрической больнице А.А. Сергееву. Это постановление было основано на

²¹ Это новое амплуа преступников-психиатров, не возможное в СССР.

²² Постановление Держинского районного суда г. Новосибирска <http://ru.scribd.com/doc/196821982/Postan-26-12-13-pdf>

ходатайстве Новосибирской областной психиатрической больницы №3, заключении комиссии врачей-психиатров этой больницы²³ и разъяснениях положений заключения, данных в суде заведующей отделением, лечащим врачом А.А. Сергеева и членом комиссии Е.В. Раздорбаевой.

Суд пришел к выводу, что из заключения за №150/1 от 09.11.12 следует, что «у Сергеева А.А. страдающего параноидным развитием личности (1), за время пребывания в стационаре значительного изменения динамики психического состояния не произошло (2), отсутствует критическое отношение к совершенному правонарушению (3), а также для решения социальных вопросов (4) и проведения реабилитационных мероприятий (5),... рекомендовано продлить в отношении Сергеева А.А. принудительные меры медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа». Суд не упомянул, хотя обязан был оценить еще одно доказательство необходимости дальнейшего принудительного лечения пациента, имеющееся в заключении и обсуждавшееся во время судебного заседания – отсутствие признания поставленного пациенту диагноза (6).

Суд согласился с этими доводами и игнорировал все возражения А.А. Сергеева и защиты, кроме п.б.:

1. Параноидное развитие характера – это не заболевание, а черта характера, которая не может быть вылечена и не входит в МКБ-10 как основание для принудительного лечения²⁴.
Судья Е.В. Девиатайкина не проверила это возражение и ограничилась утверждением, что у нее нет оснований сомневаться в достоверности ссылки Е.В. Раздобаровой на МКБ-10²⁵.
2. Психическое состояние А.А. Сергеева таково, что лечащий врач Е.В. Раздобарова за три месяца его пребывания в ее отделении не сочла необходимым назначать ему какую-либо лекарственную терапию. То есть довод об отсутствии динамики следует понимать так: несмотря на трехмесячное пребывание ее пациента в больнице, психическое состояние его не ухудшилось.
3. Если бы эксперты-психиатры и суд ознакомились с материалами уголовного дела А.А. Сергеева или с документами, у него имеющимися, они бы убедились, что экспертиза²⁶ не обнаружила следов крови на ноже, которым обвиняемый с заломленной правой рукой ранил пострадавшего майора Атясова, что обвиняемый нанес ему пять ранений в шею, плечо и грудь и что на рубашке пострадавшего обнаружено ровно пять отверстий, нанесенных ножом, но чудесным образом все они оказались на спине. До какого же состояния врачи-психиатры планировали довести пациента²⁷, чтобы при этих обстоятельствах он раскаялся в правонарушении, которого не совершал?
4. Решением социальных вопросов врачи-психиатры в заключении назвали отсутствие прописки, но заведующая отделением Е.В. Раздобарова сама активно мешала своему пациенту решить эту проблему.
5. Под реабилитационными мероприятиями Е.В. Раздобарова подразумевает еженедельные беседы с психотерапевтом, которые сама же в суде определила

²³ Заключение комиссии врачей-психиатров №150.1 от 09 ноября 2012 г. <http://cfs.folkos.com?dl=51055>

²⁴ Это убедительно и высоко профессионально доказано в заключении проф. В.Ю. Завьялов (см.сноску 10).

²⁵ Интересно, когда судья Е.В. Девиатайкина ведет процесс о мошенничестве, она ссылается как на неоспоримое доказательство на утверждение обвиняемого в своей кристальной честности, так как «у нее нет оснований сомневаться в достоверности» этого утверждения.

²⁶ Акты экспертизы ножа и рубашки пострадавшего <http://cfs.folkos.com?dl=0100336>

²⁷ Принуждение к даче показаний с помощью угрозы продолжения принудительного лечения содержит все признаки преступления, предусмотренные ст. 302 УК РФ

как добровольные. Суд отказался А.А. Сергееву в ходатайстве пригласить в качестве свидетеля психотерапевта, утверждающего, что необходимости в этих беседах у него нет.

Не обсуждая другие удивительные подробности заключения врачей-психиатров и судебного заседания под председательством судьи Е.В. Девятайкиной, обратим внимание читателей, что п.п. 3, 4 и 6, не имеющие никакого отношения к психиатрии, заимствованы из инструкции 1988 г. времен использования психиатрического террора в политических целях.

Сколько же еще больных, не обладающих как А.А. Сергеев знаниями, настойчивостью и общественными связями, находятся на принудительном лечении в российских психиатрических больницах, потому что не раскаиваются в несовершенном правонарушении, не признают свой диагноз или не имеют прописки?

Главная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что во времена карательной психиатрии некоторые из врачей-психиатров вынуждены были участвовать в репрессиях под угрозой потери работы, свободы и жизни. Сегодняшним их наследникам пока ничто не угрожает, и они совершают преступления по призванию. А некоторые молодые психиатры с гордостью называют себя учениками акад. А.Н. Снежневского и творчески развивают его наследие. Сенатор Олег Пантелеев, ссылаясь на данные Центра им. Сербского, предложил внести изменения в ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», позволяющие узаконить «более сбалансированную позицию между старым репрессивным подходом к принудительному лечению и нынешней, подчеркнута либеральной позицией». Так заведующая отделением психиатрической больницы №3 И.В. Гончаренко открыла, что правозащитная деятельность – это сексуальная девиация (половое извращение), при котором больной в в суде испытывает половое удовлетворение. А ее коллеги из новосибирской психиатрической больницы №3²³ отказ пациента по принципиальным соображениям от дачи взяток для оформления прописки, трактуют как дезадаптацию - симптом его психического расстройства, доказывающего необходимость принудительного лечения¹⁰.

Существуют яркие примеры гипердиагностики экспертами Государственного научного центра социальной и психиатрической экспертизы им. В.П. Сербского. С другой стороны директор Центра Татьяна Дмитриева в 2006 г. признала, что 20-50% пациентов психиатрических больниц необходимо перевести на амбулаторное лечение²⁸ – практику принудительного лечения она не критиковала.

Естественным ограничением разрастания этого злокачественного процесса является недостаточное бюджетное финансирование. Но эта проблема лоббируется на самом высоком уровне. Так, спикер Совета Федерации Сергей Миронов, 20 апреля 2009 г заявил, что в России численность пациентов психиатрических клиник по сравнению с серединой 90-х годов почти удвоилась и в регулярной психиатрической помощи нуждаются 25% населения²⁹. Эти данные противоречат официальной статистике Минздрава, но лоббирование не предполагает использование только достоверных данных.

С другой стороны, глава Ассоциации психиатров Украины С.Ф. Глузман³⁰ считает, что доставшееся в наследство от Советского Союза избыточное число психиатрических больниц не позволяет эффективно использовать средства, выделяемые

²⁸ Правда.РУ, 01.12.2006 <http://www.pravda.ru/news/health/01-12-2006/205841-klinika-0/>

²⁹ РИА НОВОСТИ, 20.04.2009 <http://ria.ru/society/20090420/168717467.html>

³⁰ С.Ф. Глузман в 1972 был приговорен к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки за заочную экспертизу по делу генерала П.Г. Григоренко и распространение ложной информации о злоупотреблениях психиатрией в политических целях.

из бюджета на эти цели: «За границей ... деньги даются, чтобы больной вернулся в общество, чтобы он жил не в больнице на деньги налогоплательщика, а для того, чтобы он жил дома». Он считает, что необходимо перераспределение средств в пользу реабилитации и улучшения диспансерного обслуживания населения³¹.

Выводы:

Основой психиатрического террора в СССР в 60-80 гг. XX века было монопольное положение школы академика В.Н. Снежневского, основанную на принципах дегуманизации профессии, гипердиагностике и бесправии пациентов. Центр снова имеет монопольное право на аттестацию государственных экспертов по судебной психиатрической экспертизе.

Права пациентов защищены Федеральным законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», но его нормы зачастую нарушается и врачами-психиатрами, и судами.

Независимая ассоциация психиатров России систематически дискредитируется. Непонятно, почему Всемирная ассоциация психиатров, дав однажды принципиальную профессиональную оценку методам карательной психиатрии, сегодня не замечает общеизвестных фактов ее возрождения в России?

Авторы статьи выражают признательность проф. Ю.В. Завьялову за полезные замечания

³¹ В Украине слишком много психбольниц, УНІАН, 04.10.2008 <http://www.unian.net/news/276722-v-ukraine-slishkom-mnogo-psihbolnits.html>

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СРЕДСТВАМИ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ

В 2004 году в школе № 94 был создан «Музей памяти жертв политических репрессий». Чем объяснить выбор такого, прямо скажем, необычного для школьного музея направления поисковой работы? В начале 90-х годов «на волне» гласности и перестройки в обществе резко возрос интерес к периоду сталинских политических репрессий. Активно начали создаваться общественные и правозащитные организации. Средства массовой информации публиковали разоблачительные и сенсационные материалы об этом периоде истории нашей страны. Все это волновало людей горячо и искренне. Однако сейчас наблюдается совсем иная картина. Все чаще наблюдается стремление преуменьшить число жертв террора. Популярными становятся рассуждения, оправдывающие массовые репрессии объективной необходимостью и целесообразностью. Нередки и ностальгические сожаления о «сильной руке». Но еще живы тысячи

людей, для которых ад сталинских лагерей и ссылки не страницы остросюжетного исторического романа. Настоящая работа для ребят началась со знакомства с материалами о политических репрессиях в СССР. Даже для многих старшеклассников эти страницы истории России оказались совершенно неизвестными. Подбирая материалы для стендов, знакомясь с биографиями известных военачальников, артистов, ученых школьники с огромным удивлением узнавали о том, что они подвергались репрессиям, отбывали сроки в сталинских лагерях. Ребята с волнением слушали выступления пожилых людей, записывали их воспоминания. Для многих было потрясением узнавать, что время репрессий коснулось и их собственных семей. Ребята говорят, что, рассказывая дома о своей поисковой работе в школьном музее, они нередко встречаются с совсем иной оценкой событий. Трудно преломить сложившиеся представления о «врагах народа», о политике советского государства в этом вопросе, которые сформировались у старшего поколения.

Повторюсь — тема нашего первого музея «Памяти жертв политических репрессий» очень необычна для школы. Она, — эта тема, требует особого отношения, восприятия. Тематика репрессий очень болезненна для многих поколений. Есть множество людей, семьи которых лично коснулись репрессии со стороны власти, есть яростные противники, утверждающие, что проблема надумана и ложна. Говорить об этом очень сложно, а объяснять это ученикам еще сложнее. Но мы были поставлены в определенные тематические рамки самим фактом создания подобного музея. Поэтому первые экспонаты, исследовательские работы, первые контакты появились именно в связи с необходимостью изучить эпоху сталинских репрессий, найти свидетелей и единомышленников. Мы погрузились в эту работу достаточно глубоко. Теперь мы имеет некоторое право судить об этих событиях и необходимости сохранения памяти об этом времени.

Семь лет тому назад состоялась первая экскурсия к Святому источнику в поселке Ложок под Искитимом. Она была организована для сбора материалов музея «Памяти жертв политических репрессий». Впечатлением об увиденном участники первой поездки

делились со школьниками. Многие из этих ребят пришли потом к нам в музей как добровольные помощники, настолько их поразила история Искитимского лагеря. Пришли с желанием понять и узнать о судьбах тех, кого называли «врагами народа». Тогда мы даже представить не могли, что ежегодное посещение этого места станет школьной традицией. Ребята ждут этих поездок, записываются на них заранее. И не отказываются от посещения Святого источника в любую погоду.

Когда-то, в марте 2007 года, от директора Томского музея «Следственная тюрьма НКВД» Ханевича Василия Антоновича пришло приглашение на научную историко-краеведческую конференцию «Шатиловские чтения — 2007». Побывав там, мы впервые познакомились с опытом томских коллег по организации подобного мероприятия. И у нас родилась смелая идея организации чего-то подобного на базе школы № 94 для учащихся. Форма его проведения определилась не сразу, но мы пришли к выводу, что это должен быть Слет музейных активистов.

Когда в 2009 году мы организовали свой I региональный Слет, он прошел под темой сохранения памяти о времени сталинских репрессий. Те, кто побывал участником или гостем помнят, что на нем присутствовало больше взрослых, чем учеников. Это вполне объяснимо — тема эта, как уже упоминалась, достаточно сложная. Но тогда мы получили бесценный опыт организации подобных мероприятий. Мы рассылали приглашения на Слет практически «вслепую», не зная, кто отзовется, будет ли интересна и востребована предложенная тема. На тот момент у нас были только контакты с Томскими коллегами. Но все оказалось даже лучше, чем ожидалось. Откликнулись не только новосибирские школы, приехали люди, с которыми впоследствии нас будет связывать крепкая дружба: участники проекта «Прощение и память» из села Каргасок, члены общества «Хронос» из города Тайга, сотрудники Томского краеведческого музея, приславшие материалы и приветствие к Слету. Искитимская школа № 5, новосибирские коллеги, решившиеся рассказать о судьбе своих репрессированных родственников, новосибирский поэт Новосельцев Виктор Никитович. Уроженец томской земли — он не понаслышке знаком со временем репрессий.

Налаженные контакты очень расширили наши планы и возможности. В марте 2010 года по приглашению коллег мы побывали в школе №34 г. Тайга и приняли участие в научно-практической конференции «Забвению не подлежит». Ребята делились опытом, накопленными материалами, горячо и искренне обсуждали проблему сохранения памяти средствами школьных музеев.

Войдя во вкус — отправились на Алтай в Сростки. Заинтересовавшись судьбой В.М. Шукшина, ребята узнали, что был репрессирован его отец. Они собрали об этом материалы по воспоминаниям самого Шукшина и его родственников. Теперь в нашем музее есть экспозиция, посвященная этим событиям.

Однажды нам стало известно, что в селе Довольное, или около него, существует захоронение зверски убитых священников. И было решено с членами актива музея съездить в Довольное и узнать все на месте. С нами в эту поездку (которая состоялась в июне 2011 г.) отправился и отец Сергей, представитель Паломнического центра собора во имя благоверного князя Александра Невского.

В Довольном с нами встретился отец Андрей и рассказал историю перезахоронения праха 18 убиенных священников в деревне Волчанка, в 30 километрах от Довольного. Мы побывали у памятного креста на месте перезахоронения, расположенного в центральном сквере села Довольное. Затем была проведена экскурсия в краеведческий музей села, где продолжился разговор о судьбах села, района, страны...

Так что когда встал вопрос об организации II Слета Активов школьных музеев, конечно же, было уже не так страшно. Тематика II Слета — история родного края. В рамках работы Слета на первом месте был рассказ о значении и роли музея в воспитательной и общественной жизни школы, интересных находках в плане организации мероприятий, налаживания связей с общественными организациями, необычных приемах и методах музейной работы. Незабываемое впечатление на участников Слета оказало выступление общества «Хронос» города Тайга (друзья не

могли не откликнуться на наше приглашение). Мини-спектакль тайгинцев, поставленный по мотивам произведений Солженицына, заставил зал буквально замереть.

28 октября 2013 года состоялся уже III Слет активов школьных музеев. Девиз нашего Слета неизменен: «Сохраним память». Вновь на базе музейного комплекса собрались друзья и единомышленники, заинтересованные в сохранении правды о событиях сталинского периода в жизни страны. Активисты музея школы № 94 подготовили материалы по «Делу о коченевских крестьянах-повстанцах» и материалы о репрессированных деятелях культуры и искусства СССР. На Слет приехали члены историко-патриотического общества «Хронос»

музея «Реабилитация» школы № 34 г. Тайга. Ребята рассказали о своем музее, о задаче, которую они ставят перед собой: рассказывать всю правду, пусть жестокую и неприглядную об эпохе политических репрессий, о судьбах и чувствах людей, переживших это время. Мини-спектакль, поставленный по воспоминаниям узников лагерей, детским письмам и рассказам, фрагментам из произведений Солженицына, произвел неизгладимое впечатление на участников Слета. О трагических страницах биографий основателей нашего города — Будагова Г.М. и первого городского головы Новониколаевска В.И. Жернакова, собрали сведения ученики гимназии № 17 Классической. С творческим отчетом об участии в международном проекте «Дискриминация. Не отводи взгляд» выступили школьники гимназии № 6 «Горностай». Активисты ученического Центра самоуправления «Патриот» музея школы № 50 подготовили выступление о репрессиях в Новосибирске «Такое страшное было время ...». И, конечно же, состоялась традиционная уже поездка школьников на Святой источник в пос. Ложок.

Казалось бы — ну велики ли возможности школьного музея? Что нам удалось сделать особенного за 9 лет его существования? Пожалуй, самое главное наше достижение — это то, что за эти годы выросло целое поколение «музейных» школьников. Те старшеклассники, которые начинали организацию поисковой и общественной работы нашего музея уже закончили школу. Но они заложили традиции, которые бережно сохраняются ребятами из Совета музея до сих пор. Школьники всегда охотно принимают участие в проведении Недели памяти (приуроченной к 30 октября), продолжают переписку и общение с нашими иногородними друзьями и коллегами. Ежегодная поездка к Святому источнику — событие ожидаемое, на поездку записываются заранее. А для участия в работе Слетов ребята отбирали кандидатуры от нашего музея чуть ли не на «конкурсной основе» — так много было желающих.

Ребята полны планов — мы собираемся посетить Пермь и побывать в музее истории политических репрессий «Пермь-36». В Совете музея ученики обсуждают, какие новые формы работы мы предложим нашим гостям, ждут встречи со старыми друзьями и надеются на новые знакомства. И если эту творческую активность и ответственность за сохранение памяти удастся поддерживать при помощи работы школьных музеев — значит, эту форму деятельности нужно активно поддерживать.

АНАТОЛИЙ ТИХОНОВИЧ МАРЧЕНКО

В 1988 году Европейский парламент учредил премию им. Сахарова «За свободу мысли». Первыми лауреатами этой премии стали самые известные в мире политические заключенные: Нельсон Мандела, будущий президент ЮАР, и Анатолий Марченко, советский правозащитник, к тому времени уже покойный.

Личность Марченко уникальна среди участников правозащитного движения в СССР. Человек из рабочих. Из классовой опоры коммунистической партии. Не какой-нибудь питерский интеллигент в -надцатом поколении, даже не потомок старых большевиков из Москвы, как большинство участников диссидентского движения, а буровой мастер с восемью классами образования. Человека, более социально близкого государству трудящихся и партии рабочего класса, трудно представить.

Как ни включишь утром радио, так обязательно услышишь духоподъемную песню о том, что «ты построил эти здания, ты направил русла рек — нет на свете выше звания, чем рабочий человек!»

Видимо, образовательный и профессиональный статус стали главным препятствием для реализации уже одобренного на заседании Политбюро в 1968 году Указа президиума Верховного совета СССР о лишении Анатолия Марченко советского гражданства. Не решились вожди выслать из пролетарского рая типичного пролетария. Это ведь не «философский пароход» отправить в Европу.

подготовки к празднованию 50-летия Октябрьского переворота. А тут — такой подарок.

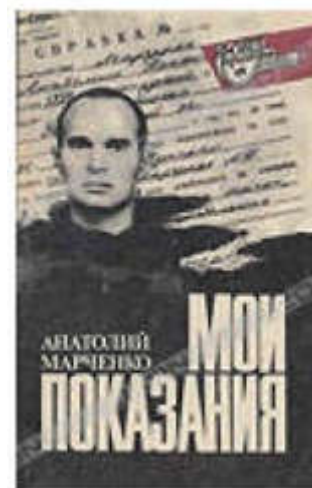
Книга о послесталинских политических лагерях. Это даже не «Колымские рассказы» Шаламова, не «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, где повествовалось хоть о близком, но прошлом. «Мои показания» писались о настоящем, о том, что происходило в данный момент.

Там, кстати, есть эпизод о подарках съездам и юбилеям в мордовских лагерях. Да. Тех самых, которые недавно с помпой отмечали 80-летие своего существования, власти поздравляли тюремщиков и хвалили за ту большую работу, которая проводится в мордовских лагерях (Дубровлаг) с 1931 года до наших дней. Где когда-то сидела жена Нестора Махно, а недавно держали Надежду Толоконникову.

Не удержусь от цитирования:

На спецу, в нашем бараке сидел один парень, Николай Щербаков. Когда я его увидел из окна в прогулочном дворике, то чуть не упал. На его лице не было живого места. На одной щеке: «Ленин палач». На другой продолжение: «Из-за него страдают миллионы». Под глазами: «Хрущев, Брежнев, Ворошилов — палачи». На худой и бледной шее черной тушью вытатуирована рука, сжимающая его горло, и на кисти буквы «КПСС», а на большом пальце, упиравшемся в кадык, — «КГБ».

Щербаков сидел в такой же угловой камере, как и наша, только в другом конце барака. Сначала я только видел его из окна, когда их камеру водили на прогулку, и мы часто гуляли одновременно в соседних прогулочных двориках. Переговариваясь потихоньку от надзирателей, мы познакомились. Я убедился, что он нормальный человек, не псих, как я было подумал сначала. Это был неглупый парень, он довольно много читал, знал по газетам все новости.

Щербаков отрезал себе ухо. Позднее мы узнали подробности. На ухе он сделал наколку: «В подарок 22-му съезду КПСС». Видимо, наколку он сделал раньше, чем отрезал

ухо, — иначе истек бы кровью, пока накалывал. Потом, совершив ампутацию, стал стучать в дверь, и, когда надзиратель открыл наружную сплошную дверь, Щербаков выбросил ему сквозь решетку свое ухо с теми же словами: «В подарок двадцать второму съезду!»

В «Моих показаниях» Анатолий Марченко поделился впечатлениями о двух своих первых отсидках, вторая из которых была вызвана попыткой ухода за границу. Верховный суд Туркменской

ССР выписал беглецу от социализма 6 лет по статье «Измена Родине», которая привела его в политические лагеря и Владимирский централ, познакомила с лучшими людьми страны, строившей коммунистическое общество.

История написания «Моих показаний» с многочисленными перепечатками, перепрятыванием рукописи, подробно изложена в последней, недописанной книге Марченко «Живи как все».

Этой книги, как и нескольких публицистических выступлений в Самиздате, чекисты Марченко не простили.

22 июля 1968, за месяц до оккупации Чехословакии войсками Варшавского договора Анатолий Марченко адресует нескольким советским и иностранным газетам открытое письмо — предупреждение об угрозе военного подавления — пражской весны. Через несколько дней арестован в Москве, обвинен в нарушении паспортного режима (бывшим политзаключенным запрещалось жить в столице) и 21 августа 1968, в день вторжения в Чехословакию, приговорен к году заключения. Отбывал срок в Ныробском уголовном лагере (Пермская область).

Показательная расправа. Это обвинение похоже на те, что ныне сотрудники Федеральной миграционной службы с приглашением тележурналистов адресуют бесправным гастарбайтерам, попавшим под их облаву. Но нелегальных мигрантов высылают на родину, а не дают им срок. Пока, во всяком случае. Кстати, с этой секретной инструкцией МВД СССР, запрещавшей лицам, привлекавшимся к ответственности по политическим статьям, находиться в Москве, я столкнулся в 1987 году. Времена начали смягчаться, и меня, задержанного в Москве, лишь посадили в поезд до Новосибирска за счет «органов», двое сотрудников которых сошли с поезда в Александрове.

Срок чекистам тогда показался слишком детским: за нарушение паспортного режима больше года нельзя было дать, поэтому накануне освобождения против Марченко было начато новое дело по ст. 190-1 УК РСФСР (распространение среди заключенных — клеветнических измышлений, порочащих советский строй). Осужден (22 августа 1969) выездной сессией Пермского областного суда к двум годам лагерей.

Марченко мало времени проводил на свободе. Да и «свободой» его жизнь за пределами пенитенциарных учреждений назвать трудно. С 1971 по 1975 он жил в Тарусе под гласным административным надзором. То есть, мог видаться с женой, сыном, но не мог приезжать к ним в Москву.

Трудно сказать, нарушал ли этот запрет Марченко. Это и не важно. Важно, что он не прекращал правозащитной деятельности, важно, что ему в очередной раз предлагали подать заявление на выезд, т.е., не быть лишенным советского гражданства, как

планировалось чекистами в 1968 году, а добровольно отправиться, якобы, в Израиль.

Важно, что Марченко не пошел на сделку. Его голосовно обвинили в нарушении режима административного надзора и отправили в четырехлетнюю ссылку на БАМ — в поселок Чуна Иркутской области.

Возмущенный произволом, Марченко объявил голодовку, которую держал два месяца. Вот что он писал во второй своей книге «От Тарусы до Чуны», опубликованной в 1976 году в Нью-Йорке:

Если бы кто-то спросил у меня совета, объявлять ли ему голодовку, я бы сказал: «Нет». В принципе я против голодовки, как и против самоистязания в любой форме. И такое мое отношение не есть результат личного опыта марта-апреля 1975 года. Оно сложилось раньше, я был против голодовки до, после и даже во время своей голодовки. Личный опыт добавил только то, что теперь я на самом деле ощутил и последствия этой губительной акции. Полгода спустя я чувствую себя инвалидом, не способным работать (хотя это не признано врачами в ссылке), и боюсь, не навсегда ли такое состояние.

И все-таки я не могу себя осудить за то, что, поддавшись эмоциям, объявил и долго держал голодовку. Более того, я не зарекаюсь, что в какой-то ситуации не пойду на нее снова. Чувство бессильного протеста, когда тебя держат за горло, может толкнуть на любые крайности. Таким же сильным может оказаться и сочувствие другому человеку, другим людям, доведенным до отчаяния.

Политические голодовки в СССР стали массовым явлением. Известия о них (но не обо всех!) прорываются через колючую проволоку и через тюремные стены. Но, к сожалению, чем больше таких известий, тем менее острой становится реакция на них общественного мнения. Люди воспринимают факт — но забывают о его причинах. И не представляют себе его последствий.

Причина голодовки — крайняя степень жестокости и бесчеловечности, беззаконие и произвол властей.

Последствия голодовки — утрата здоровья, угроза жизни. Я начал голодовку «с воли», держал ее около двух месяцев, через месяц после снятия оказался в домашних условиях — и то мое здоровье подорвано. А Валентин Мороз держал голодовку почти пять месяцев, начал ее после трех лет тюрьмы, закончил в тюрьме же, там он и сейчас. В условиях лагеря держали длительные голодовки инвалид Иван Светличный и другие политзаключенные Пермских лагерей. Политзаключенные женщины в Мордовии несколько раз объявляли голодовки, и после них для «поправки здоровья» заключались в карцер и в БУР!

Помните: голодовки кончились, но жизнь голодавшего в опасности.

Помните: политическая голодовка — свидетельство преступного отношения властей СССР к правам своих граждан и к самой их жизни.

Я не берусь что-либо советовать. Но мне кажется, что долг порядочного человека, гражданина СССР, не оставлять без внимания обстоятельства, которые доводят их соотечественников до такой крайности, как голодовка.

Мне кажется, что международное сотрудничество с советским режимом в области культуры и экономики без активного влияния на его обращение со своими гражданами поощряет его на жестокость и деспотизм. Наличие политзаключенных в стране, а тем более — их трагическое положение в наши дни уже не является внутренним делом этой страны. Контакты с жестокими диктатурами понижают нравственный уровень всего человечества. К тому же эти свойства — жестокость, бесчеловечность, власть силы — имеют тенденцию распространяться по всему миру.

Написано на БАМе в 1975 году, а как современно звучит! Прямо про Ходорковского, Пусси Райот, болотных узников и активистов Гринпис.

После таких слов о неприемлемости голодовки, опубликованных в 1976 году, Анатолий Марченко погибает в результате голодовки спустя 10 лет.

Погибает 8 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме. Последний раз чекисты не стали искать псевдоповодов для ареста. Посадили в 1981 году, в разгар «андроповщины» на 10 лет лагерей и пять лет ссылки по 70-й статье.

Требование Анатолия Марченко к советским властям было жестким и ультимативным — освобождение всех политических заключенных. Оно даже родственникам показалось чрезмерным и безумным.

Но Марченко победил. Через неделю после его гибели состоялся исторический звонок Горбачева в ссылку Сахарову. Освобождение политзаключенных началось.

Семинар называется научно-практическим. Поэтому я вспомню о своей практике и сделаю предложение для нашей общей.

Напомнить новосибирцам о земляке, уроженце города Барабинска и строителе Новосибирской ГЭС, я попытался впервые ещё до присуждения ему Европарламентом премии имени Сахарова. В 1987 году, накануне годовщины его гибели, вечером 7 декабря, я попытался прикрепить самодельный плакат о подвиге Анатолия Марченко на стенд у консерватории. Несмотря на позднее время, около 24 часов, и сильный мороз, плакат я прикрепить не успел. По тротуару из сквера у Водного института на ул. Советскую выехала черная «Волга» и меня вместе с плакатом отвезли в Железнодорожный РОВД. Утром послушная советская тетка-судья, такая же послушная, хоть и не такая обеспеченная, как путинские судьи, выписала мне 15 суток административного ареста за хулиганство, якобы, «нецензурную брань» в общественном месте.

Для советской власти Марченко оставался опасен и после смерти.

Это подтвердила другая дама-судья и тоже из Железнодорожного суда спустя полтора года, в апреле 1989 года. Тогда мне дали 15 суток за участие в якобы несанкционированном митинге в Нарымском сквере. Но в решении суда был специальный абзац, посвященный Марченко: вещественное доказательство, книгу А.Т.Марченко «Живи как все», уничтожить как материал, запрещенный к обращению на территории СССР. Это было ровно за месяц до открытия первого съезда народных депутатов СССР.

Книги Марченко — не образец изящной словесности, они лишены литературного изыска. В них — голая и беспощадная правда. Вряд ли их стоит изучать на уроках литературы. Но для уроков истории — это незаменимое учебное пособие.

Можно сослаться на слова Григория Померанца: «Мы будем судить о поколении по тем, кто шел против течения, кто впечатал в историю свою личность, кто вырвался из массы...»

Кто жил не как все.

Чекисты и судьи старательно вычеркивают из исторической памяти таких людей как Марченко. По телевидению поют осанну добрейшему Леониду Ильичу, его милейшему зятю Чурбанову, пытаются восстановить памятник Дзержинскому.

В Новосибирске по шесть городских объектов до сих пор носят имена большевистских палачей Калинина и Кирова, четыре — имя Дзержинского.

И нет даже переуллка Марченко.

Какие-то огромные деньги нынешняя власть выделяет на раскрутку «имиджа области». А имени человека, поставленного Европарламентом на одну ступень с Нельсоном Манделой, никто не вспоминает.

Десять лет назад удалось добиться установления в Академгородке мемориальной доски Александру Галичу. Несмотря на упорное сопротивление старых большевиков из комиссии по топонимике. Тогда повезло: президент России накануне был с визитом в Париже и по совету имиджмейкеров возложил цветы на могилу Галича. Новосибирский мэр воспользовался ситуацией и дал добро на установление доски Галичу, наплевав на комиссию старых палачей.

Мне кажется, пора поставить вопрос о присвоении одной из улиц, площадей или

одного из парков Новосибирска имени Анатолия Тихоновича Марченко.

Поставить и добиться!

Нам в этом не сможет помочь супруга Анатолия Марченко, участница знаменитой демонстрации на Красной площади в 1968 году, Лариса Богораз. Она умерла в 2004 году. Но жив и работает в московском «Мемориале» его пасынок, Александр Даниэль. А недавно я услышал, что жив его сын, Павел, проведший в детстве с отцом четыре года в сибирской ссылке, и занимает активную гражданскую позицию.

И.С. Батенев (НТС)

ДЕТИ В ТАМБОВСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ

О политических репрессиях в России написано довольно много, но если учесть, что это и есть наша настоящая история, то получается, что это капля в море. Наш журнал «Посев» почти в каждом номере освещал эту тему, а вот тема «репрессии и дети» совсем не освещенная. Если зайдёшь в интернет, то кроме «Детей Арбата» ничего и нет, а ведь это не так. Всем известно, что Россия считалась (и во многом и сейчас) страной многодетной и от репрессий в первую очередь страдали и страдают именно дети. И вот, в августовском номере журнала «Посев», появляется статья, посвящённая этой теме. Хотелось бы на этом семинаре обсудить эту статью, а затем я поделюсь личными воспоминаниями

«Небелые пятна» истории. Дети после «Антоновщины»

Виктор Елисеев (Посев, № 7 (1630) июль 2013 г., стр.42–46

Помимо журнала, не очень доступного, статью можно прочесть в ЖЖ <http://arudnitsky.livejournal.com/196846.html>

Отношение к детям и старикам характеризуют это общество. Почти каждый может привести пример — что творилось с 1917 г. и по сей день. Моя мать, например, не знала отчества своего родного отца, т.к. её мать (моя бабушка) по этому поводу молчала как глухонемая. От матери мне известно, что её родной отец был кадровым царским офицером, был награждён 4-мя георгиевскими крестами и , естественно, был колчаковцем. Когда Советы стали разоблачать своих врагов (1929–30 гг.) мой настоящий дед Жигляев Иван (отчество не знаю) не стал дожидаться ареста и пыток и застрелился. Его жену и двух дочерей (моей матери было 5 лет) сослали в Джамбул. Там моя мать много болела (например малярией) и моя бабушка (говорят, была красавицей) вышла замуж за мелкого партийца и земляка, который удочерил девочек и, таким образом репрессии для них закончились и они вернулись на родину.

Второй пример. Через 2 дома от моей дачи стоит дача моего соседа — я его называю дядя Вася. У него крепкий домик с колодцем, и , когда ранней весной, в водопроводе ещё нет воды, мы всегда брали воду из его колодца. Однажды лет 15 назад, помню точную дату 12 июня, мы оказались в пустой электричке соседями по купе. Я спросил у дяди Васи, почему он так рано и в праздник едет в город? Он сказал, что администрация города вечером в ДКЖ устраивает праздник для жертв политических репрессий, и будут подарки (тогда власти ещё обращали внимание на них). Мне стало интересно, и я попросил его рассказать, что ему удалось пережить. И, вот, какую картинку он мне нарисовал...

Он (10-летний пацан) вместе со своими родителями братьями и сёстрами в 1930(31) году был погружен в баржу (как ребёнок кулака), и с задраенными люками их несколько

дней везли в вниз по Оби. Люки открыли и, дав им пару топоров и пилу, высадили у какой-то горы. Это был Нарымский край, накануне зимы и было их несколько тысяч человек, а взять им с собой ничего не дали.

Жить хотелось и они начали рыть норы в этой горе, чтобы как-то перезимовать, ставили самодельные капканы, а также собирали шишки и всякие корешки. После этой (как он говорил страшной зимы) их осталось половина. Потом, они стали там сеять, отгрохали себе крепкие дома, создали колхоз и даже выполняли план по сдаче хлеба и сельскохозяйственной продукции. Уже потом, как он говорил, когда им разрешили вернуться, было очень жалко всё это бросать.

К сожалению, такое отношение к детям наблюдаем и по сей день. Как тут не вспомнить 2-ю Чеченскую войну? Юноши 14, 15, 16 и 17 лет брали АКМ и шли защищать независимость Ичкерии, все они за короткое время оказались зарытыми во рвах. Говорят — это поколение в Чечне отсутствует их примерно 40 тыс.

А дети Беслана? Перед самым их вполне реальным освобождением, отдается приказ на штурм...

А прошлогодний закон Димы Яковлева?

В. П. Юрганова

КАК ЭТО БЫЛО*

Я учительница. Пятьдесят три года учила детей русскому языку и литературе. Однажды, готовясь к уроку, я писала карточку для нового словарного слова — поражение. Прочитала в словаре Ожегова его толкование, а в конце словарной статьи мелким шрифтом, стыдливо так, была сделана приписка: «Поражение в правах — лишение политических и гражданских прав на определенный срок как мера судебного наказания за тяжёлые преступления».

После нескольких минут шока, я задумалась. Какое же «тяжелое преступление» совершила я к моим неполным восьми годам? Именно тогда ко мне перешла мамина 58-я статья, пункт 1 «а» — «измена Родине». Когда я изменила ей? Тогда, в 1941, когда Родина не смогла меня ни защитить, ни эвакуировать, и я попала в оккупацию, а, затем, в 1943 году вместе с мамой — в концлагерь? Или в 1945, когда добросовестно вернулась из Германии на Родину?

В Германии мы побывали в двух лагерях: лагере временного содержания и стационарном — с газовыми камерами, трубами крематориев, камерами пыток, площадкой для расстрелов. Находился он в городе Бад-Заульгау и входил в систему лагерей Дахау.

Из этого лагеря нас выкупила богатая немка, которая жила недалеко от лагеря в городке Альтсхаузен, как оказалось потом, не для работы, а для того, чтобы меня удочерить. У неё вообще никаких родных не было. Но мама не согласилась. Женщина могла вернуть нас обеих в лагерь на верную смерть, могла вернуть только маму, да и купить могла только меня, без мамы. Но она оказалась очень хорошим человеком и ничего этого не сделала. Только, узнав от мамы, что я не крещёная, она попросила разрешить меня окрестить. Мама дала согласие, и она стала моей крёстной матерью.

* Аудиозапись этого доклада размещена по адресу <http://www.orthedu.ru/eparh/8525-kak-eto-bylo.html> 121

Звали её Эмма Бауэр, это самый для меня дорогой человек после мамы. Как мне хотелось бы поклониться ее могиле, но, не зная немецкого языка, я съездить туда не могу,

Родина нас не ждала. Квартира наша уже была занята, другого жилья нам не дали. Мы долго скитались по квартирам знакомых или снимали жилье, поэтому в сентябре в школу я не попала. Пошла в школу лишь в январе 1946 года, после зимних каникул. Но пручилась недолго.

6 февраля 1946 года, утром, к нам пришли трое в черном, в сопровождении нашей хозяйки. Они произвели обыск, сбросали в одну кучу грязное белье и даже совсем новые вещи. Самое страшное, что в эту же кучу, они высыпали половину пакетика перловой крупы — единственное в доме, что можно было есть. Составили протокол обыска и список вещей и увели маму с собой.

Меня из дома хозяйка выставила на улицу еще в их присутствии, заявив, что в дом меня до возвращения мамы не пустит, чтобы я не сожгла его, когда буду топить печь.

Я не плакала, когда повели маму к воротам, ее и в лагере утром уводили на работу, а вечером приводили обратно. Я не поняла, что случилось. А мама поняла, что может и не вернуться, у нее в 1937 году расстреляли брата. С мамой случилась истерика. Она просила, чтобы меня отвезли к ее подруге, и назвала ее адрес. Они пообещали маме это сделать, а мне сказали, что мама вернется через два-три дня.

Я осталась одна во дворе, на снегу, без шапки, в расстегнутом пальто и в не зашнурованных ботинках. Сама завязывать шнурки я еще не умела, а маму во дворе ко мне уже не допустили.

До позднего вечера, почти не двигаясь, я стояла во воре, ждала, когда за мной вернутся. Не дождалась. Потом два дня я прожила у знакомых в соседнем дворе.

На рынке, куда я пришла поменять вещи на хлеб и патоку, познакомилась с группой подростков и осталась с ними. Пробыла с ними четыре месяца. Ночевали, где придется. Еду добывали воровством. Украсть что-то удавалось не каждый день, не каждый день и ели.

Несколько раз нас вылавливала милиция, но долго не держали и мы снова оказывались на улице. После одного из задержаний меня отдали в семью на удочерение. Через несколько дней мои новые родители стали меня спрашивать, останусь ли я у них или уйду к маме, если она вернется. Я говорила, что уйду к маме. Однажды вечером я услышала их разговор о том, что они решили вернуть меня в милицию. Мои друзья приходили меня проводить, и в очередной их приход я снова ушла с ними.

В конце мая мы снова попали в милицию. На этот раз нас поместили в детприемник. Оформили все по полной программе. Даже пальчики откатали. Меня поместили отдельно от друзей. Они были все вместе, а я — одна. Не знаю, сколько дней мы там находились, но я все время плакала.

Из приемника меня отправили в детдом, а друзей, наверное, в колонию, потому что, когда их уводили, они мне наказали не убегать из детдома и пообещали, что через три года они меня заберут.

Мама все это время пыталась хоть что-то узнать обо мне. В тюрьме, в Запорожье, она даже объявляла голодовку. Тогда ей сказали, что я в детдоме, в Киеве. Соврали. Во-первых, в то время я еще беспризорничала; во-вторых, в детдоме я была далеко от Киева.

В сентябре 1946 года маму в ссылку привезли на станцию Посевная Черепановского района Новосибирской области. Она снова стала меня искать. Писала письма в Запорожье, в НКВД, своей подруге. Не ответил никто. Тогда мама написала незнакомой женщине, соседке своей подруги. Когда та пришла к маминой подруге, она сказала, что ничего обо мне не знает. Но женщина заметила, что при ее появлении они спрятали под подушку какой-то бумажный треугольник. Она буквально вырвала у них этот листок. Это оказалось мое письмо маминой подруге с моим адресом. Женщина переслала его маме в Сибирь.

Разрешение на поездку в Запорожье за мной мама получила летом 1947 года. А четвертого августа привезла меня в Сибирь, и все ее статьи перешли ко мне.

Я свое «поражение в правах» получила на полную катушку: мне не платили пенсию за отца, я никогда не ходила с детьми за ягодами и грибами — вдруг зайду дальше двух километров. В шестом классе, в юннатском кружке, я проводила опыт по выращиванию картофеля, получила премию — поездку на ВДНХ в Москву, но поехала другая девочка. В 1952 году я окончила седьмой класс и попыталась поступить в Новосибирский радиотехнический техникум. Но меня выловили на вокзале в Черепаново, где мы уже тогда жили. Снова люди в черном объяснили, что для меня выезд запрещен.

В педагогическое училище города Черепаново в тот год получился недобор студентов, и я, в дополнительной группе, за три дня сдала пять экзаменов, получив четыре «пятерки» и одну «четверку».

Директор педучилища сам принимал последний экзамен, он приобнял меня и сказал: «Молодец, из тебя получится хороший учитель».

А через четыре дня, первого сентября, на перемене, зашел в класс, спросил, у кого родители спецпереселенцы, и велел зайти к нему в кабинет. Я зашла. Он объяснил мне, что они случайно набрали студентов больше, чем нужно, поэтому меня отчислили. Отчислили меня, а не ту студентку, которая получила за диктант «единицу».

После обращения с письмом в Президиум Верховного Совета СССР, в педучилище меня восстановили.

Окончила педучилище в 1956 году, но в институт документы подавать не стала, до этого у многих высланных их не принимали.

Я могла бы бесконечно продолжать перечисление того, как «аукнулась» 58-я статья в моей жизни. У меня до сих пор нет ощущения, что это уже закончилось, хотя нас реабилитировали в 1991 году.

Да и государство не дает нам расслабиться. В 1991 году был принят закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», который ставил целью обеспечение жертвам «посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба».

Закон не выполнен до сих пор. А печально знаменитый закон №122, принятый в 2004 году, лишил, довольно значительно, репрессированных материальной компенсации, о моральной компенсации не сказано вообще ничего.

Государственная Дума не усмотрела в репрессиях морального вреда. А то, что сделала Родина с моей жизнью, не моральный ущерб? Если нет, то, что это тогда такое?

Так что этим 122-м законом нас снова репрессировали!

г. Искитим НСО,
октябрь 2013 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Леонид Соломонович Трус

ЗАГАДКА НОРИЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Минуло 47 лет с того дня, когда черный флаг над производственной зоной Горстроя возвестил всем категориям населения Норильска^{С1} о забастовке, политзаключенных Горлага. Сначала забастовали заключенные 4-го лаготделения, на следующий день к ним присоединились 5-е и 6-е (женское) лаготделения, через неделю — 1-е, еще через два дня — 3-е (каторжное) — в общей сложности больше 16 тысяч человек, доведенных до этой беспрецедентной для ГУЛАГа акции нечеловеческими условиями жизни, изнуряющим трудом, садистскими издевательствами и смертельными расправами лагерного начальства. Причем — неслыханное (не только для ГУЛАГа) дело! — они требовали (именно требовали, а не просили) не только смягчения лагерного режима, но и либерализации советского режима в целом. Позднее эту забастовку справедливо назвали восстанием, имея в виду, что для ее участников она была подлинным восстанием духа, полностью, казалось бы, раздавленного лагерным террором. Это восстание описано во множестве публикаций (в т.ч. и автором^{И9}, наиболее полное из которых сделано А.Б.Макаровой^{И5}, но главное до сих пор остается не выясненным: как могло случиться такое массовое и хорошо организованное выступление, да еще в условиях свирепого Горлаговского режима, исключаящего — по замыслу его создателей — самую возможность какой бы то ни было организации. Заключенных обыскивали ежедневно — при возвращении с работы в лагерь, кроме того, не реже чем еженедельно устраивались внезапные ночные обыски в бараках и подсобных помещениях, и, если у заключенного находили что-либо «неположенное», стандартным наказанием было 30 суток БУРа с выводом на работу. К этому надо добавить «всюду^{С2} плотное»^{И5} стукачество: в 4-м лаготделении, например, забастовщики, вскрыв сейфы оперотдела, обнаружили списки на 620 стукачей — каждый пятый заключенный^{И5}. И все же это невозможное событие состоялось, причем не как истерическая выходка горстки маргиналов — а как продолжавшаяся от четырех до восьми недель четко организованная забастовка 16378 заключенных (не считая добрых четырех тысяч кайерканских заключенных, не выходявших на работу всего несколько дней, не успев ни сорганизоваться, ни просто понять, что происходит). «Докладная записка» комиссии МВД СССР объясняет это следующим образом: «Основной причиной, вследствие чего стала возможной такая массовая волынка и массовое неповиновение заключенных в Горном лагере, является крайне слабая работа оперативного и режимного аппаратов лагеря и его малочисленность». Но речь не о простом ужесточении и без того жестокого режима Горлага, и не о еще более тщательном надзоре: «Вместо своевременного выявления и пресечение в зародыше намерений и попыток заключенных в созданию в лагере нелегальных антисоветских формирований оперативный аппарат, вскрывая среди заключенных эти формирования, заводил на них агентурные разработки (выделено мною — Л.Т.; по сути это означает, что «оперативный аппарат» не только не принимал мер к пресечению выступлений заключенных, но провоцировал их!), выжидая пока это подполье обрстет активом, распространит свою деятельность за пределы лагеря и приступит к практическому осуществлению своих преступных замыслов»^{И3}.

Это уже не объяснение, а обвинение. Но оно и объясняет очень многое. Фактически это констатация того, что забастовка заключенных Горлага была продуктом провокации Горлаговских чекистов.

Такая интерпретация может показаться надуманной, но вот показания заключенного И.С.Касилова, данные им в ходе следствия по Делу № 74 (по обвинению в организации

норильской забастовки): «... примерно 9 мая 1953 года (т.е. чуть более чем за две недели до начала забастовки — Л.Т.) з/к Вольяно ... находясь в изоляторе, ... узнал о том, что ... группа заключенных, завербованных работниками оперативного отдела для производства так называемой «волынки» ... получила инструктаж от работников оперативного отдела и администрации лагеря, как и когда начинать ... «массовые беспорядки». 22 мая з/к Вольяно был выпущен из ШИЗО, отсидев срок. ... в это же время, т.е. между 20 и 25 мая из всех штрафных изоляторов и БУРов Горного лагеря были выпущены ранее содержавшиеся в них, чтобы эта озлобленная и завербованная масса смогла начать массовые беспорядки... При встрече на руднике «Медвежий ручей» Вольяно сказал мне: «Иван, готовится ужасное дело, люди, которым все верят, ... завербованы оперотделом, чтобы подвести массу заключенных под расстрел»... Я посоветовал Вольяно, чтобы он оповестил заключенных ... <но он> страшно перепугался и начал упрашивать меня, чтобы я никому ничего не говорил об услышанном, т.к. в противном случае нас немедля убьют^{С3} ... 26 – 27 мая в жилую зону 1-го лаготделения были занесены 200 ломов и топоров, чтобы устроить ... резню. Но ... лагерники поняли провокацию, резни не произошло. ... Интересно отметить, что вокруг зоны была выставлена дополнительная охрана (солдаты стояли на расстоянии 10 метров друг от друга, чтобы во время резни заключенные не могли выскочить за зону»^{И2}. Аналогично в 3-м лаготделении в конце мая в ШИЗО были переведены «24 бандита с большими сроками ... В камере № 3 ими организована «молотилка». 2 или 3 июня оперуполномоченный Калашников ... лично передал в эту камеру завернутые в полотенце ножи... В этот день каторжан в неуточное время сняли с объектов и возвратили в лагерь... <К этому времени> охрана усилена, установлены пулеметы. 3 июня каторжан на работу не выводили. На собрании заключенных, отвечая на их вопросы, начальник лаготделения капитан Тархов заявил, что «ничего не произошло», «всем дан на время производственный отдых», а усиленная охрана — «это вас не касается». 4 июня надзиратели ШИЗО попытались втолкнуть в камеру № 3 к «молотобойцам» заключенных Милова и И.Смирнова. Те подняли отчаянный крик, увидев в руках бандитов ножи: «Помогите, убивают!» Их товарищам ... удалось выбить дверь камеры и вырваться в коридор, а затем вместе с Миловым и Смирновым — во дворик ШИЗО. Бандиты ... бежали из ШИЗО в дивизион охраны и были пропущены сквозь проволоку. Солдаты с палками в руках бросились избивать выбежавших во двор, тяжело ранили в голову И.Воробьева... Вырвавшись из рук солдат, Милов и Смирнов бежали в зону и спрятались в бараках. Когда все чуть успокоились и начали расходиться, командир дивизиона майор Полстяной приказал открыть огонь по заключенным зоны. Результат: 4 убитых, 17 раненых, из которых 2 вскоре умерли от ран. Администрация тут же покинула зону, отключив при этом электроэнергию (что серьезно затруднило работу больницы и кухни)^{И5}.

Даже когда забастовка уже была в полном разгаре, провокации продолжались. Так в производственной зоне рудника «Медвежий ручей» группа неизвестных в бушлатах с номерами («под заключенных Горлага») 1 июня попыталась взорвать главный трансформатор на ГПП, питающей рудники «Медвежий ручей» и 3/6. «Когда же заключенные, заметившие диверсантов, хотели поймать их, ... эта группа пустилась наутек и была пропущена сквозь колючую проволоку»^{И2}. В том же 1-м лаготделении 4 июня «по заданию оперотдела Горлага был подожжен стационар с больными»^{И2}. Сопоставив сведения, почерпнутые из общения с лагерниками разных зон И.С. Касилов пришел к выводу: «Ни в одном из лаготделений Горлага заключенные не бастовали по собственной инициативе, а были втянуты в «волынку» при помощи мерзких провокаций и неприкрыто оголтелых террористических актов со стороны работников МВД»^{И2}.

Тридцать лет спустя в беседе с Е.С.Грицяком, одним из руководителей забастовки заключенных 4-го лаготделения, полковник ГБ Павленко, подтвердил: « Да, вас провоцировали, но они не ожидали таких масштабов...»

После такого признания дальнейшие соображения доклада комиссии МВД видятся в другом свете: «Используя попустительство оперативного аппарата и работников режима,

наиболее враждебно настроенные к советской власти заключенные сумели безнаказанно организовать, привлечь на свою сторону демагогическими и провокационными призывами значительную массу заключенных (выделено мною — Л.Т.)...». Т.е. лагерные оперативники и администрация сделали все, что могли, чтобы названные «наиболее враждебные заключенные» сумели так «организоваться», но чтобы еще и «привлечь ... значительную массу заключенных» одного «попустительства» мало. Авторы доклада это понимают и добавляют: «Одной из причин, которая облегчила организаторам саботажа привлечь на свою сторону значительную массу заключенных, является грубое обращение с заключенными со стороны работников охраны и работников надзирательской службы, а также невнимательное и бюрократическое отношение со стороны лагерной администрации к жалобам и заявлениям заключенных». Разумеется, выделенные мною слова являются стыдливой инскацией по отношению к произвольным расстрелам, избиениям, демонстративному пренебрежению к элементарным нуждам заключенных. Не будем ставить эти эвфемизмы в упрек авторам «Записки»: другого языка они не знали. Тем более, что на этом советском новоязе они сумели артикулировать более существенный «фактор» забастовки — вложенные в уста «наиболее враждебных заключенных» «заявления о том, что все заключенные осуждены неправильно и являются жертвами органов МГБ и МВД».

Не стоит преувеличивать степень осознания значения этих слов авторами «Записки». Не говоря уже о более высоких инстанциях. Выводы, сделанные ими, и предложенные меры^{С4} никак не соотношены с этой констатацией. Замминистра внутренних дел генерал Серов отреагировал на «Записку» следующими указаниями:

«1. Тщательно профильтровать всех заключенных, ... выявить организаторов и активных участников, а также подстрекателей волынки, и возбудить дела для привлечения их к уголовной ответственности.

2. ... проведите вербовку агентуры из числа лиц, не принимавших участие в волынке, ... с тем, чтобы ежедневно, повторяю — ежедневно, через которых знать настроение заключенных и в случае поступления агентурных данных о враждебных замыслах заключенных — принимайте немедленные меры к изъятию организаторов...

3. Начальнику Горного лагеря тов. Цареву лично следить за состоянием агентурной работы... Оперработников, несвоевременно докладывающих об агентурных материалах, заслуживающих внимания, ... строго наказывать, вплоть до увольнения.

4. Комиссии разработать план мероприятий к дальнейшему расчленению заключенных третьего лаготделения.

5. Предупредить ..., что если и впредь лагерной администрацией будет допущено неповиновение заключенных, МВД СССР вынуждено будет принять решительные меры^{И8} в отношении начальствующего состава лагеря как не обеспечивающего руководство лагеря».

Итак, провокация. Метод, характерный для ведомства, чьи «холодная голова и чистые руки» наряду с «умом, четью и совестью» «руководящей и направляющей» стали синтагмами русского языка. И единственный, похоже, урок, который оно извлекло из этих событий, состоит в том, что с заключенными надо просто бдеть и «расчленять», не пускаясь в хитрые «разработки» (т.е. провокации). Разумеется, провокация как особый вид специальных операций исключается не из арсенала этого ведомства вообще, а лишь из ведения лагерных «оперчекистов».

И это всё?

Трудно поверить, что только этим и ограничивалась рефлексия властей по поводу подобных фактов «классовой борьбы». Тем более, что сама по себе проблема контрпродуктивности ГУЛАГа как важнейшего блока системы трудовых ресурсов СССР^{С5} обсуждалась еще при жизни Сталина. Правда, это обсуждение шло в рамках чисто экономической целесообразности, и, надо полагать, вовсе не имело в виду «политических» заключенных, тем более «особо опасных» заключенных специальных лагерей, подобных Горлагу. Тем более, что по общему признанию гулаговских чинов и руководителей сами по себе «политические» были наиболее трудоспособными из всей армии заключенных — в силу

отсутствия среди них склонности к анархии, поножовщине, да и просто в силу их трудовых навыков — квалификации, дисциплины, уважения к труду и его результатам (иными словами, они и без всяких амнистий и «вольных поселений» работали споро и качественно). Но ведь тем серьезнее должны были восприниматься забастовки этой своеобразной «элиты» — первый звонок!

О реакции «верхнего эшелона» власти — Секретариата ЦК КПСС — на норильские, или, к примеру, кенгирские события архивы молчат.

Одно из двух: либо никакой реакции и не было, «высший эшелон» не считал названные события достойными какого бы то ни было внимания, либо реакция все же была, но соответствующие документы остаются недоступными исследователю. Историки, с которыми мне довелось обсуждать этот вопрос, скорее верят в первый вариант: система обратной связи фильтровала информацию, поступающую наверх, так, чтобы выполнялась Первая Заповедь Бюрократа (ПЗБ): верхи не должны иметь оснований ни подозревать подчиненных в стремлении к переменам, ни самим к таковым стремиться. Разумеется, события, подобные норильской забастовке, скрыть от верхов было бы невозможно^{С6}, но информация о них препарировалась в соответствии с ПЗБ: особлаговские заключенные, хотя и особо опасны по составу своих преступлений, но сами по себе не склонны к неповиновению; события о которых идет речь представляют собой обычную «волынку», к которой послушных заключенных подстрекнула кучка отъявленных смутьянов — бандитствующих националистов, воспользовавшихся отдельными недочетами оперативников и спекулируя на «невнимательном отношении некоторых администраторов к жалобам и обращениям заключенных»^{ИЗ}. Последнее, правда, как-то не вяжется с характеристикой особлаговских зэков как особо опасных преступников, что подтверждается и почти поголовно 25-летними, по сути, пожизненными сроками заключения: на что им жаловаться? На жестокость обращения? Так она подразумевается самим фактом их нахождения в ОСОБОРЕЖИМНОМ лагере!

Тем не менее, похоже, что «верхи» начали понимать, что ГУЛАГ как стеновой хребет всего народно-хозяйственного комплекса страны является серьезнейшей проблемой, решение которой откладывать нельзя. Повторюсь, документы, характеризующие уровень рефлексии верхов, остаются недоступными, но множество свидетельств подтверждают эту догадку косвенно. К таким свидетельствам относятся, прежде всего, известные указы Президиума Верховного Совета об амнистиях, изданные после смерти Сталина. Первой была знаменитая «ворошиловская» амнистия (хотя инициатором ее был Берия^{С7} — откровенно популистская акция, но благодаря ей почти 2,5-миллионное население ГУЛАГа сократилось без малого вдвое — в большинстве своем люди, осужденные за незначительные преступления (типа мелких краж) или за действия, в остальном мире не относящиеся к сфере уголовного права вовсе: «самовольный уход с работы», «нарушение паспортного режима», «предпринимательская деятельность» и т.п. Затем последовали:

- Указ от 8.09.53, распространивший эту амнистию на осужденных по Закону от 7.08.32 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной социалистической собственности (знаменитый закон «семь восьмых», по которому можно было схлопотать 10 лет, а то и расстрел за государственное бревно, выловленное в море, или за горсть шурупов, найденных в кармане спецовки рабочего при выходе с завода):
- Указ от 24.04.54, по которому получили свободу те, кто совершил преступления в возрасте до 18 лет (правда, при условии отбытия не менее 1/3 срока и положительной характеристики со стороны администрации места заключения, но все же!);
- Указ от 17.09.55 об амнистии тем, кто сотрудничал с оккупантами в период Отечественной войны: имевшие сроки не более 10 лет освобождались, остальным срок снижался наполовину; кроме того, освобождались, хотя и с направлением в ссылку — независимо от срока — те, кто служил во время войны в немецкой армии, полиции и специальных формированиях^{С8};

- Указ от 28.09.55 об освобождении германских военнопленных и других германских граждан, осужденных за военные преступления, в том числе за «особо тяжкие преступления».
- Кроме того, для заключенных «твердо вставших на путь исправления» вводились существенные льготы — облегченный режим, разрешение проживать вне зоны (в этом случае разрешалось даже вызвать к себе семью) и — по отбытии 1/3 срока — условно-досрочное освобождение (с обязательством работы по указанию лагерной администрации).

К этому следует добавить никем, насколько известно автору, не отмеченное беспрецедентное для советской репрессивной машины явление: начиная с 1954 года прокуратура и суд стали принимать к рассмотрению заявления «политических», обжалующих свои приговоры. До этого времени все такие заявления оставались безрезультатны, поскольку «... заявления политзаключенных ... дальше лагерной спецчасти не шли. В соответствующую инстанцию отправлялся заполненный бланк: такой-то (ФИО, год рождения, статья, срок и пр. реквизиты) ... Инстанция в ответ тоже заполняла бланк — крошечный клочок оберточной бумаги: Верховный Суд (Прокуратура, Президиум Верховного Совета ...) не находят оснований для пересмотра дела (снижения срока, помилования). Я оказался одним из первых, чье заявление было реально рассмотрено: одну статью из моего обвинения исключили и срок снизили до 10 лет. Это было сенсацией!...»^{И10}

О смысле этой ... странной игры с перебрасыванием бланков можно только гадать, но, учитывая участие в ней нескольких высоких инстанций, надо полагать, что упразднение ее было санкционировано инстанциями еще более высокими. Что не могло произойти без какого-то предварительного обсуждения и соответствующей переписки, следов которой в архивах пока не обнаружено. (Высшие инстанции всё ещё не хотят раскрывать секреты функционирования механизма принятия политических решений, самым наисекретнейшим из которых (секретов) является то, что никакого такого «механизма», похоже, просто не было). Что, конечно, не означает, что этого обсуждения не было. Просто мы лишены возможности узнать, как формулировался предмет обсуждения, какие предлагались подходы к ее решению, какие в ходу были концепции, доводы и контрдоводы. Можно лишь предположить, ориентируясь на некоторые косвенные признаки, что предметом обсуждения был вопрос: «Как нам обустроить ГУЛАГ?», причем концепции жесткой силовой регламентации как внутрилагерных отношений, так и отношений лагеря с обслуживаемыми хозяйственными объектами противостояла концепция ГУЛАГа «с человеческим лицом»^{С9}. Иными словами, и те и другие исходили из основополагающей посылки: «социализм» без ГУЛАГа^{С10} невозможен.

В том и состоит значение норильского восстания (и серии других подобных забастовок политзаключенных), что оно показало невозможность существования этого строя и с ГУЛАГом. Внутри ГУЛАГа понять это было, естественно, невозможно: сказывался характер «позиции рефлексии». Но те, кто находился вне ГУЛАГа хотя бы формально — скажем, в ЦК, или в Совмине — понимали ли они? Или ликвидация этой системы, последовавшая после XX съезда КПСС и освобождения в течение 3–4-х месяцев почти всех политических заключенных — простой побочный продукт предыдущей подковерной борьбы в верхних эшелонах за власть?^{С11} Хочется все же верить, что этот результат, хотя был и не единственной целью Хрущевской «команды», но входил в число сознательно преследуемых целей.

Только архивные документы, да может быть, какие-нибудь откровенные мемуары, смогут подтвердить или развеять эту надежду.

Сноски

1. На вопрос о национальном составе населения полуострова Таймыр норильская школьница ответила: «Вэны, зэки и охра»; так она интерпретировала принятые здесь сокращения: в/н («вэны») — вольнонаемные, з/к («зэки») — заключенные, охр («охра») — работники охраны.

2. Математический оборот речи: выражение точки на прямой расположены всюду плотно —

означает, что как бы ни были близки друг к другу какие-либо две точки, между ними всегда можно поместить бесконечное множество других точек.

3. Справка: Заключенные Горного лагеря ВОЛЬЯНО Ставр Георгиевич и БЫКОВСКИЙ Анатолий Николаевич 1/VII-53 покончили жизнь самоубийством через повешение. Выписка из протокола вскрытия от 3/VII-53 находится в оперативном отделе Горного лагеря. Уполномоченный УМВД по Красноярскому краю майор А. Попов. (Их обнаружили повешенными на балке барака лицом друг к другу. Тела носили отчетливые следы побоев.)^{И1}

4. Через 8 месяцев генерал-полковник И. Серов, награжденный орденом Ленина за организацию и проведение депортации «антисоветских элементов» из Прибалтики и орденом Суворова 1-й степени за депортации народов ряда автономий (немцев, чеченцев, ингушей, калмыков, балкар, карачаевцев, крымских татар), стал главою вновь созданного КГБ.

5. Так в январе 1952 г. инженер-полковник В.С. Зверев директор НГМК и одновременно начальник Норильлага и Горлага направил начальнику ГУЛАГа генералу Долгих доклад, в котором утверждал: «Вообще, задачу поднятия производительности труда и целесообразности производственного процесса может решить лишь досрочное освобождение и закрепление на предприятиях комбината 15000 заключенных». Тогда же начальник тюремного отдела ГУЛАГа генерал С.Н.Круглов предложил Берии освободить 6000 заключенных с тем, чтобы они работали на строительстве Сталинградской ГЭС как «вольные» вместо 25000 заключенных с их крайне низкой производительностью^{И4}. Стоит вместе с тем отметить, что председатель комиссии МВД в Норильске полковник М.В.Кузнецов аналогичное предложение, высказанное полтора года спустя заключенными Горлага (перевести их на «вольное поселение»), оценил как «антисоветское»^{И3}.

6. По слухам уже на второй день норильской забастовки о ней сообщал в своих передачах «ГолосАмерики».

7. Письмо Л.П.Берии в ЦК КПСС и Совмин от 26.03.53 с предложением проведения широкой амнистии; мотивировка: 2 526 402 заключенных — это слишком много, да и опасности большинство из них не представляют, за исключением, естественно, «особо опасных государственных преступников», заключенных специальных лагерей в количестве 221 435 человек^{И6}.

8. Парадокс: осужденных за борьбу против советского государства («с оружием в руках») (слова из Указа) амнистировали, тогда как те, кто был осужден за «антисоветскую агитацию», под которой понималось любое критическое суждение о режиме или его деятелях, да и просто анекдот, продолжали сидеть.

9. Ее активным проводником был знаменитый полковник Барабанов, сделавший основную карьеру, будучи начальником Севпечлага (ГУЛЖДС), после чего был начальником скандально известной 503-ей Стройки (будущая «мертвая дорога» Салехард — Игарка), затем — начальником Цимлянского ИТЛ (ГлавгидрОВОлогодонстрой МВД) и — 1952–53 годах — начальником Главспецнефтьстроя МВД^{И7}; его деятельность в период войны была воспета В.Ажаевым в получившем Сталинскую премию романе «Далеко от Москвы», в котором он выведен под именем Баранова, начальника строительства некоего нефтепровода. В 1954 г. он в качестве одного из руководителей ГУЛАГа объезжал лагерь, пропагандируя, говоря более поздним языком, «новое мышление». В Норильске он собрал конференцию представителей заключенных всех лаготделений Норильлага и Горлага, на которой провозгласил утопическую программу «перестройки», в соответствии с которой в лагерях вводилось своеобразное «самоуправление» во главе с выборным Советом Актива, задачей которого объявлялась защита интересов и прав заключенных от посягательств администрации, в том числе и права на перевод на облегченный режим и даже не условно-досрочное освобождение. Заключенные восприняли эту программу с энтузиазмом, администрация — естественно — без.

10. В данном контексте под ГУЛАГом понимается, естественно, не сама по себе советская система пенитенциарных учреждений, а особая система принудительного труда — основа советской общественно-экономической формации — «азиатского способа производства» по терминологии Маркса. Одна «только сметная стоимость программы капитального строительства МВД составляла (в начале 1953 г.) 105 млрд.руб.»^{И6}.

11. События политической жизни 1951–56 гг. можно представить происходящими в трех уровнях — уровень решения общенациональных проблем, уровень кадрового обеспечения решений первого уровня и уровень интриг по поводу того и другого.

Вот первая дюжина из множества острейших проблем, стоявших в то время перед страной:

- Господство принудительных отношений во всех сферах жизни общества и связанное с этим
- Доминирование органов неограниченного ничем насилия (МГБ-МВД), превращение самого

- государства в исполнительную структуру этих «органов»;
- Огромная и малопроизводительная армия заключенных (более 2,5 млн человек);
- Дисбаланс общественного производства в пользу группы А (производство ради производства);
- Милитаризованная экономика, засилье ВПК («танки вместо масла»);
- Огромные военные расходы (армия численностью более 2,5 млн человек);
- Агонизирующее сельское хозяйство (работа в колхозах «за палочки»);
- Жилищный кризис;
- Нормализация международных отношений СССР;
- Засилье воинствующей некомпетентности в науке (лысенковщина и пр.);
- Техническое и технологическое отставание от развитых стран во всех отраслях народного хозяйства;
- Позорное состояние системы социального обеспечения. Если на решение перечисленных

проблем так или иначе были направлены слияние МГБ с МВД в единое МВДБ; «бериевская амнистия»^Б; передача ГУЛАГа из МВД в ведение МЮ и обратно; снижение сельскохозяйственных налогов^М, повышение закупочных цен на сельхозпродукты^М; нормализация отношений с Югославией^Б; отмена закона 1940 г. о запрете самовольного изменения места работы; осуждение «культы личности Сталина»^{БМХ}; массовая реабилитация политзаключенных^Х; ликвидация ГУЛАГа^Х (буквы верхних индексов означают инициаторов соответствующих действий: Б — Берия, М — Маленков, Х — Хрущев), то событиями второго уровня в это время были: назначение Маленкова Председателем СМ СССР, Берии — министром внутренних дел, уход Маленкова с поста секретаря ЦК; арест Рюмина; изгнание из ЦК Игнатъева; появление в ЦК г.К.Жукова; «чистка» МВД; изгнание из ЦК Б.Кобулова, Гоглидзе; арест Багирова. На третьем же уровне в это же время происходит повышение позиций МВД (Берии); выдвижение «национальных кадров» в союзных и автономных республиках; превращение МВД в «параллельную власть» на местах; показания быв. следователя по особо важным делам МГБ Рюмина, указывающие на роль Маленкова в организации массовых репрессий 30-х — начала 50-х гг.; объединение Хрущева с Маленковым против Берии; возвращение в «верхний эшелон» Ворошилова, Кагановича, Микояна, Молотова; арест Берии; учреждение должности Первого секретаря ЦК КПСС — возвышение Хрущева — усиление роли аппарата ЦК. Четкое разграничение принадлежности тех или иных событий к этим уровням не всегда возможно, но в этом и нет необходимости. Важно другое: даже беглого взгляда на них достаточно, чтобы заметить, что события третьего уровня то и дело «выводят из игры» как раз тех, кто пытался решать те или иные общенациональные проблемы: Берия — Маленков, Маленков-Хрущев — Берию, Хрущев — Маленков. Это наводит на подозрение, что и решение каждой из проблем первого уровня рассматривалось соответствующими «игроками» тоже не как цель, а как средство решения проблем третьего уровня, что превращало всю страну в заложницу этих «игр».

В самом по себе наличии таких трех уровней функционирования государственной машины нет ничего специфического, отличающего советский режим от каких-либо других. Советская специфика (сохраняющаяся в почти нетронутым виде и поныне) заключалась в другом — в полной закрытости от общества как того, что происходило на двух последних уровнях, так и механизмов и процессов принятия решений на всех трех уровнях.

Возвращаясь к предмету настоящих заметок — загадке Норильского восстания приходится признать, что собственно загадкой является не само по себе это событие (и другие подобные акты гулаговского сопротивления), а то, какую конкретно роль сыграло оно в размораживании послесталинского СССР.

Источники

1. Грицяк Е.С. Норильское восстание. Перевод с украинского (Грицяк Е.С. Норильське повстання. — Київ: Видавництво імені Олени Теліги. — 79 с., 1999) // перев. — В.С.Камышан, В.Н.Манович, А.П.Меняйло, Д.И. Штирмер. Ред. — Л.С.Трус. — Новосибирск: СВЕЧА, 60 с., 2001
2. Касилов И.С. Жалоба Генеральному прокурору. Дело № 74. Красноярский краевой государственный архив. Ф.-2041, оп. 1, д. 2 (арх. № 3). т.ІІІ.
3. Кузнецов М.В., Сироткин А. А., Киселев А.И. и др. Докладная записка о работе комиссии МВД СССР в Горном лагере. Норильск, 1953. ГА РФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 159, ЛЛ. 162–180.
4. Куртуа Ст. Преступления коммунизма. // В кн. Куртуа Ст., Верт Н., Панне Ж.-Л. и др. Черная книга коммунизма. Пер. с франц. , М., «Три века истории», 1999.

5. Макарова А.Б. Норильское восстание. Воля, № 1, 1993.
 6. Пихоя Р.Г. Советский союз: история власти. 1945 — 1991. Изд. «Сибирский Хронограф», Новосибирск, 2000.
 7. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник / О-во «Мемориал», ГА РФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. М.: Звенья, 1998
 8. Справка. ГА РФ. Ф.-9413. Оп. 1, Д. 159. Л. 161.
 9. Трус Л.С Введение в лагерную экономику. ЭКО, № 5, 1990.
 10. Трус Л.С. Зеркало реального социализма или Введение в экономику и социологию принудительного труда. В кн.: Возвращение памяти, 2 вып. — Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1994
- http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2000_4.htm

Леонид Соломонович Трус

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семьдесят лет назад по решению высших партийных органов в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся около полутора лет. В публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется «Большим Террором»; в народе же ее называют просто - «Тридцать Седьмой».

Коммунистическая диктатура всегда - и до, и после 1937 года - сопровождалась политическими репрессиями. Но именно Тридцать Седьмой стал символом системы массовых убийств, организуемых и проводимых государственной властью. И недаром:

Тридцать Седьмой - это **гигантский масштаб репрессий**, охвативших все регионы и все слои общества, от высшего руководства страны до далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 17 месяцев по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных перевалило за два миллиона.

Это **невероятная жестокость** приговоров: более 700 тысяч арестованных были казнены.

Это **беспрецедентная плановость** террористических «спецопераций». Вся кампания была тщательно продумана заранее высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежащие «чистке», а также «лимиты» - плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые «инициативы снизу» должны были согласовываться с Москвой и получать ее одобрение.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом **чудовищной лотереей**. Непостижимость происходящего наводила ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Репрессии основательно затронули в частности представителей новых советских элит - политической, военной, хозяйственной. Расправа с людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться, увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что Большой Террор будто бы

был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежавшими.

Тридцать Седьмой - это **неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений**. В 1937-1938 вероятность ареста определялась, главным образом, принадлежностью к какой-либо **категории** населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или **связями** - служебными, родственными, дружескими - с людьми, арестованными ранее. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастические обвинения в «контрреволюционных заговорах», «шпионаже», «подготовке к террористическим актам», «диверсиях» и т.п.

Тридцать Седьмой - это **возрождение в XX веке норм средневекового инквизиционного процесса** со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное **«признание своей вины»** самим подсудимым. Стремление добиться такого признания, в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений, привели к **массовому применению пыток**; летом 1937-го пытки были **официально санкционированы** и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой - это **чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства**.

Это **тайна**, окутавшая отправление «правосудия», это непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя **официальная ложь**: сначала - о мифических «лагерях без права переписки», затем - о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой - это **круговая порука**, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен - от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура **«ЧСИР»** - «член семьи изменника Родины», которая сама по себе была приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной Коллегии Верховного Суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» - людей с украденным детством и изломанной юностью.

Это окончательная **девальвация ценности человеческой жизни и свободы**. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, Тридцать Седьмой - это фантастическое **сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией**, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества - двоемыслие, следствие раздвоения реальности, навязанного пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

* * *

И сейчас, семьдесят лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики России и других стран, возникших на развалинах СССР, явственно различимо пагубное влияние как самой катастрофы Тридцать Седьмого так и всей той системы государственного насилия. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти - это непреодоленный опыт Большого Террора.

Привычка к «управляемому правосудию», правоохранительные органы, подчиняющие свою деятельность не норме закона, а велениям начальства, - это очевидное наследие Большого Террора.

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институций и открытом пренебрежении правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клятв в незыблемой верности конституционному порядку, - это циничная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период Большого Террора.

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности - это тоже итог Большого Террора, когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937 все формы общественной жизни в СССР - культурной, научной, религиозной, социальной и т.п., не говоря уже о политической, - были ликвидированы или подменены имитациями, муляжами; после этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной российской политике старой концепции «враждебного окружения» - пропагандистского обеспечения Большого Террора, подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истерический поиск «врагов» за рубежом и «пятой колонны» внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие второе рождение в новом политическом контексте - все это свидетельства непреодоленного наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Легкость, с которой в нашем обществе возникают и расцветают **национализм и ксенофобия**, несомненно унаследована нами в том числе и от «национальных спецопераций» 1937-1938, и от депортаций в годы войны целых народов, обвиненных в предательстве, и от «борьбы с космополитизмом», «дела врачей» и сопутствующих всему этому пропагандистских кампаний.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой «инакости», отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи, - это во многом результат Большого Террора.

Безудержный **цинизм** - оборотная сторона двоемыслия, волчья лагерная мораль («умри ты сегодня, а я завтра»), утрата традиционных семейных ценностей - и этими нашими бедами мы в большой мере обязаны школе Большого Террора, школе ГУЛАГа.

Катастрофическая **разобщенность** людей, острый дефицит человеческой солидарности, - все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат Большого Террора, целью которого ведь и было раздробление общества на

атомы, превращение народа в «население», в толпу, которой легко и просто управлять.

* * *

Разумеется, сегодня наследие Большого Террора не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты - совершенно другая эпоха. Но это наследие, не осмысленное, и, стало быть, не преодоленное обществом, становится «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающимся наружу то государственной манией величия, то вспышками шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что требуется для осмысления опыта Тридцать Седьмого?

Необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций. Террористической политике тогдашних руководителей страны, и, прежде всего, генерального идеолога и верховного организатора террора - Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, **необходимо дать ясную юридическую оценку.** Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призраки сталинизма - периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в нашей жизни.

Для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган - указывать на прецеденты в мировой юридической практике излишне.

Увы, налицо противоположная тенденция: в 2005 Государственная Дума исключила из преамбулы Закона о реабилитации 1991 года единственное в нашем законодательстве упоминание о «моральном ущербе», причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку этого шага - она очевидна.

Необходимо просто **вернуть слова о моральном ущербе в текст Закона.** Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорбление, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоких стариков - выжившим узникам Гулага, и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора - это важный, но недостаточный шаг.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в СССР. Для этого нужно, прежде всего, **снять все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.**

Необходимо сделать современное историческое знание об эпохе террора общим достоянием: **создать, наконец, школьные и вузовские учебники истории,** в которых теме политических репрессий и, в частности, Большому Террору, было бы уделено место, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле слова. Необходимы просветительные и культурные программы, посвященные этой теме, на **государственных каналах телевидения, необходима государственная поддержка издательским проектам** по выпуску научной, просветительной, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Необходимо создать **общенациональный Музей истории государственного террора** и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и Гулага должна быть представлена во всех **исторических и краеведческих музеях** страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии - Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Москве **общенациональный памятник погибшим**, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 45 лет.

В стране должны появиться **памятные знаки и мемориальные доски**, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и Гулага и т.п. Памятные знаки, указатели и информационные щиты следует установить также в местах дислокации больших лагерных комплексов, на предприятиях, созданных трудом узников, на дорогах, ведущих к сохранившимся руинам лагерных зон.

Необходимо убрать из названий улиц и площадей, да и из названий населенных пунктов, имена государственных деятелей - организаторов и активных участников террора. **Топонимика не должна оставаться зоной увековечения памяти преступников.**

Необходима государственная программа подготовки и издания во всех субъектах Российской Федерации **Книг памяти жертв политических репрессий**. Сейчас такие Книги памяти выпускаются только в части регионов России, да и то – черепашими темпами.

Срочно необходимо разработать и осуществить общероссийскую или даже межгосударственную **программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора**. Это проблема не столько образовательная и просветительская, сколько нравственная. На территории бывшего СССР - сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, полуразрушенных и таких, от которых остались лишь следы; от большинства их и следов не осталось.

Все это способствовало бы восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогло бы выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

История террора понимается и трактуется в сегодняшних пост-советских государствах по-разному. Принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. Диалог национальных памятей - важная и необходимая часть осмысления исторической правды; диалог – а не перебранка, попытки снять историческую (а значит - и гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на «другого». Слишком часто именно история советского террора становится инструментом межгосударственных политических разборок, а совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечней взаимных обид.

Поэтому развернутая **комплексная программа**, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего, **международной и межгосударственной**. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многого другого - может быть, даже и подготовки школьных учебников. Память о терроре - это общая память наших народов. Эта память не разъединяет, а объединяет нас - еще и потому, что это не только память о преступлениях, но и память о

совместном противостоянии машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

* * *

Память о прошлом формируется не Указами и постановлениями правительств. Судьбы исторической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. Чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмыслении Большого Террора да и всего опыта советской истории, нуждается не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав «социалистического лагеря». В таком обсуждении нуждаются все страны и народы, все человечество, ибо события Большого Террора наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. **Гулаг, Колыма, Тридцать Седьмой - такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима.** Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о Большом Терроре должна также выйти за рамки национальной проблематики; подобно некоторым из названных выше гуманитарных катастроф, она должна стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, которые входили в состав СССР, в первую очередь - в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы дискуссий на эти темы не было вовсе. В общественном сознании и в государственной политике усиливаются тенденции, противостоящие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, все более откровенно формулируемой концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подрывает морально-политическое единство советского народа»).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить, в первую очередь, о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее.

Да, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть в свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Оно и понятно: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. **Но без принятия на себя этого, в самом деле - тяжелейшего, груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Наталья Николаевна (Новосибирск) — доктор исторических наук, старший на-учный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского государственного университета

Батенев И.С. (Новосибирск) — руководитель новосибирской группы НТС

Витман К.Я. (Новосибирск) — член Новосибирской городской организации реабилитиро-ванных граждан «Колокол»

Гнедовский Михаил Борисович (Москва) — кандидат исторических наук, директор Инсти-тута культурной политики

Донских Олег Альбертович (Новосибирск) — доктор философских наук, профессор Ново-сибирского государственного университета экономики и управления

Игорь Затолокин (Новосибирск) — иерей Искитимской епархии Русской Православной Церкви

Канышкова Ольга Вячеславовна (Новосибирск) — студентка III курса Новосибирского государственного университета

Красильников Сергей Александрович (Новосибирск) — доктор исторических наук, веду-щий научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор Новосибирского го-сударственного университета

Кузнецов Иван Семенович (Новосибирск) — доктор исторических наук, профессор Ново-сибирского государственного университета

Мананников Алексей Петрович (Новосибирск) – президент правозащитного фонда «Вена-89»

Маркдорф Наталья Михайловна (Новосибирск) — доктор исторических наук, доцент Но-восибирского государственного педагогического университета

Меражов Ильхом Завкидинович (Новосибирск) — кандидат физико-математических наук, доцент Сибирского университета потребительской кооперации, имам Духовного управления мусульман азиатской части России

Москаленская Дарья Николаевна (Новосибирск) — аспирант Новосибирского государст-венного университета

Охотин Никита Глебович (Санкт Петербург) — старший научный сотрудник Инсти-тута русской литературы РАН (Пушкинский дом)

Рудницкий Александр Львович (Новосибирск) — кандидат физико-математических наук, председатель координационного совета Новосибирского областного историко-просветительного общества «Мемориал»

Савенко Елена Нальевна (Новосибирск) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГПНТБ СО РАН,

Сарнова Виктория Владимировна (Новосибирск) — кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления

- Сергеев Андрей Алексеевич** (Новосибирск) — член Новосибирского областного историко-просветительного общества «Мемориал»
- Тепляков Алексей Георгиевич** (Новосибирск) — кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления, докторант Новосибирского государственного университета
- Трус Леонид Соломонович** (Новосибирск) — кандидат географических наук, почетный председатель координационного совета Новосибирского областного историко-просветительного общества «Мемориал», скончался 25.05.2013
- Чичулин Георгий Михайлович** (Новосибирск) — председатель Новосибирской городской организации реабилитированных граждан «Колокол»
- Шадрина Вероника Викторовна** (Новосибирск) — учитель истории, директор музея «Памяти жертв политических репрессий» школы № 94
- Юрганова Валентина Петровна** (Новосибирск) — учитель русского языка и литературы
- Ярошенко Андрей Федорович** (Новосибирск) — кандидат исторических наук, публицист

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ИССЛЕДОВАНИЯ

Красильников С. А. (НГУ) Доктрина и технология сталинского насилия: идентификация, дискриминация, епрессии.....	3
Охотин Н. Г., Гнедовский М. Б. (Мемориал) Страдание как экспонат или Музей строгого режима.....	8
Тепляков А.Г. (НГУ - НГУЭиУ) Массовые операции ВЧК-МГБ 1920 – 1950-х гг. как инструмент политического еррора.....	13
Москаленская Д. Н. (НГУ) Лишение избирательных прав православных священников как пролог репрессий.....	19
Канышкова О. В. (НГУ) Механизмы адаптации спецпереселенцев Западной Сибири в 1936 году (на примере Анжерской и Парабельской участковых комендатур).....	24
Меражов И. З. (СибУПК) Репрессированная мифическая мусульманская организация «Гаскери Уешма».....	34
Маркдорф Н.М. (НГПУ). Проблемы социально-психологической адаптации немецких военнопленных в условиях сибирского плена и мирного времени в 1940-1950-е годы.....	40
Аблажей Н.Н. (НГУ) «Дела о выселении» как массовый источник по истории ссылки	47
Савенко Е.Н. (ГПНТБ) Молодежный «самиздат» 1920-х – начала 1950-х гг. как форма социального протеста (по материалам Сибири).....	51
Тепляков А.Г. (НГУ - НГУЭиУ) Раскрестьянивание и вооружённый народный протест в Сибири в начале 1930-х гг	58
Сарнова В.В. (НГУЭ иУ) Этнические спецконтингенты в Западной Сибири: способы выражения протеста (первая половина 1940 годов).....	63
Кузнецов И. С. (НГУ) Конформизм или сопротивление? Страницы политической жизни новосибирского Академгородка.....	71

Раздел II. ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ, ПУБЛИЦИСТИКА, ВОСПОМИНАНИЯ

Донских О.А. , О нашей памяти.....	81
Ярошенко А.Ф. , Полуправда о репрессиях национального примирения не принесет. ..	83
Чичулин Г.М. , Когда же Россия поблагодарит своих реабилитированных граждан и извинится перед ними?.....	86
Витман К.Я. , О полной реабилитации российских немцев.....	87
Протоиерей Игорь Затолокин , Увековечение памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской в Новосибирской митрополии.....	90
Рудницкий А.Л. , Реабилитация палачей.....	94
Рудницкий А.Л., Сергеев А.А. , Карательная психиатрия*	100
Шадрина В.В. , Сохранение исторической памяти средствами школьного музея.....	113
Мананников А.П. , Анатолий Тихонович Марченко	116
Батенев И.С. , Дети в тамбовских концентрационных лагерях.....	119
Юрганова В.П. , Как это было.....	120

ПРИЛОЖЕНИЯ

Трус Л.С. , Загадка Норильского восстания.....	124
Трус Л.С. , 1937 год и современность.....	131
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	137

* Так как договором с ООО Издательством «Сибпринт» не были предусмотрены коррективы, в отмеченные тексты внесены некоторые изменения.

**РЕПРЕССИРОВАННАЯ СИБИРСКАЯ
ПРОВИНЦИЯ**

Материалы регионального научно-практического семинара

Ответственные редакторы *С.А. Красильников, А.Л. Рудницкий*

Подготовлено к печати ООО Агентство «Сибпринт»

Подписано в печать 13.12.2013. Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Уч.-изд. л. 13,8. Печ. л. 16,7. Заказ № 12132013

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, 39.